

РАЗРУШЬ М
РАЗГАДАЙ Е
ЗАЖГИ Н
Я

ТАХИРА МАФИ

Разрушь меня

Тахира Мафи

**Разрушь меня. Разгадай
меня. Зажги меня**

«Издательство АСТ»

2011, 2012, 2013, 2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Мафи Т.

Разрушь меня. Разгадай меня. Зажги меня / Т. Мафи —
«Издательство АСТ», 2011, 2012, 2013, 2014 — (Разрушь меня)

ISBN 978-5-17-147896-4

Вот уже 264 дня Джульетта не касалась другого человека. В последний раз, когда это случилось, все кончилось трагедией, и ее заперли в закрытой психиатрической клинике... Никто не знает, откуда у нее этот необычный дар — убивать прикосновением. Впрочем, до Джульетты никому нет дела: мир задыхается от последствий глобальной катастрофы, которая унесла и продолжает уносить жизни миллионов людей... Но внезапно Джульеттой заинтересовались, и не кто-нибудь, а всемогущая организация «Оздоровление», жестко и беспощадно управляющая тем, что еще осталось от человеческой цивилизации. Теперь Джульетте предстоит сделать выбор: стать или ОРУДИЕМ в чужих руках — или ВОИНОМ...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-147896-4

© Мафи Т., 2011, 2012, 2013, 2014
© Издательство АСТ, 2011, 2012, 2013,
2014

Содержание

Разрушь меня	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	43
Глава 14	46
Глава 15	49
Глава 16	52
Глава 17	54
Глава 18	57
Глава 19	59
Глава 20	63
Глава 21	66
Глава 22	73
Глава 23	77
Глава 24	81
Глава 25	85
Глава 26	87
Глава 27	92
Глава 28	96
Глава 29	100
Глава 30	102
Глава 31	106
Глава 32	109
Глава 33	112
Глава 34	115
Глава 35	117
Глава 36	122
Глава 37	125
Глава 38	128
Глава 39	130
Глава 40	133
Глава 41	138
Глава 42	141
Глава 43	143
Глава 44	146
Глава 45	148

Глава 46	151
Глава 47	153
Глава 48	155
Глава 49	159
Глава 50	162
Эпилог	165
Уничтожь меня	166
Пролог	166
Глава 1	167
Глава 2	169
Глава 3	171
Глава 4	174
Глава 5	176
Глава 6	178
Глава 7	180
Глава 8	183
Глава 9	185
Глава 10	189
Глава 11	191
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Тахира Мафи

Разрушь меня. Разгадай меня. Зажги меня

Tahereh Mafi

Shatter Me

Destroy Me

Unravel Me

Fracture Me

Ignite Me

© Tahereh Mafi, 2011, 2012, 2013, 2014

© Перевод. О. Мышакова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Разрушь меня

*Моим родителям и мужу.
Когда я сказала, что хочу дотронуться до Луны, ты взял меня за
руку, обнял и научил летать*

*Передо мною два пути,
Но сразу по двум нельзя идти,
И выбрал я неторный путь,
Который немногие выбирали.
Роберт Фрост. Неизбранная дорога*

Глава 1

Я сижу под замком двести шестьдесят четыре дня.

У меня нет ничего, кроме маленькой записной книжки, сломанного карандаша и цифр в голове, составляющих мне компанию. Одно окно. Четыре стены. Сто сорок четыре квадратных фута пола. Двадцать шесть букв алфавита. Я молчу все двести шестьдесят четыре дня изоляции.

Шесть тысяч триста тридцать шесть часов я не касалась другого человека.

– У тебя будет сокамерник сосед, – сказали они.

– Надеемся, ты здесь египтянин. За хорошее поведение, – сказали они.

– Еще один нех, вроде тебя. Изоляции больше не будет, – сказали они.

Они – миньоны Оздоровления, инициативы, которая должна помочь нашему умирающему обществу. Они вытащили меня из родительского дома и заперли в психлечебницу за нечто неподвластное мне. Никому нет дела, что я не знала о своей способности. Не знала, что делаю.

Я не знаю, кто я.

Знаю только, что меня шесть часов тридцать семь минут везли сюда в белом фургоне. Я знаю, что меня приковали к сиденью наручниками. Я знаю, что меня привязали к стулу. Я знаю, что родители даже не сочли нужным попрощаться. Я знаю, что не плакала, когда меня увозили.

Я знаю, что небо с каждым днем приближается к земле.

Солнце падает в океан, заливая коричневыми, красными, желтыми, оранжевыми брызгами мир за окном. Миллионы листьев с тысяч разных веток окунаются в ветер, трепеща от лживого обещания полета. Порывы ветра подхватывают их высохшие крылья лишь для того, чтобы, забытых, бросить на землю, под ноги солдатам, расквартированным на этой улице.

Сейчас уже не так много деревьев, как раньше, говорят ученые. Когда-то наш мир был зеленым, облака белыми, а солнце давало правильный свет. Но я плохо помню тот мир. Я мало что помню из прежнего. Единственное существование, которое я знаю, – то, что мне назначили. Эхо прежней жизни.

Прижимаю ладонь к маленькому квадрату стекла и ощущаю, как холод сжал мне руку знакомым приветствием. Мы оба одиноки, оба существуем безальтернативно.

Беру почти бесполезную ручку, из которой разрешаю себе тратить очень немного пасты в день, и смотрю на нее. Оставь, брось попытки записывать. Может, сосед даже хорошо. Разговор с живым человеком – тоже облегчение. Вспоминаю, как пользоваться голосом, складываю губы, выговаривая знакомые слова, от которых отвык рот. Практикуюсь целый день.

Удивляюсь, что не разучилась говорить.

Скатываю записную книжку в комок и засовываю в трещину в стене. Сажусь на покрытые простыней железные прутья, заменяющие мне постель, и жду. Раскачиваюсь взад-вперед и жду. Я ждала очень долго и заснула.

Открыв глаза, вижу над собой в упор два глаза, две губы, два уха и две брови.

подавляю крик, подавляю желание убежать, подавляю ужас, сковавший мое тело.

– Ты же ма... ма...

– А ты девочка. – Подвигав бровями, он встает – лицо отодвигается – с ухмылкой, не улыбкой. Мне хочется плакать, я смотрю на него с отчаянием, страхом, то и дело бросая взгляды на дверь, которую бесчисленное число раз пыталась открыть. Они заперли меня с мальчишкой. С мальчишкой!

Боже, они пытаются меня убить!

Они сделали это нарочно.

Новая попытка, мучить меня отсутствием сна. Рукава у... сокамерника закатаны до локтей, руки густо покрыты татуировками. В брови след от пирсинга – кольцо, видимо, отобрали. Синие глаза, темные волосы, волевой подбородок, стройное, мускулистое тело. Красавец. Опасный. Ужасный. Чудовищный.

Сокамерник засмеялся. Я упала с кровати и отползла в угол.

Он смерил взглядом тощую подушку на второй кровати, которую утром поставили на свободное место, комковатый матрас и вытертое до основы одеяло: оно прикроет его максимум до лопаток. Посмотрел на мою кровать. Затем на свою.

Одной рукой он сдвинул кровати вместе и ногой пихнул металлические рамы к одной стене. Растянулся на двух матрацах, взбил мою подушку и сунул себе под шею. Меня затрясло.

Я закусила губу и забилась в угол потемнее.

Он украл мою постель, мое одеяло, мою подушку.

Мне остался только пол.

У меня будет только пол.

Я никогда не буду с ним драться, потому что боюсь, я парализована страхом, превратилась в настоящего параноика.

– Так ты что, сумасшедшая? Поэтому тебя тут держат? – Я не сумасшедшая. Он приподнялся на локте, вглядываясь мне в лицо, и снова засмеялся. – Я не собираюсь ничего с тобой делать.

Хотелось бы верить. Я не верю ему.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Не твое дело. Сам сначала назовись.

До меня долетел раздраженный вздох. Сокамерник повернулся спиной на кровати, половина которой только что была моей. Я не спала всю ночь, положив подбородок на колени, крепко обхватив себя руками и свесив длинные темные волосы – единственную завесу между нами.

Я не буду спать.

Я не могу спать.

Не могу снова слышать эти крики.

Глава 2

Утро встретило нас запахом дождя.

Воздух в камере промозглый и тяжелый от запаха мокрого камня и сырой земли. Глубоко вздохнув, на цыпочках подхожу к окну и прижимаюсь носом к холодной поверхности. От моего дыхания стекло запотевает. Закрыв глаза, слушаю мягкие частые удары капель, не заглушаемые ветром. Капли дождя – единственное напоминание о том, что у туч тоже бьется сердце. Как и у меня.

Меня всегда интересовали дождевые капли.

Ведь это же интересно, как они падают, спотыкаясь, ломая ноги, забывая парашюты, когда вываливаются из туч и несутся к неизвестному финалу. Словно кто-то вытряхивает над землей карманы, не заботясь, куда попадет содержимое, не думая, что капли разбиваются, ударившись о землю, оставляя мокрые кляксы на асфальте, и что люди проклинают дни, когда дождевые капли осмеливаются постучаться к ним в дом.

Я дождевая капля.

~~Родители вытряхнули меня из карманов и оставили испаряться на бетонной плите.~~

Окно говорит мне, что мы недалеко от гор и близко к воде, но сейчас все в мире близко к воде. Я только не знаю, с какой мы стороны, куда выходит окно камеры. Прищуриваюсь от раннего утреннего света. Кто-то поднял солнце и пришил к небесам, но каждый день небо нависает немного ниже, чем накануне. Словно невнимательный родитель, который знает тебя лишь наполовину, солнце не замечает, как меняются люди в его отсутствие. В темноте мы становимся совсем другими.

Внезапный шорох означает, что мой сокамерник проснулся.

Резко оборачиваюсь, словно меня опять застали за кражей еды. Это случилось всего однажды, но родители не поверили, что я взяла ее не для себя. Я говорила, что пытаюсь спасти бродячих кошек за углом, но они не считали меня настолько человечной. Только не я. Не такое такая, как я. Впрочем, они никогда не верили мне, поэтому я и оказалась здесь.

Сокамерник испытующе смотрит на меня.

Он заснул, не раздеваясь, в темно-синей футболке и светлых штанах со множеством карманов, заправленных в высокие, до голени, ботинки.

На мне одежда из мертвого хлопка¹, зато щеки зарделись живыми розами.

Он медленно прошелся взглядом по моей фигуре, и от этого неторопливого разглядывания у меня забилося сердце. Розовые лепестки опали со щек и закружились коконом, отчего-то лишая меня мужества.

Перестань на меня смотреть, хочу я сказать.

Перестань трогать меня своими глазами, держи руки при себе и – пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

– Как тебя зовут? – Он наклонил голову набок, и сила тяжести раскололась пополам.

Выжидаю минуту, моргаю, выравниваю дыхание.

Он шевельнулся, и мои глаза брызнули тысячей осколков. Рикошетом разлетевшись по комнате, они делали миллион снимков, миллион моментальных фотографий. Мельтешившие образы поблекли от времени, замороженные мысли робко затрепетали в мертвом пространстве, ураган воспоминаний рвал душу. ~~Сокамерник напоминает мне человека, которого я знала.~~

Резкий вздох, и я очнулась.

Хватит грезить наяву.

¹ Низкосортный хлопок из волокон с пороком естественного происхождения. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– За что ты здесь? – спрашиваю я, обращаясь к трещинам в бетонной стене. Четырнадцать трещин в четырех стенах, тысячи оттенков серого. Пол, потолок – все бетонное. Жалкие лежа – кроватные рамы – сварены из старых водопроводных труб. Маленький квадрат окна, слишком толстое стекло, чтобы выбить. Надежда иссякла. Глаза болят, трудно сфокусировать взгляд. Палец медленно ведет дорожку по холодному полу.

Я сижу на полу, где пахнет льдом, металлом и грязью. Сокамерник усаживается напротив по-турецки. Слишком блестящие у него ботинки для этого заведения.

– Ты меня боишься. – Его низкий голос не имеет формы.

Пальцы сами сжались в кулак.

– Я боюсь, что ты псих.

Может, я и лгу, но это не его дело.

Сокамерник фыркает. Звук эхом отдается в мертвом воздухе камеры. Я не поворачиваю головы, не смотрю в глаза, сверлящие меня. Вдыхаю затхлость, переработанный кислород. Горло сжимается от знакомого ощущения, которое я уже научилась подавлять.

Два стука в дверь возвращают меня к реальности.

За долю секунды сокамерник оказывается на ногах.

– Там никого нет, – говорю я. – Это наш завтрак.

Двести шестьдесят четыре завтрака, а я так и не разобралась, из чего они состоят. Пахнущий химией аморфный кусок, который всегда приносят, когда уже нет сил терпеть голод. Иногда слишком сладкий, иногда пересоленный, но всегда отвратительный. Большую часть времени я слишком голодна, чтобы замечать разницу.

Я слышу, как сокамерник после секундного колебания подошел к двери, отодвинул задвижку маленькой щели и выглянул в мир, которого нет.

– Черт! – Он буквально запустил подносом в отверстие и прижал ладонь к рубашке. – Черт, черт! – Он сжал пальцы в кулак и стиснул челюсти. Обжегся. Я бы предупредила, если бы он слушал.

– Нужно выждать минимум три минуты, а потом уже трогать поднос, – говорю я стене, не глядя на зажившие шрамы, украшающие мои маленькие руки. На ожоги, которых никто не научил меня избегать. – Мне кажется, они делают это специально, – тихо добавляю я.

– О, сегодня ты со мной разговариваешь? – Он зол, в его глазах блеск, но он отводит взгляд. Я понимаю, что он скорее смущен, чем рассержен. Сильный. Слишком сильный, чтобы делать дурацкие ошибки на глазах у девчонки. И слишком гордый, чтобы выдать боль.

Смыкаю губы, глядя в маленький стеклянный квадрат, который здесь называется окном. Сейчас животных почти не осталось, но я слышала рассказы о летающих птицах. Может, если повезет, однажды я увижу такую. Теперь в ходу самые дикие слухи, в которые мало верится, но я от многих слышала, что за последние несколько лет они своими глазами видели летающую птицу. Поэтому я смотрю в окно.

Сегодня я увижу птицу. Она будет белой, с золотой макушкой вроде короны. Она пролетит мимо окна. Сегодня я увижу птицу. Она будет белой, с золотой макушкой вроде короны. Она пролетит мимо окна. Сегодня я...

Его рука.

На моем плече.

Кончики пальцев.

Два пальца касались меня через одежду меньше секунды, и каждый мускул, каждая связка моего тела налились напряжением, сплелись в узлы, от которых каменеет спина. Я осталась очень спокойной. Я не двигаюсь, не дышу. Может, если не двигаться, прикосновение продлится вечно.

До меня никто не дотрагивался двести шестьдесят четыре дня.

Порой казалось, что одиночество во мне вот-вот взорвется, выдавившись через кожу, и я не знала, поможет ли мне плач, крики или истерический смех. Иногда я так отчаянно хотела к кому-нибудь прикоснуться и, в свою очередь, ощутить прикосновение, что почти не сомневалась – вот-вот я попаду в альтернативную вселенную, где меня никто не найдет.

Это уже перестало казаться невозможным.

Я кричала много лет, но никто меня не слышал.

– Ты что, есть не хочешь? – говорит сокамерник тише и с ноткой волнения.

– Я умираю с голоду двести шестьдесят четыре дня. Нет. – Сорвавшееся с губ слово не громче дыхания. Я обернулась – я не должна была оборачиваться, но обернулась. Он внимательно смотрит на меня. Изучает. Губы приоткрылись, руки растерянно повисли, глаза с длинными ресницами в замешательстве моргают.

Меня будто ударили под ложечку.

Его глаза. Что-то в его глазах.

~~Это не он, не он, не он, не он, не он...~~

Я отодвинула от себя тот мир, заперла его, с огромным трудом повернув ключ.

Тьма спрятала меня в своих складках.

– Эй...

Резко открываю глаза. Словно от двух разбитых окон, рот наполнился стеклом.

– Что с тобой? – Он силится говорить безразлично, но сквозь напускное равнодушие в голосе слышится тревога.

Ничего.

Сосредоточиваюсь на прозрачном квадрате, вбитом между мной и свободой. Я хочу разможжить этот бетонный мир, чтобы и памяти о нем не осталось. Я хочу быть больше, лучше, сильнее.

Я хочу быть злой, злой, злой.

Я хочу стать птицей, которая улетит отсюда.

– Что ты ешь? – спрашивает сокамерник. – Почему не отвечаешь? – Он слишком близко, слишком близко, слишком близко.

Собственную словесную блевотину.

Жалкая ручка служит мне пиццеводом.

А мятый листок унитаза.

Никто никогда не подходил ко мне так близко.

Сквозь зубы всасываю воздух и жду, пока он отойдет, как все остальные в моей жизни. Не отрываю глаза от окна, от обещания еще возможного чуда. От обещания чего-то большего, лучшего, оправдания безумия, зреющего во мне, объяснения моей неспособности сделать хоть что-нибудь, не разрушив, не испортив. Сегодня я увижу птицу. Она будет белой, с золотой макушкой вроде короны. Она пролетит мимо окна. Сегодня я увижу птицу. Она...

– Эй...

– Не касайся меня, – шепчу я. Лгу, скрывая от него, что жажду прикосновений. Пожалуйста, трогай меня, хочется мне сказать.

Но когда ко мне прикасаются люди, происходит... всякое. Странное. Скверное.

Смертельное.

Я не помню тепла объятий. Руки болят от неизбежного льда изоляции. Собственная мать не могла держать меня на руках. Отец не мог согреть мои ледяные руки. Я жила в мире пустоты.

Привет.

Мир.

Ты меня забудешь.

Тук-тук.

Собака вскакивает на ноги.

Время принимать душ.

Глава 3

Дверь открывается в черную бездну.

Там нет ни цвета, ни света, ни обещаний, там только ужас, с той стороны. Никаких слов, никаких указаний, только открытая дверь, которая всякий раз означает одно и то же.

У сокамерника снова вопросы.

– Что за черт? – Он переводит взгляд с меня на иллюзию побега. – Нас выпускают?

Они нас никогда не выпустят.

– Пора принимать душ.

– Душ? – Оживление пропадает, но голос по-прежнему звенит от любопытства.

– У нас мало времени, – говорю я. – Надо торопиться.

– Подожди, куда? – Он тянется к моей руке, но я отодвигаюсь. – Света же нет, куда идти, не видно...

– Быстрее. – Я внимательно смотрю на пол. – Держись за подол моей рубашки.

– Да о чем идет речь?

Вдалеке раздался сигнал тревоги. Сирена все ближе, звук нарастает, и вот камера уже содрогается от предупреждающего воя. Дверь медленно поехала обратно. Я схватила сокамерника за футболку и решительно повела в темноту.

– Ничего. Не. Говори.

– Но...

– Ничего! – шикаю я, таща его за край футболки и нащупывая дорогу в лабиринте коридоров. Психиатрическая лечебница. Центр для неблагополучных подростков, для заброшенных детей из распавшихся семей, надежный приют для психически дефективных. Это тюрьма. Нас почти не кормят, мы не видим друг друга, разве что в редких лучах света, украдкой пробирающихся через трещины в стеклянных квадратах, которые они называют окнами. Ночи наполнены криками и заглушенным плачем, воплями и стонами, звуками рвущейся плоти и ломающихся костей по воле сил и по выбору, неведомому мне. Три первых месяца я провела в собственном смраде – никто не сказал, где находятся душевые. Никто не говорил, как там включать воду. С нами не говорят, только сообщают плохие новости. Никто никогда к нам не прикасается. Юноши и девушки никогда не видят друг друга.

Вчерашний день стал исключением.

Это не может быть случайностью.

Глаза понемногу привыкают к вечной искусственной ночи. Пальцы касаются неровных стен. Сокамерник молчит. Я почти горжусь им. На фут выше меня, твердое от сильных мышц тело, сила обычного человека примерно моего возраста. Мир еще не сломал его. Сколько свободы в неведении...

– А что...

Я сильно дергаю его за футболку, чтобы молчал. Мы еще не прошли коридоры. У меня странное ощущение, что я защищаю его – парня, который может раздавить меня двумя пальцами. Он не понимает, каким уязвимым делает его неопытность. Не понимает, что его могут убить без всякого повода.

Я решила не бояться. Я считаю его поведение скорее мальчишеством, чем настоящей угрозой. Он кажется таким знакомым, таким знакомым, таким знакомым... Когда-то я знала мальчика с синими глазами, и воспоминания не позволяют мне возненавидеть сокамерника.

Мне хотелось бы завести друга.

Еще шесть футов, и стена из шероховатой становится гладкой. Поворачиваем направо. Два фута пустого пространства, и мы у деревянной занозистой двери со сломанной ручкой. Выждать три удара сердца, чтобы убедиться – мы одни. Один шаг вперед – и мягко тронуть дверь. Один негромкий скрип, и щель расширяется. Внутри ничего не видно, но я представляю, как выглядит душевая.

– Сюда, – шепотом говорю я.

Я тяну его к душевым кабинкам и шарю по полу в поисках обмылков, застрявших в стоке. Нахожу два кусочка, один вдвое больше другого.

– Протяни руку, – говорю я в темноту. – Он скользкий, не урони. Мыла мало, нам сегодня повезло.

Несколько секунд нет ответа. Начинаю волноваться:

– Ты тут?

Неужели ловушка? Может, таков их план – его послали убить меня в этой камере в крошечной темноте? Я до сих пор не знаю, что со мной хотят сделать в психлечебнице. Может, решили, что с меня достаточно изоляции, но ведь могут и убить. Так целесообразнее.

Не сказала бы, что я этого заслуживаю.

Я здесь за то, что совершила ненамеренно, и никому, похоже, нет дела, что это был несчастный случай.

Мои родители ни разу не попытались мне помочь.

Я не слышу шума воды, и сердце останавливается. Эта душевая редко бывает полной, но, как правило, один-двое моются. Я пришла к выводу, что обитатели лечебницы действительно психически больны и либо не в состоянии найти дорогу в душевую, либо не обращают внимания на такие мелочи.

С усилием сглатываю комок в горле.

– Как тебя зовут? – Его голос раскалывает воздух и мой поток сознания. Я чувствую его дыхание гораздо ближе, чем прежде. Сердце бьется быстрее; не понимаю, почему я не могу справиться с собой. – Это что, тайна?

– Ты ладонь подставил? – спрашиваю я пересохшим ртом. Выходит грубо и хрипло.

Он подается на несколько дюймов вперед. Я боюсь дышать. Его пальцы тронули жесткую ткань единственной одежды, которая у меня есть, и я с облегчением выдыхаю. Пока он не дотронется до моей кожи... Пока он не дотронется до моей кожи... Пока он не дотронется до моей кожи, мой секрет остается при мне.

Моя тонкая рубашка столько раз стиралась в здешней жесткой воде, что царапает кожу, как джутовый мешок. Уронив большой обмылок в ладонь сокамерника, на цыпочках отхожу назад.

– Я включу для тебя душ, – объясняю я, стараясь не повышать голос, чтобы другие не услышали.

– А что с одеждой делать?

Он по-прежнему слишком близко.

Неистово моргаю в темноте.

– Придется раздеться.

Послышалось отрывистое сопение – он беззвучно смеется.

– Нет, это понятно. Куда ее деть, пока я моюсь?

– Постарайся не намочить.

Он глубоко вздыхает.

– Сколько у нас времени?

– Две минуты.

– Господи, ну почему ты ничего не гово...

Включаю два душа одновременно, и его жалобы тонут под частыми пульками воды из едва работающих насадок.

Я двигаюсь автоматически. Я столько раз это делала, что уже запомнила самые эффективные методы оттирания, смывания и расходования мыла на тело и волосы. Полотенец нет, поэтому фокус в том, чтобы не намочить какую-нибудь часть тела слишком сильно. Высушиться толком не удастся, и следующую неделю будете подыхать от пневмонии. Я знаю.

Ровно через девяносто секунд я выкрутила волосы и натянула изношенную одежду. Единственное, что до сих пор остается в сносном состоянии, – теннисные туфли: мы здесь мало ходим.

Сокамерник отстал лишь на несколько секунд. Надо же, какой способный ученик.

– Держись за подол моей футболки, – приказываю я. – Надо спешить.

Его пальцы на целую секунду коснулись моей поясницы, и я зубами впилась в губу, чтобы подавить интенсивность ощущения, и едва не застыла на месте. Никто никогда не подносил ко мне руку даже близко.

Ускоряю шаг, чтобы он чуть отодвинул руку. Сокамерник спотыкается в темноте, но не отстает.

Наконец мы оказываемся в знакомых четырех бетонных стенах, вызывающих клаустрофобию. Сокамерник не сводит с меня глаз.

Съеживаюсь в углу. У него по-прежнему моя кровать, одеяло, подушка. Я прощаю ему неопытность, но становиться друзьями, пожалуй, рановато. Возможно, я слишком поспешила ему помочь. Может, он здесь, чтобы издеваться надо мной. Если я не согреюсь, то заболею. Волосы мокрые, а одеяло, в которое я обычно их заворачиваю, все еще на его стороне камеры. Кажется, я по-прежнему боюсь его.

С судорожным вздохом испуганно поднимаю голову и в тусклом свете дня вижу, как сокамерник накрывает мои плечи двумя одеялами.

Моим.

И своим.

– Прости, я вел себя по-хамски, – шепчет он куда-то в стену. Он не коснулся меня, и я испытала разочарование облегчение. Жаль, что не коснулся. Нельзя. Ко мне нельзя прикасаться.

– Я Адам, – медленно говорит он, отодвигаясь от меня, пока в комнате не стало казаться пусто. Правой рукой он снова тащит одну кроватьную раму к моей стене.

Адам.

Какое хорошее имя. Сокамерник с хорошим именем.

Это имя мне всегда нравилось. Не помню почему.

Я не стала тратить время, залезая на едва прикрытые пружины матраца. Я так измучена, что почти не ощущаю металлических колец, готовых проткнуть мне кожу. Я не спала больше суток. «Адам – хорошее имя», – успела подумать я, прежде чем меня поглотила усталость.

Глава 4

[illegible]

Ужас разрезал мои веки, и глаза открылись.

Я плаваю в холодном поту, мысли захлестывают волны незабытой боли. Глаза фокусируются на двух черных кружках, растворившихся в темноте. Я не знаю, сколько я спала. Я и не подозревала, что могу напугать сокамерника своими снами. Иногда я кричу во сне.

Адам смотрит на меня.

Тяжело дыша, сажусь прямее, плотнее заворачиваюсь в одеяла и только тут спохватываюсь, что украла его единственное средство согреться. Даже в голову не пришло, что он мерзнет не меньше меня. Зябко дрожу; Адам, впрочем, кажется неподвижным – мощный силуэт на фоне занавеса черноты. Я не знала, что сказать. Сказать было нечего.

– В этом заведении крики никогда не смолкают, что ли?

~~Крики — только начало.~~

– Нет, – отвечаю почти беззвучно. На щеках проступает легкая краска, но в темноте не заметно. Адам, должно быть, слышал мои крики.

Иногда мне хочется, чтобы не надо было спать. Иногда думаю, что, если замереть и не шевелиться никогда-никогда, все изменится. Я замру, и боль замрет. Иногда не двигаюсь часами. Ни на дюйм.

Если время остановится, ничего дурного не произойдет.

– Тебе плохо? – В голосе Адама слышится озабоченность. Я смотрю на его сжатые кулаки, на глубокую поперечную морщину, пересекающую лоб, на напряженный подбородок. Человек, укравший у меня кровать и одеяло, сегодня обошелся без ничего. Задиристый и беззаботный считанные часы назад; внимательный и тихий сейчас. Мне становится не по себе: неужели он так быстро сломался? Что такого он слышал, пока я спала?

Жаль, что я не могу спасти его от страха.

Вдалеке что-то разбилось, и откуда-то донесся крик боли. Наши камеры глубоко утоплены в бетоне, стены толще, чем полы и потолки, звуки почти не вырываются. Если бы еще и вопли слушать, жизнь стала бы невыносимой. Каждую ночь здесь раздаются звуки, которых я не слышу. Каждую ночь я гадаю, не моя ли сегодня очередь.

– Ты не сумасшедшая.

Смотрю на него. Голова чуть наклонена, глаза сосредоточенны и ясны – в этом-то склепе, где мы заточены...

– Я думал, тут все психи, – продолжал он. – Думал, меня заперли с сумасшедшей.

Судорожно глотаю воздух.

– Забавно. Я тоже так подумала.

Одна.

Две.

Три секунды.

И он улыбается так широко, так весело и искренне, что мое тело словно сотрясает удар грома. Что-то колет в глазах, колени разом слабеют. Я не видела улыбки двести шестьдесят пять дней.

Адам поднимается на ноги.

Протягиваю ему его одеяло.

Он берет одеяло и ту же заворачивает в него меня. Что-то сжимает грудь. Легкие словно проткнули чем-то острым и стянули вместе. Я решила не двигаться целую вечность.

– Что-то не так? – спрашивает он.

~~Родители перестали меня трогать, когда я начала ползать. Учителя сажали работать отдельно, чтобы я не причинила вреда другим детям. У меня никогда не было друзей. Я не знаю тепла материнских объятий, нежности отцовского поцелуя. Я не сумасшедшая.~~

– Нет, ничего.

Еще пять секунд.

– Можно мне сесть рядом?

Это было бы здорово.

– Нет. – Я снова смотрю в стену.

На щеках у него на секунду проступают желваки. Он проводит рукой по волосам. Я впервые спохватываюсь, что он без футболки. В камере так темно, что я вижу только контуры его фигуры, можно сказать, один силуэт: у луны лишь маленькое окошко, чтобы скупо осветить часть пола. Но мне видно, как с каждым движением у него напрягаются мышцы рук. Меня жжет неведомое пламя. Огненные языки лижут кожу, под ложечкой нестерпимый жар. Каждый дюйм его тела наполнен силой, каждый изгиб чуть светится в темноте. За семнадцать лет я не видела ничего подобного. За семнадцать лет я никогда не говорила с ровесником. Потому что я чудовище.

Плотно закрываю глаза – так, что веки будто срослись.

Скрипнула его кровать – пружины застонали, когда он сел. Разлепив глаза и глядя в пол, спрашиваю:

– Тебе, наверное, холодно?

– Нет, – шумно вздыхает он. – Вообще-то я горю.

Вскакиваю на ноги – одеяла падают на пол.

– Ты заболел? – Вглядываюсь в его лицо, ища признаки лихорадки и не осмеливаясь приблизиться ни на дюйм. – Голова кружится? Суставы ломит? – Я стараюсь вспомнить собственные симптомы. Тогда я слегла на неделю. Сил хватало только подползти к двери и пособачьи, ртом съесть еду с подноса. Не знаю, как я выжила.

– Как тебя зовут?

Спрашивает уже в третий раз.

– Ты, наверное, заболел.

Больше я не могу заставить себя ничего сказать.

– Я не болен, просто жарко. Обычно я не сплю в одежде.

Под ложечкой стало щекотно и горячо. Меня буквально скрутило от необъяснимого унижения. Я не знаю, куда глаза девать.

Глубокий вздох.

– Вчера я вел себя как дерьмо. Я обошелся с тобой хуже некуда и хочу извиниться. Я был не прав.

Набираюсь смелости и встречаюсь с Адамом взглядом.

Его глаза очень красивого кобальтового оттенка – синие, как зрелый синяк, ясные, глубокие и решительные. Подбородок волевой, четко очерченный, лицо сосредоточенное, внимательное. Он думал о вчерашнем всю ночь.

– Ладно, проехали.

– Почему ты все-таки не говоришь своего имени? – Он подается вперед, и я замираю. Но быстро начинаю оттаивать.

Я таю.

– Джульетта, – шепчу я. – Меня зовут Джульетта.

Его губы, смягчившись, складываются в улыбку, от которой у меня по спине пробегает томительная судорога. Он повторяет мое имя, словно самый звук его забавляет. Радует. И нравится.

~~За семнадцать лет никто не произносил моего имени так, как он.~~

Глава 5

Я не знаю, когда это началось.

Я не знаю, почему это началось.

Я не знаю ничего ни о чем, кроме крика.

Моя мать закричала, поняв, что не может больше трогать меня. Отец закричал, увидев, что я сделала с матерью. Родители кричали, запирая меня в комнате, что я должна быть благодарна. За их еду. За человеческое обращение с существом, которое не может быть их ребенком. За деревянную ярдовую линейку, применяемую ими для того, чтобы отмерять расстояние от меня.

Я погубила их жизнь, сказали они мне.

Я украла их счастье. Убила надежду матери иметь еще детей.

Разве я не вижу, что сделала, говорили они мне. Разве не вижу, что все испортила?

Я всячески пыталась исправить то, что испортила. Каждый день старалась быть такой, как они хотели. Все время пыталась стать лучше, но не знала как.

Я только знала, что ученые ошибаются.

Земля плоская.

Я это точно знаю, потому что меня столкнули с края, и семнадцать лет я держусь из последних сил. Все семнадцать лет я пытаюсь забраться обратно, но почти невозможно преодолеть силу тяжести, когда никто не желает тебе помочь. Протянуть руку.

Когда никто не хочет рисковать, коснувшись тебя.

Сегодня идет снег.

Бетон ледяной и жестче, чем обычно, но я предпочитаю морозилку удушающей влажности летних дней. Лето – мультиварка, в которой все в мире закипает, а оно знай повышает температуру по одному градусу. Лето обещает миллион счастливых прилагательных, а затем вливает смрад нечистот в твои ноздри. Ненавижу жару и липкий, потный ад. Ненавижу вялую, равнодушную скуку солнца, слишком занятого собой, чтобы заметить бессчетные часы, которые мы проводим в его присутствии. Солнце – надменное существо: устав от нас, оно покидает мир.

Луна – верный товарищ.

Она никогда не уходит. Она всегда здесь, смотрит, знает наши светлые и темные стороны и вечно меняется, совсем как мы. Каждый день она новая. Иногда слабая и тусклая, иногда сильная и яркая. Луна понимает, что означает быть человеком.

Неуверенным. Одиноким. Полным несовершенств.

Я так долго смотрела в окно, что забыла себя. Я вытягиваю руку поймать снежинку, но пустой кулак смыкается в ледяном воздухе.

Хочу просунуть кулак, прикрепленный к моему запястью, через окно.

Чтобы что-то почувствовать.

Чтобы ощутить себя человеком.

– Который час?

Долю секунды мои веки трепещут. Голос Адама вернул меня в мир, который я стараюсь забыть.

– Не знаю.

Я понятия не имею, который сейчас час. Я не знаю, какой сегодня день недели, какой месяц и даже какое время года должно сейчас быть.

У нас уже нет смены сезонов.

Животные умирают, птицы не летают, зерна не достать, цветов не осталось. Погода будто сошла с ума. Иногда в зимние дни жара под девяното два градуса. Иногда без всяких причин идет снег. Мы уже не можем вырастить достаточно зерновых, животным не хватает еды, мы не можем накормить людей нормальной пищей. Человечество вымирало с угрожающей скоростью, прежде чем к власти пришли сторонники Оздоровления, уверяя, что знают выход. Оголодавшие животные готовы были питаться чем угодно, а голодные люди готовы были есть отравленных животных. Мы убивали себя в попытке выжить. Погода, растения, животные и спасение человека нераздельно связаны. Естественные составляющие природы между собой не воюют, это вредило бы экосистеме. Нашей атмосфере. Нашим животным. Нашим собратьям-людям.

Оздоровленцы обещали все исправить. Но если жизнь при новом режиме немного улучшилась, куда больше людей умерло от пистолетной пули, чем от пустого желудка. И ситуация накаляется.

– Джульетта!

Резко вскидываю голову.

В его взгляде осторожность, беспокойство. Анализирует он меня, что ли?

Отвожу глаза.

Он говорит, прочистив горло:

– Нас что, кормят раз в сутки?

При этом вопросе мы оба невольно смотрим на маленькую щель под дверью.

Я подтягиваю колени к груди и поровнее устраиваюсь на кровати на раме. Если сидеть очень-очень неподвижно, то почти не заметно, как металл впивается в тело.

– А здесь нет системы в подаче пищи, – отвечаю я, ведя пальцем новый узор по грубому одеялу. – Обычно что-то дают по утрам, но в остальном никаких гарантий. Иногда нам... везет. – Глаза сами поднялись к оконной раме, вбитой в стену. Красно-розовый свет сочится в камеру. Новое начало прежнего финала. Новый день.

Может, сегодня я умру.

Может, сегодня прилетит птица.

– Значит, раз в день открывают дверь, чтобы люди сделали свои дела, а если повезет, то нас кормят? Так, что ли?

Птица будет белой, с золотой макушкой вроде короны на голове. Она мелькнет за окном.

– Да.

– А как же групповая терапия? – Он едва сдерживает смех.

– До твоего прихода я не сказала ни слова за двести шестьдесят четыре дня.

Наступившее молчание очень красноречиво – я почти могу потрогать вину, под тяжестью которой поникли его плечи.

– Тебя сюда надолго? – спрашивает он наконец.

– Навсегда. Не знаю, – что-то механическое скрипит/стонет/визжит в отдалении. Моя жизнь – четыре стены упущенных возможностей, бетоном залитых в опалубку.

– А что твоя семья? – В его голосе искреннее сочувствие, будто он знает ответ.

О родителях мне известно только одно: я понятия не имею, где они.

– А ты здесь за что? – говорю я своим пальцам, чтобы не встречаться взглядом с Адамом. Я тщательно изучила свои руки и точно знаю, где каждая шишка, шрам и синяк, испестрившие кожу. Маленькие руки. Тонкие пальцы. Сжимаю и разжимаю кулаки, чтобы ослабить напряжение. Адам молчит.

Поднимаю глаза.

– Я не сумасшедший, – отвечает он наконец.

– Все так говорят. – Я чуть поворачиваю голову, лишь для того, чтобы покачать ею на долю дюйма. Помимо воли я то и дело поглядываю на окно.

– Почему ты все время смотришь в окошко?

Я не против его вопросов, правда. Просто отвыкла разговаривать. Странно тратить силы, заставляя губы складывать слова, объясняющие мои действия. Никому так долго не было до меня дела. Никто не видел меня достаточно близко, чтобы заметить – я часто смотрю в окно. Никто никогда не обращался со мной как с равной. С другой стороны, Адам не знает что-я чудовище мой секрет. Остается гадать, сколько это продлится, прежде чем он убежит от меня, спасая свою жизнь.

Я забыла ответить, но Адам не сводит с меня взгляда.

Заправляю прядку за ухо и, вдруг передумав, спрашиваю:

– А почему ты так пристально за мной следишь?

Его глаза внимательны и любопытны.

– Я так рассудил: меня могли запереть с девчонкой, только если она сумасшедшая. Мне казалось, они придумали для меня новую пытку – посадить в камеру к психопатке. Я решил, ты мое наказание.

– Поэтому украл мою кровать.

Чтобы показать, кто здесь главный. Чтобы застолбить участок. Чтобы напасть первым.

Адам потупился, сжал и разжал кулаки, затем потер шею сзади.

– Почему ты мне помогла? Как ты узнала, что я тебя не обижу?

Я пересчитываю пальцы – убедиться, что все они при мне.

– Да я ничего...

– Не помогала мне или не знала, что я не опасен?

– Адам. – Губы округло сложились в его имя. Я удивилась приятному знакомому ощущению, когда слово скатилось с языка.

Он сидит почти так же неподвижно, как я. В глазах появилось новое выражение, которое я не могу понять.

– Да?

– Как там, в реальном мире снаружи? – спрашиваю я, произнося все тише каждое слово. – Хуже стало?

Боль искажила его четкие, красивые черты. Он справился с собой только через несколько секунд и взглянул на окно.

– Честно? Я не знаю, где лучше – здесь или там.

Я тоже смотрю на стекло, отделяющее нас от реальности, и жду, когда разомкнутся губы Адама, – мне хочется услышать, что он скажет. Но тут мое внимание привлекает уже сказанное – оно мечется в голове, затуманивая чувства, застилая глаза, ослабляя внимание.

– Ты знаешь, что это движение оказалось международным? – спрашивает Адам.

– Нет, – отвечаю я, умолчав, что меня вытащили из дома и насильно увезли три года назад. Получается, меня увезли ровно через семь лет после начала проповедей оздоровленцев и четыре месяца спустя после того, как они пришли к власти. Я не сказала Адаму, как мало знаю о новом мире.

По словам Адама, Оздоровление запустило руки в каждую страну, желая видеть лидерами государств своих ставленников. Он сказал, что необитаемые территории всего мира поделили на 3333 сектора, которые контролируют особые Уполномоченные Лица.

– Ты знаешь, что они нам лгали? – спрашивает Адам. – Ты знаешь, что оздоровленцы кричали – кому-то надо руководить, кто-то должен спасти общество, восстановить мир? Ты знаешь, что они заявили: истребление оппозиции – единственный путь к миру? Ты знаешь все это?

Тут я кивнула. Тут я ответила «да».

Эту часть я помню: возмущение, бунты, ярость.

Глаза закрылись в подсознательной попытке заблокировать тяжелые воспоминания, но это возымело обратный эффект. Протесты. Митинги. Вопли о невозможности выжить. Я видела женщин и детей, погибших от голода, стертые в щебенку дома, лунный пейзаж вместо прежних полей, приносящих теперь единственные плоды – разлагающуюся плоть жертв военных действий. Я видела смешанный с землей мертвенно-красный, винно-красный, темно-красный и даже роскошный алый оттенок любимой маминой помады.

Можно сказать одно: все погибли.

– Оздоровление всеми мерами удерживает власть, – продолжает Адам, – пытаюсь развязать войну против восставших противников нового режима. Как новая форма правления, Оздоровление ищет поддержку у всех международных сообществ.

Я гадала, где теперь те, кого я видела каждый день. Что случилось с их домами, родителями, детьми? Кто из них уже лежит в земле?

Сколько из них убиты?

– Они все уничтожают. – Голос Адама звучит странно торжественно в этой тишине. – Книжки, артефакты, любое упоминание об истории человечества. Они доказывают, что это единственный способ улучшить создавшееся положение. Якобы нужно начать с чистого листа, чтобы не повторять ошибок предыдущих поколений.

Два

стука

в дверь,

и мы оба на ногах, грубо выдернутые в мрачную реальность.

Адам поднял бровь:

– Завтрак?

– Выжди три минуты, – напоминаю я. У нас прекрасно получалось не показывать голод, но двойной стук в дверь моментально лишил нас воли.

Они нарочно морят нас голодом.

– Да. – Его губы сложились в мягкую улыбку. – Не хочу еще раз обжечься. – Воздух колыхнулся, когда он шагнул вперед.

Я осталась сидеть неподвижно.

– Все же я не понял, – тихо говорит он. – За что тебя сюда посадили?

– Почему ты так много спрашиваешь?

Он в футе от меня, я – в десяти дюймах от спонтанного взрыва.

– У тебя очень глубокие глаза, – говорит он, наклонив голову набок. – Такие спокойные. Хочется узнать, о чем ты думаешь.

– Не нужно... – Мой голос дрогнул. – Ты меня совсем не знаешь.

Он засмеялся, и в его глазах заплясали веселые огоньки.

– Не знаю?

– Нет.

Покачав головой, он садится на свою кровать.

– Верно. Не знаю.

– Что?

– Ты права. – Он справился с собой. – Может, я и сумасшедший.

Отступаю на два шага.

– Может, и так.

Он снова улыбается, и мне хочется его сфотографировать. Я готова смотреть на изгиб этих губ остаток жизни.

– Да не псих я!

– Но ты не ответил, почему ты здесь, – упрямо повторяю я.

– Ты тоже.

Бросаюсь на колени и втаскиваю поднос через щель. Неопределимое варево дымится в двух оловянных кружках. Адам усаживается на пол напротив меня.

– Завтрак, – объявляю я, пододвигая ему его порцию.

Глава 6

Одно слово, две губы, три, четыре, пять пальцев складываются в один кулак.

Один угол, два родителя, три, четыре, пять причин прятаться.

Один ребенок, два глаза, три, четыре, семнадцать лет страха.

Сломанная швабра, два бешеных лица, злой шепот, замок на моей двери.

Посмотрите на меня, хочу я сказать. Говорите со мной иногда. Найдите мне средство от этих слез. Я очень хочу вздохнуть с облегчением первый раз в жизни.

Прошло две недели.

Две однообразные недели, две недели из ничего, кроме однообразия, две недели с сокамерником, ~~который вот-вот захочет коенуться~~ ~~меня~~ ~~который до~~ ~~меня~~ ~~который до~~ ~~меня~~ не дотрагивается. Адам привыкает. Он не жалуется, ничего сам не рассказывает и продолжает задавать слишком много вопросов.

Он ласков со мной.

Я сижу у окна и смотрю, как смешиваются дождь, листья и снег. Они по очереди танцуют в воздухе, исполняя свои хореографические па для безразличных ко всему людей. Солдаты шагают, шагают, с топотом шагают под дождем, давя сапогами листья и выпавший снег. Сжатые перчатками руки сжимают ствол оружия, способного стрелять в разных режимах. Они не дают себе труда заметить падающую с неба красоту. Они не знают свободы в ощущении вселенной на твоей коже. Им все равно.

Я хочу набить рот дождевыми каплями, а карманы – снегом. Хочу провести пальцем по жилкам упавшего листа, и чтобы ветер охлаждал мне нос.

Вместо этого я стараюсь не обращать внимания на отчаяние, хотя от него слипаются пальцы, и жду птицу, которую видела только во сне. Раньше птицы, говорят, летали. Прежде чем истончился озоновый слой, прежде чем от загрязнения атмосферы птицы мутировали в нечто ужасное иное. Говорят, погода не всегда была такой непредсказуемой. По слухам, существовали птицы, пересекавшие небо, как самолеты.

Едва ли такое маленькое живое существо могло соперничать со сложнейшим созданием человеческого ума, но искушение поверить слишком соблазнительно. Я мечтаю о птице в небе уже десять лет. Белой с золотой макушкой, словно в короне.

Только эта мечта дает умиротворение моей душе.

– Что ты пишешь?

Прищурившись, смотрю на его сильное тело, на легко появляющуюся улыбку. Не знаю, откуда у него силы улыбаться, несмотря ни на что. Сможет ли он сохранить отличную форму и этот особый изгиб губ, способный изменять судьбы? Представив, что с ним станет через месяц, я содрогнулась.

Не хочу, чтобы он стал таким, как я.

Опустошенным.

– Эй! – Он сгреб одеяло с моей кровати и нагнулся ко мне, одним движением обернув реденькую ткань вокруг моих плеч, ставших совсем прозрачными. – Ты что?

Пытаюсь улыбнуться, решив уйти от вопроса.

Он садится рядом, спиной к стене. Его плечи совсем близко, слишком близко недостаточно близко. Жар его тела согревает меня лучше одеяла. Суставы ломит от острого желания, безрассудной потребности, которой мне никогда не утолить. Тело молило о том, чего я не могу себе позволить.

Коенись меня.

Он заглядывает в маленький блокнот у меня в ладони, смотрит на сломанную ручку, зажатую в кулаке. Закрыв блокнот, я скатываю его в комок и засовываю в щель в стене, после чего принимаюсь изучать ручку на ладони, ощущая на себе испытующий взгляд.

– Ты пишешь книгу?

– Нет.

Нет, книгу я не пишу.

– Может, и зря.

Я встретила с ним взглядом и сразу пожалела об этом. Нас разделяет менее трех дюймов, и я не могу двинуться, потому что умею только замирать. Мышцы напряжены, движения замедляются, каждый позвонок превращается в кубик льда. У меня захватывает дыхание, глаза расширяются, я не в силах оторваться от его пристального, упорного взгляда. Я не могу отвести глаза. Не знаю, куда отступить.

О Боже.

Его глаза!

Я лгала себе, упрямо отрицая невозможное.

Я его знаю, я его знаю, я его знаю, я его знаю.

Мальчик, ~~который меня забыл~~ с которым мы были знакомы в прежней жизни.

– Они хотят уничтожить английский язык, – негромко говорит Адам.

Мне стоит больших трудов не сбить дыхание.

– Они хотят создать все заново, – продолжает он. – Все переделать. Хотят уничтожить все, в чем якобы кроется корень наших проблем. По их мнению, нам нужен новый, универсальный язык. – Его голос дрогнул, он опустил глаза. – Они хотят уничтожить все известные языки.

– Ох нет, – задыхнулась я. Перед глазами поплыли пятна.

– Я точно знаю.

– Нет!

Такого я представить себе не могла.

– Хорошо, что ты записываешь происходящее. Однажды и это станет незаконным.

Меня трясет. Тело сопротивляется Мальстрёму эмоций; мне больно от невозможности удержать мир, который я знала, и от того, что Адам меня не помнит. Ручка выпала на пол; я вцепилась в одеяло – не понимаю, как оно выдержало; острый лед кромсал мою кожу, сгустившийся ужас забивал вены. Мне и не снилось, что все станет так плохо. Я не думала, что Оздоровление зайдет так далеко. Они превратят в пепел, в прах культуру, красоту разнообразия. Гражданами нового мира станут безликие субъекты, легко заменяемые, легко удаляемые, легко уничтожаемые за неподчинение.

Мы утратим то, что делает нас людьми.

Накинув одеяло на плечи, заворачиваюсь в теплый кокон. Дрожь не проходит. Меня пугает непокорность собственного тела – я не могу унять тремор.

Неожиданно мне на спину ложится теплая ладонь.

Прикосновение обжигает кожу сквозь слои ткани. Судорожно втягиваю воздух, едва не разрывая легкие. Меня охватывает замешательство, смешанное с нестерпимым нестерпимым желанием оказаться еще ближе и вместе с тем как можно дальше. Не могу от него отодвинуться. Я не хочу от него отодвигаться.

Не хочу, чтобы он меня боялся.

– Эй... – Мягкий голос едва слышен. Его руки сильнее, чем все мышцы моего тела. Адам притягивает меня, запеленутую, к себе, и я разлетаюсь на кусочки. Два, три, четыре, пятьдесят тысяч осколков вонзаются в сердце, тают каплями теплого меда и бальзамом льются на шрамы моей души. Одеяло – единственная преграда между нами, и Адам прижимает меня все ближе, все сильнее, пока я не начинаю ощущать биение его сердца. Сталь обнимающих рук перерезала путы, сковывавшие мое тело. Исходящий от Адама жар растопил кристаллы льда, согрел меня

изнутри, и я таю, таю, таю, веки трепещут и медленно опускаются, и тихие слезы сами струятся по щекам от единственного желания – замереть в его объятиях. – Все хорошо, – шепчет Адам. – С тобой все будет хорошо.

Правда – завистливая, злобная, вечно бдящая хозяйка, хотелось мне сказать. У меня никогда ничего не будет хорошо.

Мне пришлось напрячь каждое хлипкое мышечное волокно всего моего существа, чтобы отодвинуться от Адама. Так надо. Для его же блага. В спину будто втыкали вилки, когда я отодвигалась. Одеяло запуталось вокруг щиколоток, я едва не упала, и Адам потянулся подхватить меня.

– Джульетта...

– Меня нельзя трогать. – Дыхание стало частым-частым, в горле ком, пальцы дрожат мелкой дрожью, сжимаю их в кулак. – Нельзя трогать. Нельзя... – Я не смогу взгляд с двери.

Он поднимается на ноги.

– Почему?

– Нельзя, и все, – шепчу я в стену.

– Я не понимаю, почему ты не говоришь со мной? Сидишь в углу целый день, пишешь в своей книжке, смотришь куда угодно, только не на меня. Тебе так много надо сказать клочку бумажки, а я стою в одном шаге, но ты даже не замечаешь меня. Джульетта! – Он проворно хватает меня за локоть. Отворачиваюсь. – Почему ты даже не смотришь на меня? Я тебе ничего не сделаю...

Ты меня не помнишь. Не помнишь, а ведь мы семь лет ходили в одну школу.

Ты меня не помнишь.

– Ты меня не знаешь. – Мой голос звучит ровно и плоско, руки и ноги онемели, будто ампутированные. – Мы сидим в одной камере две недели, ты решил, что достаточно узнал меня, но ты по-прежнему ничего обо мне не знаешь. Что, если я сумасшедшая?

– Никакая ты не сумасшедшая, – говорит он сквозь зубы. – И прекрасно это знаешь.

– Значит, сумасшедший ты, – возражаю я. – Один из нас точно псих.

– Это неправда.

– Скажи мне, за что ты здесь, Адам? Что ты, якобы здоровый, делаешь в психиатрической лечебнице?

– Я задаю тебе тот же вопрос с первого дня.

– Может, ты задаешь слишком много вопросов?

Слышу, как он с силой выдохнул и невесело засмеялся:

– Мы, можно сказать, последние живые люди в этом заведении, а ты и меня хочешь заткнуть?

Закрываю глаза и думаю только о дыхании.

– Отчего же, говорить можно. Дотрагиваться нельзя.

Семь секунд молчания присоединились к беседе.

– А если я хочу тебя трогать?

Мое сердце превратилось в дуршлаг от пятнадцати тысяч выражений острого недоверия. Меня посетило искушение повести себя безрассудно – болезненное, отчаянное желание получить навсегда запретный для меня плод. Я отвернулась, но не удержала ложь, и она выплеснулась у меня изо рта:

– А если я этого не хочу?

– Я тебе настолько противен? – резко спрашивает он.

Невольно оборачиваюсь, застигнутая врасплох его словами, и выдаю себя. Он смотрит на меня сурово, сжав челюсти, выставив подбородок, пальцы скрючены, как когти. Глаза, эти два ведра дождевой воды, глубокие, свежие и чистые.

Обиженные.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – задыхаясь, бормочу я.

– Ты не можешь ответить на простой вопрос!

Покачивая головой, он отворачивается к стене.

Мое лицо застыло, как бесстрастная маска, руки и ноги будто залиты гипсом. Опустошенная, я ничего не чувствую. Я ничто, я пустота, я не могу пошевелиться. Смотрю на маленькую трещину у самой тенниски. Я буду смотреть на нее целую вечность.

Одеяла упали на пол. Мир расплывается, будто сбили резкость, в ушах звучат звуки иных измерений. Глаза закрываются, мысли куда-то плывут, воспоминания остро колют в самое сердце.

Я знаю его.

Я изо всех сил пыталась не думать о нем.

Я старалась забыть его лицо.

Я хотела забыть эти синие глаза, но я знаю его, я знаю его, я знаю его. В последний раз я видела его три года назад.

Я никогда не могла бы разлюбить Адама.

А он забыл меня.

Глава 7

Я помню телевизоры, камины, фаянсовые раковины. Я помню билеты в кино, парковки, фургоны для перевозки мебели. Я помню парикмахерские, каникулы, оконные жалюзи, одуванчики и запах горячего асфальта на шоссе. Помню рекламу зубной пасты, женщин в туфельках на каблуках, стариков в деловых костюмах. Помню почтальонов, библиотеки, мальчишечьи рок-группы, воздушные шары и рождественские елки.

Я помню, что, когда мне было десять лет, мы не могли уже выдерживать нехватку еды. Все так подорожало, что невозможно было позволить себе жить.

Адам со мной не разговаривает.

Может, это и к лучшему. Может, бессмысленно надеяться, что мы будем друзьями. Пусть лучше думает, будто я недолюбливаю его, чем знает, что он мне нравится. Слишком нравится. Он скрывает многое – наверное, болезненные воспоминания, но его тайны пугают меня. Он не говорит, за что он здесь. Хотя и я мало что говорю ему.

И все же, все же, все же...

Вчера вечером память о его объятиях пересилила ужас еженощных криков неведомых узников. Тепло добрых рук, призывающих держаться, сила молодых мышц, облегчение, окончание стольких лет одиночества. После такого дара я перед ним в неоплатном долгу.

Тронуть Джульетту почти невозможно.

Никогда не забуду ужас в глазах матери, муку на лице отца, страх, навсегда врезавшийся в их черты. Их ребенок был оказался чудовищем. Одержимым дьяволом. Проклятым. Адским отродьем. Неведомой мерзостью и гнусью. Лекарства, анализы, рекомендации врачей не помогли. Перекрестный допрос психологов ни к чему не привел.

Она – ходячая бомба, говорили учителя. Мы никогда с таким не сталкивались, сказали врачи. Ее нужно убрать из вашего дома, сказал полицейский.

Да нет проблем, сказали мои родители. Мне было четырнадцать, когда они избавились от меня. Стояли и смотрели, как меня вытаскивают из родного дома за убийство, которое совершилось абсолютно помимо моего желания, воли или знания.

Может, для общества безопаснее, если я заперта в камере. Может, Адам меньше рискует, ненавидя меня. Он сидит в углу, уткнувшись кулаками в лоб.

Я не хотела его задеть.

Я никогда не хотела обижать ни единого человека, не желавшего мне зла.

Дверь резко отъезжает, и в камеру врываются пятеро вооруженных людей, направив на нас автоматы.

Адам вскакивает, я остаюсь сидеть неподвижно, забыв дышать. Я так давно не видела столько живых людей, что просто оцепенела. Надо было кричать, но я молчала.

– Руки вверх, ноги расставить, рты закрыть. Не двигаться, и останетесь целы.

Я по-прежнему сижу неподвижно. Надо поднять руки, расставить ноги. Надо дышать. Мне словно перерезали горло.

Тот, кто выкрикивал приказы, ударил стволом мне в спину. Колени хрустнули, когда я упала на четвереньки. Я наконец-то вдохнула воздух – с привкусом крови. Кажется, Адам кричит. Меня пронзает острая боль, непохожая на все, что я испытывала раньше. Я не могу пошевелиться.

– Ты что, не понимаешь, как это – закрыть рот?

Повернув глаза вбок до отказа, я увидела ствол карабина в двух дюймах от лица Адама.

– Встать! – Ботинок со стальным рантом пинает меня под ребра, быстро, жестко, глухо. Я ничего не проглотила, но судороги сотрясают мое тело, будто жестокий кашель. – Я сказал, встать! – Второй ботинок, еще жестче, быстрее, сильнее, прилетает мне в живот. Я даже не могу закричать.

~~Поднимайся, Джульетта. Поднимайся. Иначе они застрелят Адама.~~

Кое-как встаю на колени, теряю равновесие и едва не падаю на стену сзади, но неловко двигаюсь вперед. Поднять руки оказалось мучительно, я не ожидала от себя подобной стойкости. Внутри все омертвело, кости растрескались, кожа превратилась в сито, истыканная иглами боли. Вот меня и пришли убивать.

Вот почему Адама посадили в мою камеру.

Потому что я ухожу. Адам здесь, потому что я ухожу, они забыли убить меня вовремя, потому что мои минуты истекли, потому что семнадцать лет в этом мире слишком много. Сейчас меня убьют.

Я часто думала, как это будет. Интересно, это осчастливит моих родителей?

Кто-то смеется.

– Ну не жалкое ли дерьмо?

Я не знаю, со мной ли они говорят. Я едва удерживаю руки поднятыми.

– Даже не плачет, – добавил кто-то. – Девки на этом этапе уже молят о пощаде.

Стены начинают сочиться кровью, сильнее, сильнее, алые струйки уже брызжут в потолок. Я не знаю, сколько смогу сдерживать дыхание. Я не различаю слова, не понимаю звуков, только слышу, как в голове шумит кровь. Мои губы – две бетонные плиты, которые мне не разлепить. Пол куда-то проваливается. Ноги несут меня в направлении, которое я не узнаю.

Надеюсь, они убьют меня быстро.

Глава 8

Открыть глаза мне удалось только через два дня.

Рядом стоит жестянка с водой и банка с едой, и я проглатываю холодное содержимое, засовывая его в рот дрожащими руками. Тупая боль отдается в суставах, отчаянная сухость сжимает горло. Вроде бы ничего не сломано, но взгляд под рубашку доказывает, что боль реальна: синяки цветут тусклым синим и желтым, мучительно отзываясь на прикосновение и медленно исчезая.

Адама нигде нет.

Я одна в блоке одиночества. Четыре стены не более десяти футов в длину и высоту, воздух поступает из узкой щели в двери. Не успело собственное воображение начать меня терроризировать, как тяжелая металлическая дверь распахнулась, и охранник с двумя автоматами на груди смерил меня взглядом.

– Встать.

На этот раз я подчиняюсь, не колеблясь.

Надеюсь, Адам цел и его не ждет такой финал, как меня.

– Иди за мной. – Голос у охранника басистый, зычный, серые глаза непроницаемы. На вид ему лет двадцать пять. Стриженные ежиком светлые волосы, рукава рубашки закатаны почти до плеч, армейские татуировки покрывают предплечья, совсем как у Адама.

О Боже, нет!

Адам появляется рядом с блондином и показывает стволом в узкий коридор:

– Шевелись.

Адам направляет карабин мне в грудь.

Адам направляет карабин мне в грудь.

Адам направляет карабин мне в грудь.

Его глаза незнакомые, стеклянные и далекие, словно он за много миль отсюда.

Я не я, а новокаин какой-то. Полное онемение, мир пустоты, ощущения и чувства исчезли.

Я шепот, который так и не раздался.

Адам тоже солдат. Адам хочет, чтобы я умерла.

Смотрю на него уже открыто. Все ощущения ампутированы, боль – далекий крик, отделенный от тела. Ноги сами двинулись вперед. Губы остаются сжатыми, потому что на свете нет слов для такой минуты.

Смерть будет желанным освобождением от всех земных радостей, которые я знала.

Неизвестно, сколько мы шли, прежде чем новый удар в спину свалил меня с ног. Моргаю от яркого света, которого так долго не видела. Потекли слезы. Щурюсь на флуоресцентные лампы, освещающие просторную комнату. Почти ничего не вижу.

– Джульетта Феррарс. – Чей-то голос словно взорвал мое имя. На спину давит нога в тяжелом ботинке, я не могла поднять голову и увидеть, кто со мной говорит. – Уэстон, убавь свет и отпусти ее. Я хочу видеть ее лицо. – Команда прозвучала холодно и сильно, как сталь, угрожающе спокойно, без усилий властно.

Яркость ламп уменьшили до такой, какую я могла терпеть. Отпечаток подошвы я еще чувствую спиной, но он уже не вдавливается в тело. Осторожно поднимаю голову и смотрю вверх.

Прежде всего меня поразила молодость говорившего. Он не старше меня.

Очевидно, он занимает высокий пост, хотя не представляю какой. Безупречная, без единого дефекта, кожа, волевой, четко очерченный подбородок. Глаза самого бледного оттенка изумруда – никогда не видела таких глаз.

Красив.

Асимметричная улыбка таит в себе точно рассчитанное зло.

Как на троне, он сидит на стуле посреди пустой комнаты. Идеально отглаженный костюм, тщательно причесанные светлые волосы, вокруг солдаты – идеальные телохранители.

Ненавижу его.

– Какая ты упрямая. – Бледно-зеленые глаза стали почти прозрачными. – Никак не соглашаешься сотрудничать. Даже с сокамерником не захотела быть полюбезнее.

Я невольно дернулась, вздрогнув всем телом. Краска заливает шею и поднимается выше – предательство жжет как огнем.

Зеленоглазого что-то явно забавляет. Я готова умереть от унижения.

– Как интересно! – Он щелкнул пальцами. – Кент, поди-ка сюда.

Сердце останавливается: вперед выходит Адам.

Кент. Его зовут Адам Кент.

Я горю с головы до ног. Адам мгновенно оказывается сбоку от зеленоглазого, но приветствует его лишь коротким кивком. Возможно, этот командир вовсе не так уж важен, как о себе мнит.

– Сэр, – выжидательно говорит Адам.

В голове поднимается ураган, я не могу распутать затягивающиеся вокруг меня узлы безумия. Надо было догадаться. Ходили же слухи о солдатах, тайно живущих среди гражданских и доносящих властям обо всем подозрительном. Люди пропадали каждый день, и ни один не вернулся назад.

Хотя все равно не понимаю, почему Адама приставили за мной шпионить.

– Похоже, ты произвел на нее впечатление.

Я смотрю на молодого человека на стуле и вдруг замечаю маленькие цветные нашивки. За военные действия. На лацкане выгравирована фамилия: Уорнер.

Адам ничего не отвечает и не смотрит в мою сторону. Он стоит прямо, шесть футов роскошных природных мышц, профиль волевой и замкнутый. Руки, которые меня обнимали, превратились в держатели для смертоносного оружия.

– Ты ничего не хочешь об этом сказать? – спрашивает Уорнер Адама, кивнув на меня. Его глаза так и прыгают: он находит ситуацию комичной.

Адам чуть заметно напрягается.

– Сэр?

– Ну еще бы, – неожиданно скучным голосом вдруг говорит Уорнер. – Дождешься от тебя откровенности, как же.

– Вы убьете меня? – Слова слетели с губ сами, прежде чем я успела подумать. Ствол чьего-то карабина глубоко воткнулся мне в спину, и я упала, коротко всхлипнув, прерывисто дыша в грязный пол.

– В этом не было необходимости, Роланд, – с издевкой делает Уорнер притворный выговор. – На ее месте я бы тоже об этом подумал. – Пауза. – Джульетта?

Из последних сил поднимаю голову.

– У меня к тебе предложение.

Глава 9

Мне кажется, что я ослышалась.

– У тебя есть то, что мне нужно. – Уорнер пристально смотрит на меня.

– Не понимаю, – еле слышно говорю я.

Он с шумным вздохом встает и начинает ходить по комнате, будто не замечая Адама.

– Ты мой любимый проект. – Уорнер улыбается своим мыслям. – Я изучал твоё дело очень, очень долго.

Я с трудом выношу его самодовольство и развязность. Мне хочется ногтями сорвать ухмылку с его лица.

Уорнер останавливается.

– Я хочу, чтобы ты была в моей команде.

– Что? – изумляюсь я.

– Мы ведем войну, – нетерпеливо говорит он. – Ты будешь нам полезна.

– Не понимаю...

– Я знаю твой секрет, Джульетта. Я знаю, почему ты здесь. Вся твоя жизнь – сплошные истории болезни, жалобы властям, путанные судебные разбирательства и требования обществу изолировать тебя в спецучреждении. – Пауза. Не могу дышать от ужаса, сдавившего горло. – Я долго думал и решил сперва убедиться, что ты все же не сумасшедшая. Изоляция не самый эффективный индикатор, хотя ты и здесь неплохо устроилась. – Улыбка дает понять, что я должна быть благодарна за эту похвалу. – Подселение Адама стало последней проверкой. Надо было доказать, что у тебя достаточно устойчивая психика, что ты способна на элементарное общение. Должен сказать, я очень доволен результатом.

Мне кажется, что с меня содрали кожу.

– Похоже, Адам сыграл свою роль даже слишком хорошо. Прекрасный солдат, один из лучших. – Снисходительно взглянув на Адама, Уорнер улыбается мне: – Не волнуйся, он не знает, на что ты способна. Пока не знает.

Терпя смертельную муку, впинаясь ногтями в панику, пытаюсь ее удержать. Уговариваю себя не смотреть на Адама, но не могу, не могу, не могу. На долю секунды Адам встречается со мной взглядом, но отводит глаза так быстро, что мне могло и показаться.

Я чудовище.

– Я не такой жестокий, как ты думаешь, – воодушевившись, продолжает Уорнер. – Если тебе так понравилось общество Кента, я оставляю его тебе. – Он неопределенно помахал рукой между мной и Адамом. – Сделаю поручение постоянным.

– Нет, – выдыхаю я.

Уорнер раздвигает губы в беззаботной улыбке:

– Значит, да. Но будь поосторожнее, красотка. Если выкинешь что-нибудь плохое, Кенту придется тебя пристрелить.

Мое сердце снова и снова режут натянутой, как струна, проволокой. Адам никак не отреагировал на сказанное Уорнером.

Он выполняет свою работу.

Я мелочь, служебное задание, ординарный объект. Я даже не оставила у него воспоминаний.

Я ничто.

Я не ожидала, что предательство повергнет меня в такое отчаяние.

– Если примешь мое предложение, – прерывает мои мысли Уорнер, – будешь жить, как я. Будешь одной из нас, а не одной из них. Твоя жизнь радикально изменится.

– А если откажусь? – спрашиваю я, успев договорить прежде, чем голос пресекается от страха.

Уорнер с видимым разочарованием сцепляет пальцы.

– У тебя нет выбора. Встанешь на мою сторону – получишь награду. – Он сжал губы. – Не захочешь подчиниться? Что ж, ты довольно миленькая, жаль будет тебя уродовать.

Меня начинает трясти.

– Ты хочешь, чтобы я мучила для тебя людей?

Он расплывается в ослепительной улыбке:

– Это было бы чудесно!

Мир вокруг начинает сочиться кровью.

Я не успела придумать ответ, а Уорнер уже поворачивается к Адаму.

– Покажешь ей, что она упускает.

– Сэр? – переспрашивает Адам после едва заметной паузы.

– Это приказ, солдат. – Уорнер сверлит меня взглядом, кривя губы от сдерживаемого смеха. – Я хочу от нее послушания. Слишком она энергичная, себе во вред.

– Меня нельзя касаться, – говорю я сквозь стиснутые зубы.

– Не совсем, – пропел он, бросая Адаму пару черных перчаток. – Тебе понадобятся, – добавляет он заговорщицким шепотом.

– Ты чудовище. – Мой голос звучит ровно, хотя меня переполняет гнев. – Почему вы меня просто не убьете?

– Это, дорогая, будет перевод материала. – Он шагает вперед – я впервые замечаю на его руках плотные белые кожаные перчатки – и пальцем приподнимает мой подбородок. – Да и жалко портить такое красивое лицо.

Дергаю шеей, желая уйти от его прикосновения, но тот же самый ботинок со стальным рантом с размаху ударяет меня в спину, и Уорнер успевает поймать мое лицо в горсть. Еле сдерживаю крик.

– Не ломайся, милая. Так ты только все усложняешь – для себя.

– Чтоб ты сдох, чтоб ты горел в аду!

Двинув желваками, Уорнер жестом останавливает кого-то, кто хотел меня пристрелить, пнуть в бок, расколоть череп, не знаю.

– Значит, ты не в той команде... – Он выпрямляется. – Ничего, исправим. Кент, не спускай с нее глаз. Под твою ответственность, понял?

– Да, сэр.

Глава 10

Адам надевает перчатки, но не спешит ко мне прикасаться.

– Дай ей подняться, Роланд. Я уведу ее отсюда.

Прижимающий меня к полу ботинок исчезает. Кое-как поднимаюсь, уставившись в пустоту. Я не стану думать об ужасе, ожидающем меня впереди. Кто-то пинает меня под колени, и я чуть не падаю.

– Давай двигай! – рывкает кто-то за спиной. Подняв глаза, понимаю, что Адам уже ушел вперед. Мне полагалось следовать за ним.

Когда мы оказались в знакомой слепоте коридоров лечебницы, он останавливается.

– Джульетта...

Одно слово, и мои суставы словно сделаны из воздуха.

Я не отвечаю.

– Возьми меня за руку, – говорит он.

– Никогда, – выдыхаю я, справляясь с болью. – Ни за что.

Он тяжело вздыхает. Слышу движение в темноте, и вскоре он оказывается близко, слишком близко, обезоруживающе близко. Касаясь моей спины, Адам куда-то ведет меня по коридорам. Моя кожа горит. Усилием воли я держусь прямо, чтобы не упасть назад, в его объятия.

Мы идем дольше, чем я ожидала. Наконец Адам разжимает губы, и я начинаю надеяться, что мы, наверное, пришли.

– Мы сейчас выйдем на улицу, – говорит он мне на ухо. Сжимаю кулаки, чтобы сдержать волну трепета, пробежавшую по сердцу. Звук его голоса волнует меня больше, чем важность сказанного. – Ты сама все увидишь.

Судорожный вздох – мой единственный ответ. Я не выходила из здания почти год. Мне безумно хочется на улицу, но солнце так давно не касалось моей кожи, что я не знаю, выдержу ли. Но выбора нет.

Сперва меня охватывает воздух.

Нашей атмосфере нечем хвастаться, но после стольких месяцев в бетонном мешке даже почти нулевой кислород умирающей Земли кажется мне райским дуновением. Я не могу надышаться. Я наполняю легкие забытым ощущением, вбегаю в легкий бриз и хватаю пригоршни ветра, который извивистыми прядями пробирается у меня между пальцами.

Блаженство, равного которому я не знаю.

Воздух прохладен и чист. Освежающая ванна ощутимой пустоты, от нее пощипывает глаза и кожу. Солнце сегодня высоко, оно ослепительно отражается в маленьких островках снега, не дающих растаять земле. Мои веки придавлены весом яркого света, я подсматриваю через две щелочки, но теплые лучи облекают меня в сшитое точно по фигуре одеяние, и это кажется большим, чем человеческое объятие. Я могу стоять вот так целую вечность. Одну бесконечную секунду я чувствую себя свободной.

Прикосновение Адама возвращает меня к реальности. От неожиданности чуть не выпрыгиваю из кожи, он успевает подхватить меня за талию. Молча умоляю тело не дрожать.

– Ты как?

Его глаза меня удивляют – совсем как я запомнила, синие и бездонные, как глубины океана. Его руки нежно-нежно обнимают меня.

– Я не хочу, чтобы ты меня трогал, – лгу я.

– У тебя нет выбора, – говорит он, не глядя на меня.

– Выбор всегда есть.

Пригладив волосы рукой, он переводит дыхание.

– Иди за мной.

Мы на открытом месте, целый акр пустоты, усыпанной мертвыми листьями с засыхающих деревьев, тщетно старающихся напиться талой воды на негодной почве. Местность изуродована войной и пренебрежением, и все равно это самое красивое, что я видела за долгое время. Громко топающие солдаты перестают на нас глазеть, когда Адам открывает мне дверцу машины.

Это не машина, это танк.

Посмотрев на массивную металлическую громадину, пробую забраться по боку, но Адам вдруг оказывается сзади, приподнимает меня за талию, и я беззвучно выдыхаю, когда он усаживает меня на сиденье.

Я не отрываюсь от окна.

Я ем, пью, впитываю мельчайшие детали – мусор, линию горизонта, брошенные дома, искореженные куски металла, осколки стекла, усеявшие землю. Мир кажется голым, лишенным растительности и тепла. Нет указателей улиц и дорожных знаков; в них отпала нужда. Общественного транспорта нет, а машины сейчас выпускает единственная компания, и стоят они сумасшедших денег.

Очень немногим людям по карману спасение.

Моих родителей Оставшееся население распределили по уцелевшим территориям. Промышленные здания будто хребет пейзажа: высокие прямоугольные металлические коробки, начиненные механизмами, призванными усилить армию, укрепить Оздоровление, уничтожить огромную часть человеческой цивилизации.

Уголь/смола/сталь.

Серое/черное/серебристое.

Дым размазывается по линии горизонта, стекая в слякоть, бывшую прежде снегом. Повсюду горы мусора, кое-где чудом уцелели клочки пожелтевшей травы.

Традиционные жилища старого мира заброшены, окна выбиты, крыши провалились. Красная, зеленая, синяя краски вылиняли, превратившись в бледные тени, как нельзя лучше подходящие нашему яркому будущему. При виде барачных, кое-как построенных на разоренной земле, вспоминаю, что их строили как временные. За несколько месяцев до того, как меня изолировали, начали строить эти маленькие холодные районы: их должно было хватить, пока не разберутся с новым планом. Так заявляло Оздоровление. Пока все не уляжется. Пока люди не перестанут протестовать, поняв, что изменения им во благо. Во благо их детям и будущему.

Я помню введенные новые правила.

Отныне никаких опасных фантазий, никаких лекарств по рецепту. Наша ставка – новое поколение, состоящее исключительно из здоровых молодых людей. Больных изолировать. Стариков уничтожить. Трудных передать в психиатрические лечебницы. Пусть выживет сильнейший.

Да.

Конечно.

Никаких больше дурацких иностранных языков, глупых сказок и идиотских картин над тупыми каминными полками. Никакого Рождества, Хануки, Рамадана и Дивали². Никаких разговоров о религии, вере и личных убеждениях. Личные убеждения чуть не привели к тотальному уничтожению человечества, заявляли они.

Убеждения, приоритеты, предпочтения, предрассудки и идеология разобщают нас, вводят в заблуждение и в конце концов губят.

Эгоистичные желания и потребности необходимо стереть из памяти. Жадность, злоупотребления, чревоугодие надо вычеркнуть из человеческого поведения. Спасение в строгом

² Пятидневный фестиваль огней, крупнейший праздник в Индии.

контроле, минимализме, аскетизме жилищ. Один простой язык и новый словарь с понятными словами.

Это спасет нас и наших детей, и человеческую расу, говорили они.
Новое равенство. Новое человечество. Новая надежда, исцеление и радость.
Спасите нас!
Присоединяйтесь к нам!
Оздоровим общество!

Воззвания до сих пор видны кое-где на стенах.

Ветер треплет их обветшалые края, но плакаты приклеены на совесть и хлопают углами по стальным и бетонным бокам, с которыми срослись, или по бетонным столбам с динамиками наверху. Динамики должны оповещать людей о грозящей опасности, разумеется, окружающей их.

Мир кажется сверхъестественно, жутко тихим.

Мимо проходят люди, спеша по промозглому холоду на завод – работать, чтобы кормить семьи. Надежда в этом мире сочтена из ствола карабина.

Никому уже нет дела до концепции.

Раньше в людях жила надежда. Они верили, что все можно поправить и наладить. Им хотелось прежней жизни, когда предметами для волнения служили светские сплетни, отпуска и субботние приемы гостей. Обещанное Оздоровлением будущее было чересчур идеальным для осуществимого, но отчаявшиеся люди не усомнились ни на минуту. Они так и не поняли, что продали душу кучке типов, решивших сыграть на их невежестве. На их страхе.

Большая часть населения слишком запугана, чтобы протестовать, но есть и другие, сильнее. Другие, ожидающие своего часа. Другие, уже организовавшие сопротивление.

Надеюсь, сопротивляться еще не поздно.

Жадно разглядываю каждую дрожащую ветку, каждого навязанного режимом солдата, каждое окно, которое успеваю сосчитать. Глаза, как два профессиональных карманника, крадут все подряд и прячут глубоко в памяти.

Я потеряла счет времени и не могу сказать, сколько мы ехали.

Останавливаемся у здания раз в десять больше нашей клиники, стоящего в центре... не города, но, скажем так, цивилизации. Снаружи это безвкусное строение, не вызывающее ни малейших подозрений, – удивляют лишь размеры. Четыре плоские, гладкие стены серого бетона, закрытые окна пятнадцати этажей. На унылом здании ни таблички, ни знака – ничего, что указывало бы на его истинное назначение.

Политическая штаб-квартира с хитрой маскировкой – на видном месте.

Внутренность танка произвела на меня впечатление беспорядочного скопления кнопок и рычагов неизвестного назначения. Адам открывает люк и, прежде чем я успеваю что-нибудь сообразить, снова подхватывает меня за талию, и вот мои ноги уже стоят на твердой земле, и сердце так колотится, что он наверняка слышит. Он не убирает руки.

Смотрю на него.

В его глазах напряжение, лоб наморщен, губы губы губы – разочарование и досада, скованные воедино.

Я отступаю, и десять тысяч крошечных частиц разлетаются между нами. Он опускает взгляд. Он отворачивается. Он глубоко вдыхает, пальцы руки на мгновение сжимаются в кулак.

– Сюда. – Он кивает на исполинское здание.

Я иду за ним внутрь.

Глава 11

Я приготовилась к невообразимым ужасам, но реальность оказалась едва ли не хуже.

Грязные деньги сочатся из стен, годовой запас еды пропадает на мраморных полах, сотни тысяч долларов медицинской помощи обратились в дизайнерскую мебель и персидские ковры. Чувствуя, как из вентиляторов тянет искусственным теплом, я вспоминаю детей, просивших чистой воды. Прищурившись, смотрю на хрустальные люстры и слышу матерей, молящих о пощаде. При виде этой роскошной плесени, выросшей на поверхности скованной страхом реальности, я останавливаюсь как вкопанная.

Я не могу дышать.

Сколько людей умерли ради существования этой роскоши! Сколько людей потеряли дома, детей, последние пять долларов в банке за обещания, обещания, обещания, море обещаний спасти их от них самих. Нам обещали – Оздоровление обещало – надежду на лучшее будущее. Они уверяли, что все поправят, заявляли, что вернут нам мир, который мы знали, – мир с программой фильмов, весенними свадьбами и демографическими взрывами. Они обещали вернуть нам наши дома, здоровье, уверенность в завтрашнем дне.

Они все украли.

Они забрали все. Мою жизнь. Мое будущее. Мое душевное здоровье. Мою свободу.

Они наводнили мир оружием, направленным в наши лбы, и с улыбкой выпустили шестнадцать зажигательных пуль в наше будущее. Они убили тех, кто был достаточно силен для сопротивления, и изолировали уродов, не умеющих жить с верой в утопические обещания. Таких, как я.

Передо мной наглядное доказательство коррумпированности Оздоровления.

Кожа покрылась холодным потом, пальцы дрожат от отвращения, ноги не могут выдержать груз расточительства, растрачивания, эгоистичных излишеств. Повсюду я вижу красное, кровь убитых, забрызгавшую окна, залившую ковры, капающую с люстр...

– Джульетта!

Не выдержав, падаю на колени, тело дрожит от давно сдерживаемой боли, сотрясается от рыданий, которые я уже не в силах подавить. Остатки достоинства растеклись слезами, напряжение последней недели, как шредер, режет меня в лапшу.

Я даже не могу вздохнуть.

Здесь нет кислорода, справляюсь с рвотными спазмами, затыкая рот подолом рубашки, слышу голоса, вижу незнакомые лица, струятся слова, уносимые всеобщим замешательством, мысли столько раз взболтаны, что не знаю, в сознании я или нет.

Неужели я действительно схожу с ума?

Я в воздухе. Я – мешок с пером в его руках, он проталкивается через солдат, сгрудившихся вокруг, выбираясь из образовавшейся сумятицы, и долгое мгновение мне безразлично, что я не должна этого хотеть. Я хочу забыть, что мне полагается его ненавидеть, что он меня предал, что он работает на людей, которые методично уничтожают остатки наследия человечества. Мое лицо спрятано в мягкой ткани рубашки, щека прижата к его груди, он пахнет силой и мужеством, а мир снаружи тонет под дождем. Хочу, чтобы он никогда-никогда-никогда меня не отпускал. Вот бы я могла его коснуться! Вот бы между нами не было барьеров!

Реальность дает мне хорошую оплеуху.

От стыда путаются мысли, от унижения я не могу мыслить четко, краска заливает лицо и кровью выступает из пор. Я вцепляюсь в его рубашку.

– Ты ведь можешь меня убить, – говорю я Адаму. – У тебя есть оружие. – Я извиваюсь, вырываясь из его хватки, но он только крепче прижимает меня к себе. На его лице не просту-

пает эмоций, только ходят желваки и ощутимо напрягаются руки. – Ну убей же меня! – умоляюще кричу я.

– Джульетта. – Его голос тверд, но в нем слышится отчаяние. – Пожалуйста!

Я снова становлюсь вялой. Бессильной. Лед внутри тает, жизнь вновь просачивается в руки и ноги.

Останавливаемся перед дверью.

Адам вынимает ключ-карту и проводит ею по черному стеклу, вделанному рядом с дверной ручкой. Массивная дверь нержавеющей стали отходит с места. Перешагиваем порог.

Мы одни в комнате.

– Пожалуйста, не отпускай меня поставь меня, – прошу я.

Посреди комнаты двуспальная кровать, роскошный ковер устилает пол, у стены сверкает полированный гардероб, ослепительная люстра поражает великолепием. Красота настолько осквернена, что нет сил смотреть. Адам осторожно опускает меня на мягкий матрас и отступает на шаг.

– Побудь пока тут, – говорит он.

Я зажмуриваюсь, не желая думать о неизбежных предстоящих муках.

– Пожалуйста, – прошу я. – Я хочу побыть одна.

Глубокий вздох.

– Боюсь, это невозможно.

Резко оборачиваюсь.

– Как это понимать?

– Я обязан наблюдать за тобой, Джульетта. – Он произнес мое имя почти шепотом. ~~О~~ мое сердце, сердце, сердце... – Уорнер решил показать, что он тебе предлагает, но пока тебя по-прежнему расценивают как... угрозу. У меня приказ. Я не могу уйти.

Не знаю, пугаться или радоваться. Я в ужасе.

– Ты будешь жить со мной в одной комнате?

– Я живу в казармах, в другом конце здания, как все солдаты. Но сейчас... – Он кашлянул, не глядя на меня. – Сейчас я переселяюсь сюда.

Под ложечкой возникла гложащая боль, тоскливо тянущая нервы. Я хочу ненавидеть его, упрекать, кричать не переставая, но не могу – ведь передо мной восьмилетний мальчишка, не помнящий, что он был добр ко мне, как никто в жизни.

Не хочу верить, что это происходит по-настоящему.

Закрыв глаза, утыкаюсь лбом в колени.

– Тебе надо одеться, – добавляет Адам через секунду.

Подняв голову, непонимающе моргаю.

– Я же одета!

Он снова кашляет, стараясь делать это негромко.

– Там ванная, – показывает он. При виде двери в стене я вдруг ощутила любопытство. Я слышала рассказы о людях, у которых в спальне ванна. Не в самой спальне, конечно, а рядом. Слезаю с кровати и иду, куда указывает его палец. Адам продолжает: – Можешь принять душ и переодеться. В ванной камер нет, – закончил он почти неслышно.

В моей комнате видеокамеры?!

Ну конечно.

– Одежду выбери здесь. – Отчего-то смутившись, он кивает на гардероб.

– Значит, ты не выйдешь? – уточняю я.

Потирая лоб, он со вздохом присаживается на кровать.

– Тебе нужно приготовиться. Уорнер ждет тебя к ужину.

– К ужину?! – Мои глаза становятся квадратными.

– Да, – мрачно подтверждает Адам.

– Так он не собирается меня пытаться? – Мне стыдно от облегчения, прорвавшегося в голосе, от неожиданного ослабления напряжения, от страха, которого я все это время не замечала. – Он даст мне ужин? – Я же умираю с голоду, привычно терплю мучительные спазмы в желудке, я так голодна, так голодна... Я давно забыла вкус настоящей еды.

Лицо Адама снова стало непроницаемым.

– Поторопись. Я покажу, как тут все работает.

У меня нет времени протестовать – Адам проходит в ванную, я за ним, оставив дверь открытой. Он почему-то останавливается спиной ко мне.

– Я умею пользоваться ванной, – говорю я. – Я жила в нормальном доме. У меня даже семья была.

Он поворачивается очень-очень медленно, я даже пугаюсь. Потом смотрит на меня, прищуривается, морщит лоб. Правая рука сжата в кулак, левую он поднял и прижал палец к губам, призывая к молчанию.

Внутри у меня все обрывается.

Я чувствовала – что-то готовится, но не знала, что бояться надо Адама. Я не знала, что он будет моим палачом и заставит призывать смерть громче, чем раньше. Я не замечала, что плачу, пока не услышала всхлип и не ощутила слезы, заструившиеся по лицу. Мне стыдно, ужасно стыдно своей слабости, но в глубине души отчасти и безразлично. Мне хочется умолять, просить пощады или выхватить у него пистолет и успеть застрелиться. Ведь у меня осталась только честь...

Адам, кажется, понял причину моей неожиданной истерики, потому что вытаращил глаза и приоткрыл рот.

– Господи, Джульетта, нет, я не... – загорячился он, затем ударил кулаком себя по лбу и отвернулся. Тяжело вздохнув, он начал мерить шагами тесную ванную, затем чертыхнулся и вышел за дверь, не оглядываясь.

Глава 12

Пять минут под обжигающе-горячей водой, два куска мыла, пахнущих лавандой, флакон шампуня, предназначенного специально для волос, прикосновение мягких пушистых полотенец, в которые я осмелилась завернуться. И я начинаю понимать.

Они хотят, чтобы я забыла.

Они думают, что могут стереть мои воспоминания, привязанности, убеждения, несколько раз покормив горячим и дав комнату с видом. Они думают, меня можно купить.

Уорнер не понимает, что я выросла, ничего не имея, и не возненавидела жизнь. Я не хочу одежды, изящной обуви и дорогих вещей. Я не мечтаю носить только шелка. Все, чего я когда-либо хотела, – коснуться человека не только рукой, но и сердцем. Я успела узнать мир с его отсутствием сочувствия, безапелляционным жестоким осуждением, ловила на себе холодные, с затаенной злобой взгляды. Я постоянно видела это вокруг себя.

У меня было время слушать.

Смотреть.

Изучать людей, места и возможности. Все, что нужно сделать, – открыть глаза. Раскрыть книгу – и увидеть, как кровоточат рассказы со страницы на страницу. Увидеть, как воспоминания врезались в бумагу.

Я прожила свою жизнь сложенной между страницами книги.

В отсутствие человеческого общения у меня образовались связи с книжными героями. Я жила любовью и потерями сюжетов, нанизанных на нити истории; я узнавала юность по ассоциации. Мой мир перевит паутиной слов и стянут нога к ноге, кость к сухожилию, мысль к образу. Я существо, состоящее из букв, персонаж, созданный предложениями, плод воображения, вызревший на ниве беллетристики.

Они хотят вытравить последнюю запятую моей жизни, а я не могу позволить этому случиться.

Натянув свою прежнюю одежду, на цыпочках иду в комнату, оказавшуюся пустой. Адам вышел, хотя обещал остаться. Не понимаю. Не понимаю его поступков, не понимаю своего разочарования. Мне неловко испытывать наслаждение от свежести моей кожи, от ощущения чистоты впервые за долгое время; не понимаю, почему не посмотрелась в зеркало, почему боюсь того, что увижу, почему не уверена, что узнаю лицо на стеклянной поверхности.

Открываю гардероб.

Он ломится от платьев, туфель, рубашек, брюк и прочей одежды таких ярких цветов, что больно глазам, из тканей, о которых я только слышала, и таких фасонов, что я боялась до них дотронуться. Размеры подходят идеально. Слишком идеально.

Меня здесь ждали.

На меня будто посыпались с неба камни.

Мной пренебрегали, бросали, изгоняли из общества, насильно увезли из дома. Меня исследовали, зондировали, тестировали и бросали в камеру. Меня изучали. Морили голодом. Искушали дружбой, чтобы предать и ввергнуть в этот кошмар. От меня ждут благодарности. Мои родители. Учителя. Адам. Уорнер. Оздоровление. Я для них всего лишь расходный материал.

Они думают, я кукла, которую можно приодеть и сделать покорной.

Но они ошибаются.

– Тебя ждет Уорнер.

Дернувшись от неожиданности, теряю равновесие и падаю назад, спиной на дверцу шкафа, с грохотом закрыв ее. Выпрямившись и увидев в дверях Адама, справляюсь со стра-

хом. Его губы шевелятся, но он ничего не произносит. В конце концов он делает шаг ко мне, и еще, и еще, оказавшись на расстоянии вытянутой руки.

Потянувшись мимо меня к шкафу, он снова открывает дверцу. За ней оказались вещи, в существовании которых я постеснялась бы признаться.

– Это для тебя, – говорит Адам, взявшись за подол фиолетового платья. Сочный сливовый оттенок, пробуждающий аппетит.

– Я одета. – Руки сами пригладили мятые, грязные лохмотья.

Взглянув на меня, он приподнимает брови, заморгав, округляет глаза, приоткрывает рот от удивления. Не иначе, я домыла себя до нового лица. Надеюсь, увиденное не вызвало у него отвращения. Не знаю, почему мне не все равно.

Опустив глаза, он говорит:

– Я подожду за дверью.

Смотрю на фиолетовое платье, хранящее прикосновение Адама. Секунду рассматриваю содержимое шкафа и отворачиваюсь. Провожу нервными пальцами по влажным волосам и беру себя в руки.

Я не являюсь ничьей собственностью.

И мне все равно, какой меня хочет видеть Уорнер.

Выхожу в коридор. На долю секунды Адам задерживает на мне взгляд, потирает шею сзади, но молчит. Покачав головой, идет вперед, не прикоснувшись ко мне. Отчего-то меня это задевает. Я не знаю, чего ожидать. Не могу представить, какой будет моя жизнь на новом месте, мне словно гвозди в живот вбивает каждое изысканное украшение, каждый роскошный аксессуар, каждая дорогая картина, лепнина, люстра, расточительно яркий цвет. Хоть бы оно сгорело, это здание.

Иду за Адамом по длинному коридору, устланному ковровой дорожкой, к лифту, сделанному полностью из стекла. Он проводит по прорези той же картой-ключом, какой открывал мою дверь, и мы входим. Вчера я даже не поняла, что мы поднялись на столько этажей. Я знаю, что ужасно выгляжу, и почти счастлива этим.

Надеюсь, я разочарую Уорнера во всех отношениях.

В такой огромной столовой можно накормить тысячи сирот. Семь длинных банкетных столов, накрытых голубым шелком, хрустальные вазы, из которых гроздьями свешиваются орхидеи и розовые лилии, в глубоких стеклянных мисках плавают гардении. Забавляющее зрелище. Интересно, откуда они берут цветы? Видимо, искусственные. Не представляю, как они могут оказаться настоящими. Я лет десять не видела живых цветов.

Уорнер сидит во главе центрального стола. При виде меня Адама он поднимается. Присутствующие тоже встают, отстав на долю секунды.

Я почти сразу замечаю с двух сторон от Уорнера свободные места. Не хочу останавливаться, но ноги будто прирастают к полу. Незаметно оглядев стоявших, не вижу ни одной женщины.

Адам тремя пальцами касается моей поясницы, и я, вздрогнув, почти дернувшись, сразу спешу вперед. Уорнер, просияв, отодвигает кресло слева от себя и жестом приглашает меня садиться. Присаживаюсь, стараясь не смотреть на Адама, занявшего место напротив.

– Знаешь, дорогая моя, ведь в гардеробе есть одежда. – Уорнер опускается на соседний стул. По залу пронесся шорох – гости сели, и тут же негромко и ровно загудели разговоры. Уорнер развернулся ко мне всем корпусом, но я отчего-то замечаю присутствие только одного человека – сидящего напротив. Я не отрываю взгляда от пустой тарелки в двух дюймах от моих пальцев. Спихватившись, кладу руки на колени. – И тебе незачем больше носить эти грязные тенниски, – продолжает Уорнер, оглядев меня еще раз и наливая что-то в мой бокал. Кажется, воду.

Я умираю от жажды. Кажется, могла бы выпить водопад.
Ненавижу его улыбку.

Ненависть похожа на другие чувства, пока человек не улыбнется. Пока не покрутится и не уляжется, натянув на оскал личину настолько пассивную, что противно врезать кулаком.

– Джульетта?

Я слишком быстро вдохнула, и теперь сдерживаемый кашель распирает мне горло.

Стеклянные зеленые глаза, устремленные на меня, странно блестят.

– Разве ты не голодна? – Слова облиты сахарным сиропом. Пальцы в перчатке коснулись моего запястья, и я едва не потянула мышцу, поспешно отдернув руку.

Я готова сожрать всех присутствующих.

– Нет, спасибо.

Лизнув нижнюю губу, Уорнер расплывается в улыбке.

– Не путай глупость с храбростью, милая. Я же знаю, ты много дней ничего не ела.

Мое терпение вдруг лопнуло.

– Я лучше умру, чем стану есть твою еду и слушать, как ты зовешь меня милой!

Вилка выпадает у Адама из рук.

Уорнер коротко смотрит на него и переводит взгляд, сразу ставший жестким, на меня. Он смотрит мне в глаза несколько бесконечно долгих секунд, затем выхватывает из кармана пиджака пистолет и стреляет.

Все в зале вскрикивают и замирают.

Мое сердце колотится в горле.

Я очень, очень медленно поворачиваю голову в направлении выстрела Уорнера и вижу, что он прострелил какую-то жареную ногу прямо через кость – на другом конце зала слегка дымится блюдо с едой, поставленное менее чем в футе от гостей. Уорнер выстрелил, не глядя. Он же мог кого-нибудь убить!

Из последних сил держусь очень спокойно.

Уорнер небрежно роняет пистолет на мою тарелку. Мертвая тишина уступает место всеобщей трескотне.

– Думаешь, что говоришь, Джульетта. Одно мое слово, и твоя жизнь перестанет быть легкой. Я моргаю.

Адам пододвигает мне тарелку еды. Сила его взгляда напоминает раскаленную добела кочергу, прижатую к коже. Я смотрю на него, он на миллиметр наклоняет голову в сторону и умоляет глазами – пожалуйста.

Я беру вилку.

Уорнер ничего не пропускает. Он чересчур громко кашляет, прочищая горло, смеется, хотя ему не смешно, и начинает резать мясо на своей тарелке.

– Придется заставить Кента делать за меня всю работу.

– Простите?

– Похоже, ты только его слушаешься. – Тон Уорнера делано небрежен, но на щеках играют желваки. Он поворачивается к Адаму. – Я удивлен, что ты не предложил ей переодеться, как я просил тебя.

Адам выпрямился.

– Я предлагал, сэр.

– Мне нравится моя одежда! – резко говорю я Уорнеру. Еще больше мне понравилось бы дать ему в глаз, но этого я не сказала.

Губы Уорнера снова разъезжаются в привычную улыбку.

– Никто не спрашивает, что тебе нравится, милая. Ешь, мне нужно, чтобы ты выглядела по-человечески, пока находишься рядом со мной.

Глава 13

Уорнер настоял на том, что проводит меня в мою комнату. После обеда Адам куда-то ушел с несколькими солдатами, не сказав ни слова и даже не взглянув на меня, и я не знала, чего ожидать. Впрочем, терять мне нечего, кроме собственной жизни.

– Не надо меня ненавидеть, – говорил Уорнер, когда мы шли к лифту. – Я буду твоим врагом, только если ты сама этого захочешь.

– Мы всегда будем врагами. – В моем голосе хрустят осколки льда, которые тают на языке, превращаясь в слова. – Я никогда не стану такой, как ты хочешь.

Уорнер со вздохом нажимает кнопку вызова лифта.

– Я все же верю, что ты передумаешь. – Он смотрит на меня, чуть улыбаясь. Досадно, что такие выразительные взгляды тратятся на столь жалкое создание, как я. – Ты и я, Джульетта, вместе, представляешь? Да нас будет не остановить!

Чувствую, как его взгляд скользит по моему телу.

– Благодарю, не стоит.

Мы в лифте. Мир уносится вниз, стеклянные стены позволяют рассмотреть людей на каждом этаже. В этом здании нет секретов.

Уорнер трогает меня за локоть. Отодвигаюсь.

– Мне кажется, ты передумаешь, – негромко говорит он.

– Почему ты так уверен? – С тихим звоночком дверцы лифта разъезжаются, но я не двигаюсь с места, повернувшись к Уорнеру. Я не в силах сдержать любопытства. Кисти рук надежно спрятаны в лайку, пиджак с иголочки с плотными длинными рукавами, даже воротник высокий, царский. Он одет именно с головы до ног – одежда прикрывает все, кроме лица. Даже пожелай я коснуться его, не уверена, что у меня получится. Уорнер позаботился о своей защите.

От меня.

– Давай перенесем разговор на завтрашний вечер. – Приподняв бровь, он предложил мне согнутую руку. Как бы не замечая ее, выхожу из лифта в холл. – И оденься получше.

– Как тебя зовут? – вдруг спрашиваю я.

Мы стоим у двери в мой номер.

Он не может скрыть удивления, едва заметно приподнимает подбородок и не сводит пристального взгляда с моего лица. Я жалею о своем вопросе.

– Ты хочешь знать, как меня зовут?

Мои глаза непроизвольно сузились – совсем чуть-чуть.

– Уорнер – твоя фамилия, не так ли?

Он еле сдерживает улыбку.

– Ты хочешь знать мое имя?

– Я не подозревала, что это секрет.

Он делает шаг ко мне. Его губы кривятся, он опускает глаза, шумно втягивает воздух ртом. Трогает пальцем в перчатке мою скулу.

– Я скажу тебе свое имя, если ты скажешь мне твое, – шепчет он, щекоча дыханием мою шею.

Отодвигаюсь, сглотнув пересохшим горлом.

– Мое имя ты уже знаешь.

Он не смотрит мне в глаза.

– Ты права. Я перефразирую: обещаю сказать тебе мое имя, если ты покажешь мне свое.

– Что? – Мое дыхание становится прерывистым и частым.

Он начинает стягивать перчатки. Меня охватывает страх.

– Покажи, что ты умеешь.

Я до боли стискиваю зубы.

– Я к тебе не притронусь.

– Ничего. – Он снимает вторую перчатку. – Сам справлюсь.

– Нет...

– Не бойся, – ухмыляется он. – Уверен, тебе не будет больно.

– Нет, – выдыхаю я. – Я не буду. Я не могу...

– Прекрасно! – резко обрывает меня Уорнер. – Прекрасно. Не хочешь меня увечить? Весьма польщен. – Он с издевкой округляет глаза и, выглянув в холл, подзывает солдата: – Дженкинс!

Дженкинс, проворный здоровяк, мгновенно оказывается рядом со мной.

– Сэр. – Он кивает учтиво-коротко, хотя, несомненно, старше Уорнера. Лет двадцати семи, плотный, крепкий, мускулистый. Косится на меня. Взгляд карих глаз теплее, чем я ожидала.

– Отведи миз Феррарс вниз. Хочу предупредить: она очень непокорна и будет вырываться. – Он медленно улыбнулся. – Что бы она ни говорила и ни делала, не отпускай ее. Понятно, солдат?

Глаза Дженкинса расширяются. Он моргает, ноздри едва уловимо трепещут, пальцы опущенных рук согнуты. Чуть слышно вздохнув, кивает.

Дженкинс не идиот.

Я бросаюсь бежать.

Я лечу по коридору мимо ошеломленных часовых, не решающихся остановить меня. Не знаю, что я делаю, зачем пытаюсь убежать и куда направляюсь потом. Я бегу к лифту, чтобы хоть выиграть время. Я не знаю, что еще делать.

Приказы Уорнера, рикошета от стен, разрывают барабанные перепонки. Ему нет нужды гнаться за мной. Людей у него хватает.

Солдаты загородили мне дорогу. Они сбоку. Сзади.

Я не могу дышать.

Мечусь в замкнутом кругу собственной глупости, перепуганная, страдающая, ужасающаяся мысли о том, что мне предстоит сделать с Дженкинсом, что станет с нами обоими, несмотря на самые благие намерения.

– Взять ее, – негромко говорит Уорнер. Тишина плотным мешком ложится в каждый угол. Его голос – единственный звук в холле.

Дженкинс делает шаг вперед.

Набежавшие слезы мешают смотреть. Я жмурюсь, резко открываю глаза и, моргая, разглядываю собравшуюся толпу. Вижу знакомое лицо. Адам с ужасом смотрит на меня.

Мне становится невыносимо стыдно.

Дженкинс протягивает ко мне руку.

Кости начинают выгибаться, пульсируя в такт ударам сердца. Я оседаю на пол, складываясь внутрь себя, как тонкий блин. Руки такие голые в этом изношенном балахоне...

– Не надо. – Я нерешительно выставляю руку, умоляюще глядя в лицо ни в чем не повинного человека. – Пожалуйста, не надо... – Голос садится. – Ведь вы же не хотите касаться меня!

– Я не говорил, что хочу, мисс. – Голос Дженкинса, глубокий и ровный, полон сожаления. У Дженкинса нет перчаток или иной изоляции, подготовки, навыков защиты.

– Это приказ, солдат! – рывкает Уорнер, наводя пистолет на стоящего к нему спиной Дженкинса.

Тот хватается меня за руки, повыше локтей.

Нет! Нет!

Я задохнулась.

Кровь закипает в жилах, устремившись по телу вспенившейся рекой, волны жара захлестывают мои кости. Я чувствую его муку, чувствую, как сила уходит из тела Дженкинса. В ушах отдается стук его сердца. Голова кружится от прилива адреналина, наполняющего все мое существо.

Я чувствую себя живой.

Хоть бы от этого мне было больно. Хоть бы это меня калечило. Хоть бы это отталкивало меня. Хоть бы возненавидеть эту мощную силу, гнездящуюся в моем теле!

Но я не умею. Кожа пульсирует чужой жизнью, и мне это нравится.

Ненавижу себя за это.

Как замечательно ощущать бурлящую жизнь, надежду, силу, которой я не знала! Чужая боль дает непрощенное, ни с чем не сравнимое наслаждение.

Дженкинс не убирает рук.

Но он не отпускает меня, потому что не может. Потому что это я должна разорвать контакт. Потому что боль лишает его способности двигаться. Потому что он попался в мои силки.

Потому что я живая венерина мухоловка.

Смертельная ловушка.

Я падаю на спину и обеими ногами пинаю Дженкинса в грудь в попытке оттолкнуть, однако он, обмякнув, мешком валится на меня. Я начинаю кричать, стараясь что-нибудь увидеть сквозь пелену слез. Я икаю, истерически рыдаю, охваченная ужасом от застывшей маски, в которую превратилось лицо Дженкинса, от того, как его парализованные губы с хрипом рывками втягивают воздух в легкие.

Вырвавшись, отползаю назад. Море солдат безмолвно расступается за моей спиной. На всех лицах изумление и чистый, беспримесный страх. Дженкинс лежит на полу, и никто не решается к нему подойти.

– Помогите, кто-нибудь! – кричу я. – Помогите ему! Ему нужен врач, его надо отвезти... Ему надо... О Боже, что я наделала!

– Джульетта...

– Не прикасаться ко мне! Не смей прикасаться ко мне!!!

Уорнер снова в перчатках, он пытается меня поднять, пригладить волосы, вытереть слезы, а мне хочется его убить.

– Джульетта, тебе надо успокоиться...

– Помогите ему! – кричу я, падая на колени и не отрывая взгляд от лежащего на полу. Солдаты подходят нехотя, осторожно, словно боясь заразиться. – Пожалуйста, вы должны ему помочь! Пожалуйста!

– Кент, Кёртис, Соледад, займитесь этим! – орет Уорнер, подхватывая меня на руки.

Я отбиваюсь, но мир проваливается в черноту.

Глава 14

Потолок становится то четким, то расплывчатым.

Голова тяжелая, в глазах плывет, сердце неприятно стиснуто. Под языком остался отчетливый привкус паники. Стараюсь вспомнить, откуда он взялся. Пробую сесть, не понимая, почему лежу.

Чьи-то руки удержали меня за плечи.

– Как ты себя чувствуешь? – Уорнер вглядывается мне в глаза.

Память сразу возвращается. Воспоминания жгут глаза – я снова вижу перед собой лицо Дженкинса. Размахивая кулаками, кричу, чтобы Уорнер отошел от меня, извиваюсь, вырываясь из его хватки, но он лишь улыбается. Даже посмеивается. Мягко опускает мои руки, вытянув их вдоль тела и придержав.

– Ну, хоть проснулась, – хмыкнул он. – Ты заставила меня минуту поволноваться.

Меня бьет крупная дрожь.

– Убери от меня лапы.

Он пошевелил пальцами в перчатках у меня перед носом.

– Я защищен, не беспокойся.

– Ненавижу тебя!

– Сколько страсти, – снова смеется Уорнер. Он совершенно спокоен, его искренне забавляет эта сцена. Он смотрит на меня мягче, чем я ожидала.

Отворачиваюсь.

Уорнер встает с коротким вздохом.

– Вот, – говорит он, потянувшись к подносу на маленьком столике. – Поесть тебе принес.

Воспользовавшись возможностью, сажусь и оглядываюсь. Я лежу на кровати, покрытой парчой, золотой с бордовым, будто запекшаяся кровь. Пол устлан мягким дорогим ковром цвета летнего заката. В комнате тепло. Она не больше моей, с обычной здешней меблировкой – кровать, гардероб, тумбочки, огромная хрустальная люстра. Единственная разница – здесь есть вторая дверь, а на угловом столике горит свеча. Не видев живого пламени так давно, что потеряла счет времени, я подавила желание поднести руку к свече и потрогать пламя.

Выпрямляюсь, не касаясь спиной подушек, сделав вид, что мне неудобно.

– Где я?

Уорнер, подойдя с тарелкой хлеба и сыра в одной руке и стаканом воды в другой, оглядывается, словно видит комнату впервые.

– Это моя спальня.

Если бы голова так не раскалывалась, я бы кинулась бежать.

– Отведи меня в мою комнату. Я не хочу тут находиться.

– Однако ты здесь. – Он садится в ногах кровати, в нескольких футах от меня, и пододвигает мне тарелку. – Пить хочешь?

Оттого ли, что не могу мыслить связно, или от смущения, но я пытаюсь увязать полярные настроения Уорнера. Вот он протягивает мне стакан воды, хотя только что вынудил устроить пытку невинному человеку. Подношу руки к глазам и разглядываю пальцы, словно впервые их вижу.

– Не понимаю.

Наклонив голову набок, он смотрит на меня так, словно я случайно получила серьезную травму.

– Я спрашиваю, пить хочешь? Разве это сложно понять? – Пауза. – На, выпей.

Беру стакан, смотрю на него, перевожу взгляд на Уорнера, потом на стены.

Наверное, я сошла с ума.

Уорнер громко вздыхает.

– С тобой случился обморок. По-моему, тебе надо поесть, хоть я и не врач. – Он помолчал. – Слишком много напряжения в первый день. Это моя ошибка.

– Почему ты обо мне так заботишься?

Его удивление поразило меня.

– Потому что ты мне небезразлична, – отвечает он.

– Небезразлична? – Онемение тела понемногу отступает. Давление растёт, гнев прорывается в сознание. – Из-за тебя я чуть не убила Дженкинса!

– Но не убила же...

– Меня били твои солдаты! Ты держишь меня здесь, как заключенную! Угрожаешь мне смертью! Не даешь никакой свободы и утверждаешь, что я тебе небезразлична? – Я едва не выплескиваю воду из стакана ему в лицо. – Ты чудовище!

Уорнер отворачивается – мне виден только его профиль, сжимает руки, словно размышляет, касается губ.

– Я только пытаюсь тебе помочь.

– Ложь.

Он задумчиво кивнул:

– Да, большую часть времени – да.

– Я не хочу здесь оставаться, не хочу быть твоим экспериментом. Отпусти меня!

– Нет. – Он встал. – Боюсь, этого я не могу сделать.

– Почему?

– Потому что не могу. Мне... – Он потянул перчатки за пальцы, кашлянул и зачем-то посмотрел на потолок. – Ты мне нужна.

– Чтобы убивать людей?

Он ответил не сразу. Подойдя к свече, он стянул перчатку и пошевелил пламя голыми пальцами.

– Знаешь, Джульетта, с этим я прекрасно справляюсь сам. Можно сказать, я профессионал.

– Это отвратительно.

Уорнер пожал плечами:

– А как, по-твоему, человек моего возраста может управлять столькими подчиненными? Как иначе отец доверил бы мне управление целым сектором?

– Отец? – Во мне вдруг проснулся острый интерес.

Уорнер игнорировал мой вопрос.

– Механизм страха достаточно прост. Я запугиваю людей, они слушаются меня. – Он махнул рукой. – Пустые угрозы в наше время ничего не стоят.

Я зажмурилась.

– Значит, ты убиваешь людей ради власти?

– Как и ты.

– Да как ты смеешь!

Уорнер захохотал.

– Ты, конечно, можешь себе лгать, если тебе так проще.

– Я не лгу!

– Отчего же ты так долго не отталкивала Дженкинса?

Язык вдруг отказывается повиноваться мне.

– Почему ты сразу не начала брыкаться, а выждала добрых две минуты?

Руки задрожали, и я стискиваю кулаки.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Зато ты обо мне много навоображала.

Я стиснула зубы, боясь слово вымолвить.

– Я по крайней мере не вру, – добавил Уорнер.

– Ты только сейчас подтвердил, что постоянно лжешь!

Он приподнял брови.

– Я хотя бы честно признаю, что лгу!

Резко поставив стакан с водой на тумбочку, я закрыла лицо руками и попыталась сохранить спокойствие.

– Ну хорошо... – Мой голос странно скрипит. – Тогда зачем тебе я? Ну, если ты такой профессиональный убийца?

Улыбка скользнула по лицу Уорнера.

– Однажды я познакомлю тебя с ответом на этот вопрос.

Я хотела возразить, но он жестом остановил меня, взяв кусок хлеба с тарелки и сунув мне под нос.

– Ты практически ничего не ела за ужином. Так не годится.

Я не двинулась.

Уронив хлеб на тарелку, он поставил ее к стакану, повернулся ко мне и вдруг впился в мои глаза таким напряженным взглядом, что я почувствовала себя безоружной. Я столько хотела ему сказать, прокричать, но отчего-то сразу забыла слова и была не в силах отвести взгляд.

– Съешь что-нибудь, – сказал он, отворачиваясь. – И ложись спать. Я приду за тобой утром.

– Почему я не могу спать в своей комнате?

Он поднялся и отряхнул совершенно чистые брюки.

– Я хочу, чтобы ты осталась здесь.

– Для чего?

Уорнер отрывисто засмеялся.

– Сколько вопросов...

– Ну, если ты дашь мне прямой ответ...

– Спокойной ночи, Джульетта.

– Ты отпустишь меня? – снова спросила я, уже тихо и робко.

– Нет. – Он сделал шесть шагов до угла, где стояла свеча. – И не буду обещать, что твоя жизнь станет легче.

В его голосе не слышалось ни сожаления, ни раскаяния, ни сочувствия, будто он говорил о погоде.

– Опять лжешь?

– Все может быть, – кивнул он будто бы своим мыслям, задувая свечу.

И исчез.

Я пыталась бороться с собой.

Я пыталась не спать.

Я пыталась собраться с мыслями, но не смогла.

Я заснула, совершенно обессилив.

Глава 15

Почему ты не покончишь с собой, однажды спросил меня кто-то в школе.

По-моему, вопрос был задан, чтобы досадить мне, но я впервые задумалась о такой возможности. Я не знала, что ответить. Может, это глупо, но я втайне надеялась – если буду хорошей девочкой, если буду хорошо себя вести, говорить правильные вещи или молчать, родители, возможно, изменят свое мнение обо мне. Я верила, что в конце концов они начнут прислушиваться к моим робким словам. Я думала, они дадут мне шанс. Может, даже полюбят меня наконец.

Во мне никогда не умирала эта глупая надежда.

– Доброе утро.

Глаза у меня мгновенно открылись. Я никогда не умела крепко спать.

Уорнер смотрит на меня, сидя в ногах кровати в свежем костюме и идеально начищенных туфлях. Все в нем безупречно. Незапятнанно. Дыхание Уорнера прохладно и свежо в хрустальном утреннем воздухе – я чувствую его на лице.

Только через секунду я поняла, что запуталась в простынях, на которых спал Уорнер. Лицо начинает гореть, и я поспешно высвобождаюсь, едва не упав с кровати.

На приветствие я не ответила.

– Хорошо спала? – спрашивает он.

Поднимаю голову. Его глаза такого странного оттенка зеленого, кристально-прозрачные, неприятно пронзительные, пронизательные. Волосы густые, роскошного золотого оттенка. Он строен и вовсе не производит внушительного впечатления, хотя хватка определенно сильная. Я впервые заметила у него на левом мизинце нефритовое кольцо.

Перехватив мой взгляд, Уорнер встал, натянул перчатки и сцепил руки за спиной.

– Возвращайся в свою комнату.

Заморгав, киваю, встаю и едва не падаю. Схватила за кровать – голова закружилась. Сзади послышался вздох Уорнера.

– Ты не съела то, что я вчера оставил?

Дрожащими руками хватаю стакан с водой и заставляю себя проглотить немного хлеба. Привыкнув к голоду, я забыла, как его узнавать.

Когда я уже держалась на ногах, Уорнер повел меня в коридор. Я еще сжимала в руке ломтик сыра.

Выйдя в коридор, я снова чуть не упала.

Здесь еще больше солдат, чем на моем этаже. Каждый вооружен минимум четырьмя видами огнестрельного оружия – автоматы болтаются на шее, пистолеты за ремнем. На всех лицах при виде меня проступает мимолетный ужас, и каждый сжимает оружие чуть сильнее, когда я прохожу мимо.

Уорнер, кажется, остался доволен.

– Их страх тебе на пользу, – шепчет он мне на ухо.

Ковровая дорожка усыпана осколками моего бывшего гуманизма.

– Я не хочу внушать страх.

– Должна хотеть. – Уорнер остановился. Во взгляде ясно читалось: идиотка. – Не будут бояться, откроют на тебя охоту.

– Люди часто охотятся на тех, кого боятся, несмотря на страх.

– По крайней мере им известно, против чего они сунутся. – Он снова пошел по коридору, но я словно приросла к месту. Осознание происшедшего ледяной водой капало мне на спину и стекало вниз.

– Ты заставил меня сделать это... с Дженкинсом... Намеренно?

Уорнер уже ушел вперед на три шага, но я видела улыбку на его лице.

– Я все делаю с намерением.

– Ты хотел сделать из меня шоу. – Сердце ускоряет сокращения, кровь пульсирует у запястий и в кончиках пальцев.

– Я старался тебя защитить.

– От твоих собственных солдат? – Я побежала вперед, стараясь поймать его, пылая негодованием. – Ценой человеческой жизни?..

– Заходи. – Уорнер подошел к лифту и придержал дверцы открытыми для меня.

Я вошла в лифт за ним.

Он нажал нужные кнопки. Дверцы закрылись.

Уорнер пошел на меня, тесня, загоняя в угол.

Отступив к дальней стене стеклянной коробки, я вдруг занервничала. Он схватил меня за локти, его губы оказались в опасной близости от моего лица. Поймав и не отпуская мой взгляд, – меня немного испугал блеск его глаз – он сказал единственное слово:

– Да.

Лишь через несколько секунд голос послушался меня:

– Что – да?

– Да, от моих собственных солдат. Да, ценой жизни одного человека. – Подбородок у него напрягся, и Уорнер продолжал цедить сквозь зубы: – Ты мало знаешь мой мир, Джульетта.

– Я пытаюсь его узнать...

– Нет, не пытаешься! – взорвался он. Его ресницы – нити крученого золота, подсвеченные пламенем. Мне почти захотелось их потрогать. – Ты не понимаешь, что власти и контроля можно лишиться в любой момент, особенно когда тебе кажется, что ты готова к неожиданностям. И власть, и контроль нелегко добываются и еще труднее удерживаются. – Я открыла рот, но он не дал мне сказать. – Думаешь, я не знаю, сколько моих солдат меня ненавидят? Думаешь, не знаю, что они мечтают увидеть мое падение? Думаешь, в мире нет других, кто спит и видит занять положение, которое досталось мне так нелегко?

– Не лъсти себе.

Он преодолел последние несколько дюймов между нами, и мои слова упали на пол. Напряжение его тела было нечеловеческим, почти ощутимым. Я окаменела.

– Какая ты наивная, – сказал он хриплым, скрипучим шепотом, обдавая дыханием мою кожу. – Ты не понимаешь, что представляешь угрозу для людей в этом здании. У них все основания желать тебе зла. Ты не понимаешь, что я пытаюсь тебе помочь...

– Издеваясь надо мной! – воскликнула я. – И над другими!

Его смех прозвучал холодно, невесело. Уорнер отодвинулся от меня почти с отвращением. Дверцы лифта открылись, но он не вышел. Я видела из лифта дверь моей комнаты.

– Иди к себе. Прими душ и переоденься. В шкафу есть платья.

– Мне не нравятся платья.

– По-моему, тебе не понравится и кое-что другое. – Он мотнул головой. Я проследила за его взглядом и увидела у дверей массивную фигуру. Я повернулась за объяснениями, но Уорнер молчал. Он весь вдруг подобрался, лицо стало бесстрастным. Взяв меня за руку, он сжал пальцы.

– Я приду за тобой ровно через час.

Я не успела запротестовать – дверцы лифта начали закрываться. Интересное совпадение: человек, который почти не боится ко мне прикасаться, оказался чудовищем.

Я подошла к двери и, набравшись смелости, взглядела в солдата, стоявшего в темноте.

Адам.

О, Адам.

Адам, точно знающий, на что я способна.

Сердце взорвалось в груди наполненным водой воздушным шариком. Легкие пытались разорвать грудную клетку. Словно каждый кулак в мире решил врезать мне под ложечку. Мне незачем так переживать, но я иначе не могу.

Теперь Адам возненавидит меня навсегда. Даже не посмотрит в мою сторону.

Я ждала, пока он откроет мне дверь, но Адам не двинулся с места.

– Адам! – решила я. – Мне нужна твоя карта-ключ.

Он коротко, с усилием вздохнул, и я сразу поняла – что-то не так. Я шагнула к нему, но быстрое, хотя и скованное движение головой дало понять, что этого делать не нужно. ~~Мне нельзя касаться людей и подходить к ним близко, я чудовище.~~ Он не желает, чтобы я была рядом. Конечно, не желает. Я должна помнить свое место.

Он открыл дверь, двигаясь с огромным трудом, и я поняла – его избили, не оставив видимых следов. Слова Уорнера снова зазвучали у меня в ушах: его беспечное прощание было предупреждением, резанувшим во мне каждое нервное окончание.

Адама будут наказывать за мои ошибки. За мое неподчинение.

Мне захотелось похоронить свои слезы в колодце отчаяния.

Я перешагнула порог и оглянулась на Адама в последний раз, не ощущая ни малейшего торжества от его боли. Несмотря на все, что он сделал, я не могу его ненавидеть. Только не Адама, не мальчишку, которого знала в детстве.

– Фиолетовое платье, – прерывисто сказал он с заметным придыханием – так, словно ему было больно дышать. Я заломила руки, чтобы удержаться и не кинуться к нему. – Надень фиолетовое платье, – он кашлянул, – Джульетта.

Я буду превосходным манекеном.

Глава 16

Войдя в комнату, я первым делом открыла гардероб и сдернула с вешалки фиолетовое платье и лишь потом вспомнила – за мной наблюдают. Здесь видеокамеры. Неужели Адама наказали и за то, что он рассказал мне о наблюдении? Зачем же он это сделал?

Я потрогала жесткий современный материал сливового платья, провела пальцами до подола, как вчера сделал Адам. Меня вдруг заинтересовало, чем ему так понравилось это платье. Почему именно оно? И почему я вообще должна ходить в платье?

Я не кукла.

Рука скользнула по маленькой деревянной полке под висящей одеждой и наткнулась на странный предмет, шершавый и знакомый на ощупь. Я шагнула вперед, спрятавшись между дверцами, и долго гладила его пальцами. Словно сноп солнечных лучей проник мне под ложечку, и я чуть не лопалась от надежды и дурацкого счастья, настолько сильного, что удивилась отсутствию слез.

Моя записная книжка.

Он сохранил мой блокнот. Адам спас единственную вещь, которая у меня есть.

Схватив фиолетовое платье, я затолкала бумажный комок в складки и направилась в ванную.

В ванную, где нет видеокамер.

В ванную, где нет видеокамер.

В ванную, где нет видеокамер.

Адам хотел мне сказать, поняла я. Тут, в ванной. Он пытался что-то сказать, но я так испугалась, что отпугнула его своим страхом.

Я отпугнула его.

Закрыв дверь, я дрожащими руками развернула знакомые страницы, державшиеся на полоске старого клея, перелистала блокнот, проверяя, все ли на месте, и наткнулась на последнюю запись, сделанную не моим почерком.

Фраза наверняка написана Адамом.

Все не так, как кажется.

Я застыла.

Кожа натянута напряжением, пропитана чувством, в груди растет давление, сердце стучит громче, чаще, сильнее, словно стремясь компенсировать внешнюю неподвижность. Я не дрожу, когда застываю во времени. Я стараюсь дышать реже, считаю несуществующие предметы, придумываю платья, которых у меня нет, притворяюсь, что время – разбитые песочные часы, истекающее секундами, впитывающимися в песок. Я набираюсь смелости поверить.

Я осмелилась поверить, что Адам пытается установить со мной контакт. Я достаточно безумна, чтобы не сбрасывать со счетов подобную возможность.

Вырвав страницу из маленького блокнота, комкаю ее, прижимаю к груди, изо всех сил сдерживая истерику, готовую начаться в любой момент.

Прячу записную книжку в карман фиолетового платья, куда, видимо, ее положил Адам. Из кармана она, наверное, и вывалилась. Карман фиолетового платья. Карман фиолетового платья.

Надежда – карман возможности.

Я держу ее в руке.

Уорнер не заставил себя ждать.

И не постучал.

Я надевала туфли, когда он вошел – без слова и без стука. Смерил меня взглядом. Зубы я непроизвольно стиснула.

– Вы избили его, – услышала я свой собственный голос.

– Тебе не должно быть до этого дела, – сказал он, чуть наклонив голову набок. – Но тебе явно не все равно.

Я жала губы, молясь, чтобы руки не дрожали слишком заметно. Не знаю, где Адам. Не знаю, сильно ли он избит. Не знаю, что намерен делать Уорнер, насколько далеко он пойдет ради получения желаемого, но стоит мне представить Адама, страдающего от боли, как словно холодная рука сжимает пищевод, и я не могу отдышаться, будто пытаюсь проглотить зубочистку. Попытка Адама помочь мне может стоить ему жизни.

Касаюсь бумажного комка в кармане платья.

Дыши.

Уорнер смотрит в окно.

Дыши.

– Пора идти, – говорит он.

– Куда?

Он не отвечает.

Выходим в коридор. Я оглядываюсь. Вокруг пусто.

– А где Адам все?

– Мне очень нравится это платье, – говорит Уорнер, обнимая меня за талию. Я дергаюсь, но он, не отпуская, ведет меня к лифту. – Очень эффектно сидит. Отвлекает меня от всех твоих вопросов.

– Бедная твоя мать!

Уорнер споткнулся на ровном месте. Его глаза расширились, в них паника. Не дойдя до лифта несколько шагов, он останавливается и поворачивается ко мне:

– Что ты имеешь в виду?

У меня внутри все оборвалось.

На его лице нескрываемое напряжение, цепенящий ужас, предчувствие чего-то страшного.

Я пошутила, хотела я сказать. Жаль твою мамашу, которая вырастила такого ничтожного, негодного сына. Но я молчала.

Он схватил меня за запястья и пристально уставился в глаза. На висках бились жилки.

– Что ты имела в виду? – повторил он.

– Н-ничего, – заикаясь, ответила я севшим голосом. – Я ничего... Это шутка...

Уорнер отбросил мои руки, словно они жгли его, отвернулся и быстро пошел к лифту, не заботясь о том, успеваю ли я за ним.

Интересно, о чем он умалчивает?

Только когда мы поднялись на несколько этажей и пошли по незнакомому коридору к неизвестному выходу, Уорнер взглянул на меня и коротко сказал:

– Добро пожаловать в твое будущее.

Глава 17

Меня обливает солнечным светом.

Уорнер держит открытой дверь, ведущую наружу, и я, не ожидая ничего подобного, теряюсь беспредельно. Он сжимает мой локоть, я выпрямляюсь и, оглядываясь, смотрю на него.

– Мы выходим из здания, – констатирую я. Мне нужно было сказать это вслух, потому что внешний мир – лакомство, которым меня редко балуют. Неужели Уорнер решил испробовать другие подходы? Я посмотрела на бетонный двор и снова на Уорнера: – Что нам делать снаружи?

– Есть дела, требующие нашего внимания. – Уорнер тащит меня в центр этой новой вселенной. Вырываюсь и тянусь вверх, пытаюсь тронуть небо и словно надеюсь, что оно вспомнит меня. Облака, как всегда, серые, но их мало, и они в стороне. Солнце высоко-высоко, нежится на синем фоне, выпрямляющем его лучи, и направляет нам тепло. Поднимаюсь на цыпочки, стараясь коснуться его. Ветер обвивается вокруг моих рук – я кожей чувствую его улыбку. Прохладный, шелковой гладкости воздух вплетает мне в волосы мягкий бриз. Этот квадратный двор – мой бальный зал.

Я хочу танцевать со стихией.

Уорнер хватается меня за руку.

– И это, – он обводит глазами холодный серый мир вокруг, – делает тебя счастливой?

Оглядевшись, понимаю, что мы стоим не на крыше, а на пандусе между двумя зданиями. За балюстрадой на много миль тянется мертвая земля с голыми деревьями и группками бетонных бараков – рабочими поселками.

– Холодный воздух пахнет чистотой, – вырывается у меня. – Свежий. Как новенький. Самый лучший запах в мире.

В глазах Уорнера ирония, интерес и замешательство. Покачав головой, он хлопает по куртке и лезет во внутренний карман, откуда достает пистолет с золотой рукояткой, сверкающей на солнце.

Резко втягиваю воздух.

Он осматривает пистолет в манере, которой я не поняла, – видимо, желая выяснить, готов ли он к стрельбе. Палец ложится на спусковой крючок... Повернувшись, Уорнер видит мое лицо.

И едва сдерживает смех.

– Не бойся, это не для тебя!

– Для чего пистолет? – через силу спрашиваю я, крепко прижимая к груди скрещенные руки. – Что мы тут делаем?

Уорнер убирает пистолет во внутренний карман и подходит к противоположному краю площадки, жестом приглашая меня за собой. Я с опаской приближаюсь и смотрю туда же, куда и он, – за перила, вниз.

Футах в пятнадцати ниже выстроились солдаты целого сектора.

Я насчитала почти пятьдесят идеально прямых колонн с равными промежутками. Сколько солдат в каждой колонне, не скажу – я сбилась со счета. Гадаю, здесь ли Адам, видит ли он меня.

Интересно, что он теперь обо мне думает.

Солдаты построены на квадратной площадке, почти такой же, как наша, и кажутся единой массой черного: черные брюки, черные рубашки, высокие черные ботинки; ни у кого, кажется, нет оружия. Каждый стоит совершенно неподвижно, прижав к сердцу левый кулак.

Черное,
серое,

черное,
серое,
черное,
серое,
давяще-мрачная картина.

Я вдруг остро осознала непрактичность своего наряда. Ветер сразу показался жестким, холодным, даже болезненным – он прорезал колонны солдат на своем пути. Я задрожала, но не от холода. Посмотрела на Уорнера, который уже как-то привычно занял место у середины балюстрады. Он вынул из кармана маленький квадрат перфорированного металла, прижал к губам, и его голос, усиленный микрофоном, разнесся над площадью:

– Сектор Сорок пять.

Одно слово и одно число.

Вся масса солдат одновременно шевельнулась: левые кулаки раскрылись, руки опустились по швам, правые руки со сжатыми кулаками согнулись и прижались к груди. Будто хорошо смазанный механизм, чьи шестеренки работают в идеальной согласованности. Если бы не гнетущее предчувствие, можно было залюбоваться этой картиной.

– Сегодня у нас два вопроса. – Голос Уорнера пронзал воздух – отчетливый, резкий, невыносимо уверенный. – Первый стоит рядом со мной.

Тысячи людей смотрели на меня. Я невольно отшатнулась.

– Джульетта, подойди, пожалуйста! – Два пальца согнулись в суставах, приказывая мне выйти вперед.

Я нехотя встала так, чтобы меня было видно.

Уорнер демонстративно обнял меня и привлек к себе. Я поморщилась. Стоявшие в строю вздрогнули. Отодвинуться я не решалась, чувствуя пистолет сквозь пиджак.

Казалось, солдаты поражены, что Уорнер так легко ко мне прикасается.

– Дженкинс, шаг вперед.

Пальцы бегут марафон по бедру – не могу стоять спокойно. Не могу унять трепет, от которого рвутся нервы. Дженкинс делает шаг вперед. Я сразу замечаю его.

Он жив.

Слава Богу.

Жив.

– Накануне Дженкинс имел удовольствие познакомиться с Джульеттой, – продолжает Уорнер. Напряжение в рядах солдат становится почти ощутимым. Никто не знал, к чему клонит командир. И все уже слышали о случившемся с Дженкинсом. Мою историю. – Надеюсь, вы проявите не меньшую любезность, – добавляет Уорнер, беззвучно смеясь одними губами. – Джульетта какое-то время пробудет с нами в качестве... средства, крайне ценного для нашей борьбы. Оздоровление приветствует ее. Я приветствую ее. И вы должны приветствовать ее!

Солдаты резко опустили сжатые в кулак руки – все одновременно.

Пятьдесят колонн двинулись, как один человек: пять шагов назад, пять шагов вперед, пять шагов на месте. Подняв над головой левые руки, все солдаты медленно сжали пальцы в кулак.

И упали на одно колено.

Я перегнулась через балюстраду, охваченная желанием получше рассмотреть этот странный, почти хореографический ритуал. Я никогда не видела ничего подобного.

По меньшей мере полминуты продержав солдат на одном колене с высоко поднятой рукой, Уорнер сказал:

– Хорошо.

Встав, солдаты положили правую руку, стиснутую в кулак, на левую сторону груди.

– Второй сегодняшний вопрос еще лучше первого, – продолжал Уорнер без тени удовольствия в голосе, остро вглядываясь в стоявших внизу солдат – осколки изумруда языками зеленого пламени выхватывали фигурки в черном. – Делалье подготовил рапорт.

Целую вечность он смотрел на солдат, выжидая, пока сказанное дойдет до их сознания. Позволяя воображению солдат свести их с ума. Дождаясь, чтобы виновных охватила предсмертная тоска.

Уорнер долго молчал.

Никто не двигался.

Несмотря на его уверения, я начала опасаться за свою жизнь. В душу закралось подозрение, уж не я ли заслужила наказание, не для меня ли пистолет в кармане Уорнера. Наконец я решила повернуть голову. Он взглянул на меня, и я не поняла, что означает этот взгляд.

Его лицо – десять тысяч вариантов, смотревших сквозь меня.

– Делалье, – сказал Уорнер, по-прежнему глядя на меня. – Можешь выйти вперед.

Тощий, лысеющий человек в чуть более нарядной одежде вышел из пятой шеренги. Он заметно нервничал – втягивал голову, и голос его дрогнул, когда он заговорил:

– Сэр...

Уорнер наконец бросил накручивать на кулак мой взгляд и едва заметно кивнул лысеющему.

Делалье начал читать:

– Обвиняется рядовой 45Б-76423 Флетчер Симус.

Солдаты в строю застыли – от облегчения, страха, тревоги. Никто не двигался и не дышал. Даже ветер боялся издать хоть звук.

– Флетчер! – Одно слово Уорнера, и несколько сотен голов резко повернулись к обвиняемому.

Флетчер вышел из строя.

Настоящий пряничный человечек – волосы цвета корицы, веснушки, ярко-красные, будто накрашенные, губы. На бесстрастном лице ни малейших эмоций.

Я еще никогда так не боялась за незнакомого человека.

Делалье продолжал:

– Рядового Флетчера засекли в зоне беспорядков братающимся с гражданскими, по нашим данным, членами семей бунтовщиков. Он крал еду и припасы со складов, предназначенных для населения Сорок пятого сектора. Передавал ли он врагу секретную информацию, осталось неизвестным.

Уорнер посмотрел на пряничного человечка.

– Ты отрицаешь это обвинение, солдат?

У Флетчера затрепетали ноздри. Подбородок стал квадратным. Голос треснул, когда он ответил:

– Нет, сэр.

Уорнер кивнул. Коротко вздохнул и облизнул губы.

И выстрелил Флетчеру в лоб.

Глава 18

Никто не шевельнулся.

Флетчер с искаженным последним ужасом лицом рухнул на землю. Пораженная неслышанностью происходящего, я не поняла, сон это или явь. Мне даже показалось, что я умираю. Я так и не решила, удачный ли сейчас момент падать в обморок.

Ненатурально раскинув руки и подогнув ноги, Флетчер лежал на холодном бетоне площадки. Кровь натекла вокруг головы, однако никто не шевелился. Не прозвучало ни единого слова. Никто не выдал себя испуганным взглядом.

Я все трогала свои губы, проверяя, не срываются ли с них крики.

Уорнер аккуратно уложил пистолет в карман пиджака.

– Сектор Сорок пять, вольно.

Солдаты синхронно опустили на одно колено.

Уорнер сунул металлический прибор-усилитель в карман костюма и буквально оторвал меня от места, где я стояла, словно приклеившись. Ноги заплетались, подкашивались, тело ныло. Меня мутило, я чувствовала себя как в бреду, у меня не было сил держаться прямо. Я то и дело пыталась заговорить, но слова застревали в горле. Меня бросало то в жар, то в холод, и вдруг подступила такая дурнота, что перед глазами поплыли пятна.

Уорнер как раз выводил меня в дверь.

– Слушай, тебе просто необходимо больше есть, – деловито сказал он.

Я широко открыла глаза, рот – на секунду мне показалось, что мое тело испещрено сквозными дырами.

Странно, что сердце не вытекло кровью между ребер.

Глядя на себя, я не понимала, почему на платье нет крови, хотя жгучая боль в груди совершенно реальна.

– Ты убил его, – прошептала я. – Ты только что убил.

– Ты очень наблюдательна.

– Зачем ты убил его, для чего, как ты мог такое сделать?..

– Не закрывай глаза, Джульетта. Не время спать.

Я схватила Уорнера за рубашку и остановила на пороге, не давая войти. Порыв ветра хлестнул меня по лицу, и я словно очнулась. Я толкнула Уорнера так, что он отлетел к двери и ударился спиной.

– Ты мне отвратителен, – раздельно произнесла я, глядя прямо в его хрустально-холодные глаза. – Отвратителен!

Он развернул меня за плечо и прижал к двери, в которую только что впечатался. Приподняв мое лицо ладонями в перчатках, он вытер мне глаза – теми же руками, которыми только что убил человека.

Я в ловушке.

Зачарованная.

Слегка напуганная.

Большим пальцем он провел по моей щеке.

– Жизнь – штука суровая, – прошептал он. – Иногда надо уметь стрелять первым.

Уорнер проводил меня в мою комнату.

– Тебе, пожалуй, надо поспать, – сказал он. Первые слова после того, как мы ушли с крыши. – Я распоряжусь, чтобы тебе принесли поесть и не беспокоили.

– Где Адам? С ним все в порядке? Он здоров? Что ты собираешься с ним сделать?

Уорнер вздрогнул, но сразу обрел прежнее спокойствие.

– А почему тебя это интересует?

– У него же задание не спускать с меня глаз. А его нет. Теперь ты и его убьешь? – Я почувствовала себя глупо и от этого осмелела. Слова падали изо рта без парашютов.

– Я убиваю, только когда приходится.

– Великодушно.

– Более чем.

Я грустно засмеялась. Он не улыбнулся.

– Остаток дня твой. Настоящая работа начнется завтра. Адам тебя приведет. – Он долго смотрел мне в глаза, пряча улыбку. – А пока постарайся никого не убить.

– Ты и я, – начала я, чувствуя, как гнев бурлит в моих жилах, – ты и я – не одно и то же.

– Ты сама в это не веришь.

– Как можно сравнивать мое... мою болезнь с твоей ненормальностью?

– Болезнь? – Уорнер рванулся вперед, вдруг охваченный волнением. Я едва не отпрянула. – У тебя дар! – заорал он. – Талант! Экстраординарная способность, которую тебе лень осознать! Твой потенциал...

– Нет у меня потенциала!

– Ошибаешься. – Он прожег меня взглядом. В этот момент Уорнер ненавидел меня – за то, что я ненавижу себя.

– Ну, ты убийца, тебе видней, – отозвалась я.

Его улыбка взрывоопасна, как динамит.

– Иди спать.

– Иди к дьяволу.

Поиграв желваками, Уорнер направился к дверям.

– Я над этим работаю.

Глава 19

Меня душит мрак.

Мои сны кровавы и кровоточащи, кровь заливает меня, не могу больше спать. Единственный сон, дававший мне покой, больше не снится, и я не знаю, как его вернуть. Я не знаю, как найти белую птицу. Я не знаю, пролетит ли она за окном хоть когда-нибудь. Сейчас, стоит мне закрыть глаза, я вижу только смерти. Снова и снова пуля разносит Флетчеру голову, Дженкинс умирает на моих руках, Уорнер стреляет Адаму в лоб, за окном поет ветер, но его песня скорее напоминает высокий, фальшивый вой, а я не решаюсь велеть ему замолчать.

Я по-прежнему мерзну в своей одежде.

Матрац подо мной набит рваными тучами и свежевывавшим снегом: слишком мягкий, слишком удобный. Слишком напоминает о ночи в комнате Уорнера, а мне невыносимо это воспоминание. Я боюсь спать под этим одеялом.

Не могу не думать, как там Адам, вернется ли он, намерен ли Уорнер наказывать Адама всякий раз, как я проявлю непослушание. Впрочем, мне действительно незачем так беспокоиться.

Строчка, написанная Адамом в моей записной книжке, может быть частью плана Уорнера, задумавшего свести меня с ума.

Сползаю на твердый пол и разжимаю кулак, проверяя, на месте ли мятый бумажный комок, который сжимаю уже два дня. Это единственная надежда, которая у меня осталась, а я даже не знаю, реальна ли она.

У меня не осталось возможностей.

– Что ты тут делаешь?

Я еле сдержала крик, наткнувшись, споткнувшись и едва не грохнувшись на Адама, лежавшего на полу рядом с кроватью. Я его не заметила.

– Джульетта. – Он не отодвинулся ни на дюйм, глядя на меня спокойными, невозмутимыми глазами – просто два ведра речной воды в полночь. Мне захотелось выплакаться в эти глаза.

Отчего-то я ответила правду:

– Я не могу спать на этой кровати.

Он не спросил почему. Поднялся, кашлем маскируя стон, – я сразу вспомнила, что его избили. Очень ли ему больно? Я не решилась спросить. Взяв с кровати подушку и одеяло, Адам положил подушку на пол.

– Ложись, – все, что он мне сказал. Теперь он говорит со мной очень тихо.

Весь день, каждый день, целую вечность я желала, чтобы он это сказал.

Всего одно слово, но я отчего-то залилась краской. Я легла, хотя в крови были сирены, и положила голову на подушку. Он накрыл меня одеялом. Я смотрела, как сгибаются его руки, – лунный свет немного рассеивал ночной мрак, обрисовывая силуэт Адама тонким серебристым карандашом. Он лег на пол, оставив между нами лишь несколько футов. Ему не нужна подушка. Он обходится без одеяла. И спит без футболки. Мне сразу стало душно. Наверное, я никогда не смогу ровно дышать в его присутствии.

– Не кричи больше, – прошептал он.

Каждый вдох становится спасительным.

Стиснув спрятанный в ладони возможный союз с Адамом, засыпаю спокойно, как никогда в жизни.

Мои глаза – два окна, распахнувшиеся от вихря хаоса в этом мире.

От холодного ветерка кожа покрылась пупырышками. Я села, протирая глаза. Адама уже не было. Поморгав, я забралась на кровать, положив туда подушку и одеяло.

Я взглянула на дверь, гадая, что ждет меня за ней.

Я взглянула на окно, гадая, увижу ли когда-нибудь пролетающую птицу.

Я взглянула на часы на стене, вспоминая, как снова жить по часам. Интересно, который час по-настоящему, если в этом здании половина седьмого утра?

Я решила принять душ. Эта мысль наполнила меня ликованием, немного устыдившим меня.

Я открыла дверь в ванную и увидела в зеркале Адама. Проворными руками он натянул футболку прежде, чем я успела заметить детали, но я все же разглядела то, чего не видела в темноте.

Он весь покрыт синяками.

У меня подкосились ноги. Я не знала, как ему помочь. Я очень хотела ему помочь.

– Извини, – быстро сказал он. – Я не знал, что ты проснулась.

Он одернул футболку за край, будто она недостаточно длинная, чтобы я притворилась слепой.

Я кивнула неизвестно чему, рассматривая кафель под ногами. Я не знала, что сказать.

– Джульетта. – Голос Адама обнял все буквы моего имени так нежно, что я несколько раз умерла в ту секунду. На его лице отразилось душевное волнение. Он покачал головой. – Прости, – сказал он так тихо, что я решила – послышалось. – Это не... – Адам стиснул зубы и нервно провел рукой по волосам. – Все это не то чтобы...

Я поднесла ему раскрытую ладонь. Блокнот превратился в мятый ком возможностей.

– Я знаю.

Облегчение проступило в каждой его черте, глаза стали единственным заверением, какое мне было нужно. Адам меня не предавал. Я не знаю, ни почему, ни как, ни что, ничего, кроме того, что он по-прежнему мой друг.

Он стоит передо мной и не хочет моей смерти.

Я шагнула вперед и закрыла дверь.

Я открыла рот, чтобы заговорить.

– Нет!

Я замерла с открытым ртом.

– Подожди, – сказал он одними губами, сопроводив слова успокаивающим жестом. Действительно, при отсутствии камер в ванной могут быть микрофоны. Адам оглядывается, смотрит вверх, на стены.

Душевая кабинка – четыре стены из мрамора. Адам отодвигает дверцу, прежде чем я успеваю что-то понять, и до отказа открывает душ. От шума льющейся воды ванная комната гудит; вода заглушает все звуки, заполняет ревом пустоту. Зеркало сразу запотеваает, и едва я начинаю догадываться, для чего все это, как Адам обнимает меня и поднимает в кабинку.

Мой вскрик – пар, завиток горячего воздуха, ускользающий меж пальцев.

От обжигающей воды темнеет одежда, намокают волосы, по шее бегут ручейки, но я чувствую только его руки на талии. Я готова перечислить тысячу причин, по которым не должна этого делать.

Его взгляд пригвождает меня к месту. Его настойчивость зажигает огонь в моем теле. Струйки воды змейками ползут по гладким изгибам его лица, руки прижимают меня к стене.

Его губы его губы его губы его губы его губы его губы его губы...

Ресницы изо всех сил стараются не трепетать.

Ноги добились права подкашиваться.

Кожа горит от его прикосновений.

Его губы так близко к моему уху, что я превращаюсь в воду, в ничто, во все, таю от желания столь неистового, что оно жжет, когда я загоняю его внутрь.

– Я могу тебя касаться, – говорит он. Откуда в сердце стайка колибри? – Совсем недавно узнал, – тихо бормочет он. Странное опьянение мешает обратить внимание на что-то, кроме его тела в нескольких дюймах от меня. – Джульетта... – Он подается ближе, и я спохватываюсь, что думаю только о желаниях, одуванчиками разлетающихся в легких. Мои глаза распахиваются. Адам облизывает нижнюю губу, и за долю секунды я прихожу в себя.

– Что ты делаешь?.. – задыхаясь, спрашиваю я.

– Джульетта, пожалуйста. – В его голосе тревога, он оглядывается через плечо, словно опасаясь, что мы не одни. – Прошлой ночью... – Адам сжимает губы. На долю секунды закрывает глаза, и я люблю тем, как горячая вода капает с его ресниц, будто жемчужины боли. Держащие меня за талию пальцы чуть шевелятся, будто он с трудом сдерживается, чтобы не трогать меня везде, везде, везде, его глаза вбирают все шестьдесят три дюйма моего тела, и я так... так... так...

Слаба...

– Я наконец понял, – говорит он мне на ухо. – Я знаю, для чего ты нужна Уорнеру. – Пальцы Адама – десять электрических проводов, убивающих меня неведомой истомой, которую я всегда хотела ощутить.

– Зачем ты здесь? – шепчу я, сломленная, умирающая в его руках. – Зачем... – Одна, две попытки вздохнуть. – Зачем ты ко мне прикасаешься?

– Потому что могу. – Адам еле сдерживает улыбку. У меня за спиной затрепетали маленькие крылышки. – Я уже касался тебя.

– Что? – заморгала я, вдруг трезвея. – Как это – касался? Что ты имеешь в виду?

– В первую ночь в камере. – Он опускает глаза. – Ты кричала во сне.

Я жду.

Я жду.

Я жду целую вечность.

– Я касался твоего лица, – говорит он мне на ухо. – Гладил по руке, от плеча до кисти... – Он смотрит на мое плечо, ведет взгляд к локтю, задерживается на запястье. Я не верю своим ушам. – Я не знал, как тебя разбудить, ты не просыпалась, поэтому я сидел и смотрел. Ждал, пока ты перестанешь кричать.

– Это... невозможно, – с трудом выговариваю я.

Но пальцы Адама на моей талии превратились в объятия, губы стали щекой, прижатой к моей щеке, наши тела слились воедино, он касался моей кожи, моей кожи, моей кожи и не кричал, не умирал, не убегал от меня. Я плакала.

Я задыхалась от рыданий.

Я тряслась, рассыпалась, раскалывалась на мелкие слезы.

А он обнимал меня, как никто другой за всю мою жизнь.

Словно он хотел меня.

– Я вытащу тебя отсюда, – сказал он мне в волосы, глядя мои руки. Я откинулась к стене. Адам смотрит мне в глаза, и мне кажется, что все это сон.

– Почему... Почему ты... Я не... – Я замотала головой, стряхивая слезы, прилипшие к лицу. Этого не может быть. Это невозможно!

Его глаза нежны, его улыбка плавит мои суставы, я хочу узнать вкус его губ. Как бы мне хотелось набраться смелости и коснуться его!

– Я должен идти, – говорит Адам. – Тебе нужно одеться и сойти вниз к восьми часам.

Он стянул мокрую футболку. Я не знала, куда девать глаза.

Я схватилась за стеклянную панель и зажмурилась, заморгав, когда его пальцы оказались в миллиметре от моего лица. Я растекаюсь, горю, таю от предвкушения.

– Да ты не отворачивайся. – Адам прячет улыбку размером с Юпитер.

Украдкой посматриваю на его асимметричную улыбку, которую хочу попробовать на вкус, на цвет его глаз, которые я рисовала несчетное количество раз. Обвожу взглядом линию его подбородка, шею, ключицы, запоминаю скульптурные холмы и долины его плеч, безупречный торс, птицу у него на груди...

Птицу на груди.

Татуировка.

Белая птица с золотой макушкой вроде короны на голове, в полете.

– Адам, – пытаюсь сказать я. – Адам, – пытаюсь выдавить я. – Адам, – не получается у меня сказать.

Я смотрю ему в глаза и вижу, что он наблюдает за мной. Его лицо напряжено, сведено таким сильным чувством, что я невольно задумалась, какой же он меня видит. Коснувшись двумя пальцами моего подбородка, он приподнял мое лицо, и я стала живым электропроводом в воде.

– Я найду способ поговорить с тобой, – говорит он, прижимая меня к себе. Мое лицо у его груди, и мир внезапно становится ярче, больше, прекраснее. Мир и возможности человечества вдруг начинают что-то значить и для меня, вселенная остановилась и завертелась в другом направлении, и я стала птицей.

Я птица, я улечу отсюда.

Глава 20

Ровно восемь утра. Я в платье цвета мертвых лесов и старых консервных банок.

Оно облегает меня плотнее всех, какие я носила, покроем современный, угловатый, почти хаотичный; материал жесткий и твердый, хотя тело сквозь него прекрасно дышит. Я смотрю на свои ноги и удивляюсь, что они у меня есть.

Я чувствую себя незащищенное, чем когда-либо.

Семнадцать лет я приучала себя прикрывать каждый дюйм обнаженной кожи, а Уорнер, предполагая, нарочно заставляет меня ходить раздетой. Мое тело – плотоядный цветок, ядовитое растение, заряженный пистолет с миллионом спусковых крючков, а Уорнер давно мечтает выстрелить.

Прикоснись ко мне и страдай от последствий. Из этого правила еще не было исключений. Кроме Адама.

Он оставил меня в душе насквозь промокшей под водопадом горячих слез. Через мутное стекло я видела, как он вытирается и надевает солдатскую форму.

Как получилось, что он может ко мне прикасаться?

Почему он помогает мне?

Неужели он меня помнит?

Моя кожа до сих пор горит.

Кости примотаны друг к другу тугими складками этого странного платья. Все держится на молнии. На молнии и перспективах, о которых я всегда никогда не осмеливалась и мечтать.

Плотно сжатые губы будут вечно хранить секреты сегодняшнего утра, но сердце переполняет уверенность, ощущение чуда, умиротворение и открывшаяся возможность, которая вот-вот вылупится из кокона и разорвет это платье.

Надежда обнимает меня, баюкает в объятиях, вытирает мне слезы, говорит, что сегодня, и завтра, и послезавтра со мной все будет хорошо, а я будто в бреду и боюсь этому поверить.

Я сижу в голубой комнате.

Стены оклеены тканью цвета летнего неба, на полу ковер толщиной пару дюймов. Комната пуста, стоят только два бархатных полукресла, видимо, из большого гарнитура. Каждый оттенок синего словно кровоподтек, словно прекрасная ошибка, словно напоминание о том, что они сделали с Адамом из-за меня.

Я сижу одна в бархатном полукресле в голубой комнате в оливковом платье. Записная книжка в кармане кажется неожиданно тяжелой: у меня на колене словно лежит шар для боулинга.

– Ты прелестно выглядишь!

Уорнер как-то сразу появился в комнате, будто въехал на пневматической подушке. С ним никого нет.

Я невольно взглянула на свои тенниски, испугавшись, что нарушила какие-нибудь правила, не надев высоченных стилетов из шкафа. Убеждена, они не для ног. Уорнер остановился передо мной.

– Зеленый изумительно тебе идет, – сказал он с глупой улыбкой. – Подчеркивает цвет глаз.

– А какого цвета у меня глаза? – спросила я, обращаясь к стене.

Он засмеялся:

– Шутишь?

– Тебе сколько лет?

Смех оборвался.

– Тебе интересно?

– Любопытно.

Он присаживается рядом.

– Я не буду отвечать на твои вопросы, если, разговаривая, ты не будешь смотреть на меня.

– Ты хочешь, чтобы я мучила людей против своей воли. Хочешь сделать из меня оружие.

Хочешь, чтобы я стала чудовищем. – Я помолчала. – Мне противно смотреть на тебя.

– Ты куда упрямее, чем я думал.

– Я ношу твоё платье. Ела твою еду. Пришла сюда. – Я подняла глаза на Уорнера, который по-прежнему смотрел на меня в упор. Я на мгновение растерялась от силы его взгляда.

– Ты делаешь все это не ради меня, – тихо сказал он.

Я чуть не рассмеялась.

– А с какой стати? – Его глаза словно воевали с губами за право говорить. Я отвернулась. – Зачем мы здесь?

– А-а. – Он глубоко вздохнул. – Завтрак. Потом я дам тебе твоё расписание.

Он нажал кнопку на подлокотнике кресла, и почти мгновенно в комнату вкатились сервировочные столики. Их ввезли женщины и мужчины, явно не солдаты, с жесткими, морщинистыми лицами, слишком худые, чтобы быть здоровыми.

При виде этих людей у меня разрывается сердце.

– Обычно я ем один, – продолжает Уорнер. Его голос острой сосулькой протыкает плоть моих воспоминаний. – Но нам с тобой имеет смысл поближе познакомиться, раз уж мы будем проводить вместе много времени.

Слуги горничные Не-солдаты вышли, и Уорнер протянул мне тарелку с едой.

– Я не голодна.

– Даже не мечтай.

Я увидела, что он очень серьезен.

– Тебе не позволено заморить себя голодом. Ты слишком мало ешь, а я хочу, чтобы ты была здоровой. Тебе не позволено совершить самоубийство. Тебе не позволено наносить себе вред. Ты для меня слишком ценна.

– Я тебе не игрушка, – прошипела я.

Уорнер уронил тарелку на тележку – я с удивлением увидела, что она не разбилась, – и кашлянул, прочищая горло. Это прозвучало довольно зловеще.

– Все будет гораздо проще, если ты начнешь сотрудничать, – сказал он, выделяя каждое слово.

Пять пять пять пять пять ударов сердца.

– Мир относится к тебе с отвращением, – начал он, кривя губы в улыбке. – Все, кого ты знаешь, ненавидят тебя. Бегут от тебя. Обрекают на одиночество. Собственные родители поставили на тебе крест и добровольно переложили заботы о твоём существовании на государственные учреждения. Как же они хотели от тебя избавиться, сделать чужой проблемой, убедить себя, что отвратительная мерзость, которую они растят, не их ребенок!

Мне словно надавали десяток пощечин.

– При этом, – он уже смеялся, не скрываясь, – ты в который раз отталкиваешь меня! – Он посмотрел мне в глаза. – Я пытаюсь тебе помочь. Я даю тебе возможность, какую никто никогда больше не предложит. Я охотно стану обращаться с тобой как с равной. Я готов дать тебе все, чего ты можешь пожелать; я готов передать в твои руки даже власть. Я заставлю людей страдать за то, что они с тобой сделали. – Он чуть подался вперед. – Я смогу изменить твой мир.

Он не прав, он все говорит неправильно, все вывернуто наизнанку и выглядит не естественнее, чем опрокинутая радуга.

Но все, что он говорит, правда.

– Не смей начинать меня ненавидеть, – продолжает Уорнер. – Сперва попробуй – а вдруг мое предложение понравится тебе куда больше, чем сейчас? Твое счастье, что я готов проявить

терпение. – Он с ухмылкой откидывается на спинку кресла. – Не в последнюю очередь потому, что ты исключительно красива.

Румянец, по ощущениям, уже стекает с меня на ковер.

Уорнер лжец и чудовище, но его слова задевают меня – оттого ли, что он вопиюще не прав, или оттого, что я всю жизнь жду, когда же меня заметят. Еще никто не говорил со мной так, как Уорнер.

Мне захотелось посмотреться в зеркало.

– Ты и я не так различны, как ты полагаешь. – Его улыбка настолько нагла, что я подавила желание врезать по ней кулаком.

– Ты и я не так похожи, как ты надеешься.

Его улыбка такой ширины, что я не знаю, как реагировать.

– Кстати, мне девятнадцать.

– Что?

– Девятнадцать лет, – поясняет он. – Я прекрасно развит для своего возраста.

Я взяла ложку и отколупнула маленький кусок от чего-то съедобного на тарелке – уже забыла, какая бывает еда.

– Я не уважаю тебя.

– Передумаешь, – легко ответил он. – Давай шевелись, ешь что-нибудь. У нас масса работы.

Глава 21

Убивать время не так трудно, как кажется.

Я могу застрелить сотню чисел в грудь навывлет и смотреть, как они истекают десятками долями у меня на ладони. Я могу сорвать цифры с циферблата и смотреть, как часовая стрелка тикает, тикает, тикает последний раз перед тем, как я засну. Я умею душить секунды, задержав дыхание. Я убивала минуты часами, и никто не возражал против этого.

Прошла неделя после того, как я обменялась словом с Адамом.

Один раз я повернулась к нему, открыла рот, но не успела ничего сказать – вмешался Уорнер.

– Тебе нельзя разговаривать с солдатами! – отрезал он. – Если у тебя вопросы, найди меня. Я единственный человек, о котором тебе надо думать, пока ты тут.

Собственник – недостаточно сильное определение для Уорнера.

Он сопровождает меня повсюду. Говорит со мной слишком много. Мое расписание состоит из встреч с Уорнером, обедов с Уорнером и выслушивания Уорнера. Если он занят, меня отправляют в мою комнату. Если Уорнер свободен, он находит меня. Он говорит мне о книгах, которые они уничтожили. Об артефактах, подготовленных к сожжению. Об идеях нового мира, которые у него родились, и о том, какой прекрасной помощницей я стану ему, как только буду готова. Едва я пойму, насколько хочу этого, как сильно хочу его и новой жизни, полной власти и славы. Уорнер только и ждет, когда я научусь использовать свой потенциал. Он твердит, что я должна благодарить его за терпение, доброту, понимание того, каких трудов мне стоит подобное превращение.

Я не смею взглянуть на Адама. Мне запрещено с ним говорить. Он спит в моей комнате, но я никогда не вижу его. Он дышит совсем близко от меня, но не разжимает губ и ничего не говорит. Он не ходит за мной в ванную. Он не оставляет тайных посланий в записной книжке.

Я уже склоняюсь к мысли, что сама придумала тот разговор.

Мне необходимо узнать, изменилось что-нибудь или нет. Мне нужно знать, не сошла ли я с ума, ухватившись за надежду, расцветшую в моем сердце. Мне нужно знать, что означает написанная Адамом фраза, но каждый день, когда он обращается со мной как с незнакомкой, становится новым днем сомнений.

Мне нужно с ним поговорить, но я не могу.

Потому что Уорнер следит за мной.

Повсюду видеокамеры.

– Я хочу, чтобы в моей комнате сняли видеонаблюдение.

Уорнер перестает жевать пищу/отбросы/завтрак/чепуху. Он старательно проглатывает, откидывается назад и смотрит мне в глаза.

– Ни под каким видом.

– Если ты обращаешься со мной как с заключенной, – говорю я, – я буду вести себя как заключенная. Я не потерплю слезки за собой.

– Тебе нельзя доверить самостоятельную жизнь. – Он снова берется за ложку.

– Каждый мой вздох записывается. В коридорах через каждые пять футов расставлены солдаты. Я даже в свою комнату по желанию зайти не могу. Что меняют эти видеокамеры?

Странное удовольствие сквозит в его улыбке, раздвинувшей губы.

– Ты не совсем уравновешенна. Вдруг ты кого-нибудь убьешь?

– Нет. – Я сжала кулаки. – Нет. Я не... Дженкинса я не убила...

– Я не о Дженкинсе. – Улыбка Уорнера – чан кислоты, впитывающейся мне в кожу.

Он не перестает смотреть на меня. Улыбается. Мучает меня одним взглядом.

А я беззвучно кричу в сжатые кулаки.

– Это был несчастный случай, – вырывается у меня так тихо и быстро, что я не уверена, сказала ли что-нибудь и сижу ли за этим столом, или мне снова четырнадцать лет, и я кричу, умираю, падаю в колодец воспоминаний, которые никогда-никогда-никогда...

Я никогда не смогу забыть.

Я увидела ее в продуктовом магазине. Она стояла, скрестив ноги в шиколотках, держа своего ребенка на поводке, который, по ее мнению, должен был казаться ему рюкзачком. Она думала, он слишком глупый/маленький/несмышленный, чтобы понимать: веревка, конец которой мать держит в руке, – приспособление, с помощью которого родительница удерживает его в безразличном кругу самосожаления. Она слишком молода, чтобы быть матерью, нести такую ответственность, похоронить себя заживо с ребенком и его потребностями. Ее жизнь абсолютно невыносима, крайне разнообразна и баснословно гламурна, чего никак не желает понять плод ее чрева, взятый на поводок.

Дети вовсе не глупы, хотела я сказать ей.

Я хотела сказать ей, что его седьмой по счету крик не означает желания вредничать и быть несносным, а ее четырнадцатое замечание в форме дрянь/какая ты дрянь/мне из-за тебя неловко, маленькая ты дрянь/вот я папе скажу, что ты вел себя как дрянь, неуместно и ненужно. Я пыталась не смотреть, но ничего не могла с собой поделать. Личико трехлетнего малыша сморщилось от боли, маленькими ручками он пытался расстегнуть цепочки, затянутые поперек груди, и тогда она дернула поводок так сильно, что ребенок упал и заплакал, а она сказала – так ему и надо.

Я хотела спросить, зачем она так.

У меня к ней было много вопросов, но я ни о чем не спросила, потому что сейчас на людях разговаривать не принято, и заговорить с незнакомкой еще более дико, нежели промолчать при виде подобной сцены. Лежа на полу, малыш корчился от боли. У меня из рук посыпались покупки и невольно вытянулось лицо.

Прости меня, я так виновата, вот чего я никогда не смогу сказать ее сыну.

Я думала, мои руки оказывают помощь.

Я думала, мое сердце оказывает помощь.

Я много о чем думала.

Я никогда,

никогда,

никогда,

никогда,

никогда,

никогда не думала, что так получится.

– Ты убила маленького мальчика.

Пригвожденная к бархатному полукреслу тысячами воспоминаний, вновь охваченная ужасом при виде того, что натворили мои руки, я смотрела на них. Они служат постоянным напоминанием о том, почему я изгой в человеческом обществе. Мои руки могут убить человека. Мои руки способны уничтожить живое.

Не надо было оставлять мне жизнь.

– Я хочу, – повторила я, стараясь проглотить ком в горле, размером с кулак, – я хочу, чтобы ты убрал видеокамеры. Чтобы их не было, или я сдохну, борясь с тобой за это право!

– Наконец-то! – Уорнер встал, сжав ладони и словно поздравляя себя. – А я-то гадал, когда ты проснешься. Я ждал этой вспышки гнева, который, уверен, выжигает тебя изнутри. Признайся, ведь ты живешь в ненависти, в ярости, с чувством бессилия! Тебе не терпится что-нибудь сделать, кем-то стать!

– Нет!

– Какое там «нет», ты такая же, как я!

– Я ненавижу тебя сильнее, чем ты можешь себе представить!

– Из нас получится прекрасная команда.

– Мы – ничто, и ты для меня ничто...

– Я знаю, чего ты хочешь. – Уорнер подался вперед, понизив голос. – Я знаю, о чем всегда тосковало твое сердечко. Я могу дать тебе теплоту, которую ты ищешь. Я готов стать твоим другом.

Я замерла. Моя решимость поколебалась.

– Я все о тебе знаю, дорогая, – ухмыляется он. – Я хочу тебя уже очень давно. Я целую вечность ждал, пока ты будешь готова. Я так легко не отпущу тебя.

– Я не стану чудовищем, – говорю я скорее себе, чем ему.

– Не борись со своей природой, – хватает он меня за плечи. – Перестань слушать, когда тебе говорят, что хорошо, а что плохо. Заяви о себе! Ты способна повелевать, а жмешься в угол! У тебя больше силы, чем ты знаешь за собой, и, признаюсь, я, – он покачал головой, – очарован.

– Я тебе не кукла Чаки! – взрываюсь я. – Не буду я ломать комедию!

Его пальцы сжимаются, я не могу вывернуться из его хватки. Он опасно близко наклонился к моему лицу, и я отчего-то не могу дышать.

– Я не боюсь тебя, дорогая, – тихо говорит он. – Но я околдован.

– Либо убирай видеокамеры из моей комнаты, либо я найду все до единой и разобью! – Я лгу, лгу сквозь зубы в бешенстве, в отчаянии и ужасе. Уорнер хочет превратить меня в животное, которое охотится на слабых и невинных.

Если он стремится к тому, чтобы я выполняла его приказы, ему придется сначала схватиться со мной.

Улыбка расплывается по лицу Уоррена. Он гладит меня по щеке пальцами в перчатке и железной хваткой ловит подбородок, когда я резко отстраняюсь.

– Ты просто восхитительна, когда злишься.

– Мой вкус ядовит для твоего неба. – Меня трясет от отвращения.

– Эта мелочь делает игру еще соблазнительнее.

– Ты больной, ты просто больной!

Он смеется и отпускает мой подбородок, устраивая подробный осмотр моему телу. Его глаза лениво скользят по мне, и я вдруг ощущаю острое желание вырвать ему селезенку.

– Если я уберу камеры, что ты для меня сделаешь?

Какие лживые у него глаза...

– Ничего.

– Так не пойдет, – качает головой Уорнер. – Может, я и соглашусь на твое предложение, если ты примешь одно условие.

Я стискиваю зубы.

– Чего тебе надо?

Улыбка еще шире.

– Какой опасный вопрос.

– Что за условие? – нетерпеливо переспрашиваю я.

– Прикоснись ко мне.

– Что?! – Мой крик эхом отразился от стен.

– Я хочу точно знать, на что ты способна. – Голос Уорнера ровен, брови напряжены.

– Я не стану этого делать! – взрываюсь я. – Ты забыл, что заставил меня сделать с Дженкинсом?

– Да к чертям Дженкинса! – презрительно бросает он. – Я хочу, чтобы ты коснулась меня, хочу сам это почувствовать...

– Нет! – Я трясую головой так, что мне становится дурно. – Нет. Никогда. Ты сумасшедший. Я не...

– Еще как да.

– Не буду я!

– Тебе придется начать... работать рано или поздно, – говорит Уорнер, пытаясь умирить свой голос. – Даже если не примешь мое условие, ты здесь по веской причине, Джульетта. Я убедил отца, что ты ценная фигура для Оздоровления, в два счета расколешь любых повстанцев, которых мы...

– То есть буду пытаться их?

Он улыбнулся:

– Да. Прости меня. Я имел в виду – пытаться. Ты поможешь нам пытаться всех, кто к нам попадает. – Пауза. – Болевой метод, видишь ли, невероятно эффективен для получения информации от любого. А уж с тобой... – Он взглянул на мои руки. – Дешево и сердито. И быстро. – Он улыбается еще шире. – Если оставить тебе жизнь, ты будешь полезна минимум несколько десятилетий. Какое счастье, что тебе не нужны батарейки!

– Ты... ты... – задыхаюсь я.

– Скажи мне спасибо. Я вытащил тебя из этой гадостной дыры, из психушки, привел тебя, можно сказать, к власти. Я дал тебе все, что только нужно для удобства, комфорта. – Он устремляет на меня взгляд. – Теперь сосредоточься. Я хочу, чтобы ты отказалась от идиотской надежды жить, как все остальные. Ты вне нормы. Нормальной никогда не была и не будешь. Прими себя такую, как ты есть.

– Я... – сглатываю комок. – Я не... Я не... Я...

– Убийца?

– Нет!

– Инструмент палача?

– Прекрати!

– Ты сама себе лжешь.

Я готова уничтожить его.

– Ты всю жизнь прожила на грани безумия, верно? Люди называли тебя сумасшедшей, и ты понемногу поверила в это. Ты гадала, правы ли они. Думала, можно ли это исправить. Надеялась, что если еще немного постараться, стать лучше, умнее, то мир изменит свое отношение к тебе. Ты во всем винила себя.

Я задыхаюсь.

Нижняя губа дрожит помимо моей воли. Я не могу расцепить стиснутые зубы.

Не хочу отвечать, что он прав.

– Ты подавляла свой гнев, обиду, мечтала быть любимой, – говорит он, уже не улыбаясь. – А что, если я тебя понимаю, Джульетта? Что, если мне стоит доверять? Ты должна принять как факт: ты очень долго пыталась стать не тем, кто есть, но что бы ни делала, эти ублюдки вечно были недовольны. Их ничто не устраивало. Им в любом случае было плевать. – На секунду Уорнер кажется почти нормальным человеком. Секунду я хочу ему верить. Секунду я хочу осесть на пол и выплакать океан, затопивший горло. – Пора перестать притворяться, – говорит он еле слышно. – Джульетта... – Руками в перчатках он берет мое лицо с неожиданной нежностью. – Тебе не нужно больше пресмыкаться, в твоей власти всех их уничтожить, стереть с лица земли. Ты можешь владеть целым миром и...

Точно струя горячего пара из двигателя ударяет мне в лицо.

– Я никого не хочу уничтожать, – перебиваю я. – Я не хочу мучить людей.

– Да ведь они заслужили страдания! – Уорнер отступает с видом человека, отчаявшегося что-то объяснить. – Как можно не хотеть отплатить той же монетой, не мечтать отомстить?

Я медленно встаю, дрожа от ярости, хотя у меня подкашиваются ноги.

– По-твоему, если меня изолировали, отталкивали, превратили в изгоя... – Голос шел вверх с каждым словом, несдерживаемые эмоции вопили сквозь оболочку легких. – ...то у меня нет сердца? Чувств? Ты решил, если я могу причинять боль, то стану это делать? Ты такой же, как все! Ты тоже считаешь меня чудовищем, как остальные. Ты совершенно не понимаешь меня.

– Джульетта...

– Нет.

Я этого не хочу. Я не хочу забирать у него жизнь.

Я не хочу быть чем-то для кого-то. Я хочу быть собой, выбирать свою жизнь сама, не становясь чудовищем. Слова зазвучали медленно и ровно, когда я сказала:

– Я ценю человеческую жизнь гораздо больше, чем ты, Уорнер.

Он открыл рот, но ничего не сказал – захохотал, качая головой.

– В чем дело? – спросила я, не сдержавшись.

– Ты назвала меня по имени, – ухмыляясь, отозвался он. – Ты еще ни разу не обращалась ко мне напрямую. Это означает, что в моей работе над тобой наметился прогресс.

– Я только что сказала, что не стану...

Он оборвал меня:

– Меня не интересуют твои моральные дилеммы. Ты просто тянешь время, отказываясь признавать очевидное. Это пройдет, я подожду.

– Я не отрицаю очевидного...

– Еще как отрицаешь. Идешь в отказ. Ты еще не знаешь, Джульетта, но ты ужасно скверная девчонка, – сказал он, с издевкой схватившись за сердце. – Как раз в моем вкусе.

Это положительно невозможно слушать.

– В моей комнате живет солдат, – сказала я, тяжело дыша. – Убери камеры, или я немедленно уйду отсюда.

Глаза Уорнера потемнели на долю секунды.

– А где твой солдат, кстати?

– Понятия не имею. – Очень надеюсь, что я не покраснела. – Это ты приставил его ко мне.

– Да. – Он сделал задумчивый вид. – Мне нравится смотреть, как ты смущаешься. Тебе при нем неловко, да?

Я вспомнила руки Адама на своем теле, его губы совсем близко от моих, запах его кожи, мокрой от обжигающего душа, под которым мы стояли вдвоем, и вдруг мое сердце будто кулаками застучало изнутри по ребрам, желая выпрыгнуть.

– Да, да, мне при нем очень неловко.

– А знаешь, почему я выбрал его? – вкрадчиво спрашивает Уорнер, и меня словно сбивает грузовик.

Адама специально отбирали.

В принципе логично: кого попало ко мне в камеру не посадили бы. Уорнер ничего не делает просто так. Он наверняка знает, что мы с Адамом были знакомы. Он более жесток и расчетлив, чем я думала.

– Нет, – всасываю воздух. – Не знаю. – Выдыхаю. Нельзя забывать дышать.

– Он сам вызвался, – отвечает Уорнер, и я замираю, ошеломленная. – Сказал, что ходил с тобой в школу много лет назад, но ты, наверное, его не вспомнишь, он сильно изменился. Кент сплел весьма убедительную историю: будто бы очень рад узнать, что тебя изолировали. – Тут Уорнер наконец посмотрел на меня.

Мои кости, как кубики льда, звякают друг о друга, промораживая меня до самого сердца.

– Слушай, мне любопытно... Ты помнишь его?

– Нет, – солгала я помертвевшими губами. Я пытаюсь отделить правду от лжи, домыслов и измышлений, но фразы обвиваются вокруг горла.

Адам знал меня, когда входил в камеру.

Он знал, кто я.

Он знал мое имя.

Все это было ловушкой.

– Это открытие тебя... сердит? – осведомился Уорнер. Мне захотелось сшить его улыбающиеся губы в вечно угрюмую гримасу.

Я ничего не сказала, и от этого стало только хуже.

Уорнер сиял.

– Я, конечно, не рассказал, за что тебя поместили в психушку, считая, что эксперимент в психлечебнице не должен быть смазан лишней информацией, но Адам сообщил: ты всегда представляла угрозу для учеников. Всех предупреждали держаться от тебя подальше, хотя и не объясняли почему. Он сказал, что хочет поближе рассмотреть уродца, в которого ты выросла.

Мое сердце покрывается трещинами, из глаз, по ощущениям, вылетает пламя. Я уязвлена, задета, унижена, я в ужасе, во мне пылает жгучее негодование, меня выжигает изнутри лесной пожар казенных надежд. Мне хочется своими руками сломать Уорнеру хребет. Я хочу, чтобы он понял, каково причинять другим нестерпимую боль. Я хочу, чтобы он испытал мою боль, и боль Дженкинса, и Флетчера, я хочу, чтобы он страдал. Возможно, Уорнер прав – некоторые люди заслуживают страданий.

– Сними рубашку.

Несмотря на все свое позерство, Уорнер кажется искренне удивленным. Но он, не теряя времени, расстегивает пиджак, стягивает перчатки и снимает тонкую хлопковую рубашку, облегающую его как вторая кожа.

Зеленые глаза блестят тошнотворным нетерпением: он не скрывает любопытства.

Бросив одежду на пол, Уорнер смотрит на меня почти интимно. Подавляю отвращение, наполнившее рот. Какое правильное лицо, безупречное тело, глаза, красивые и твердые, как ледяные драгоценные камни. Он мне противен. Я хочу, чтобы его внешность соответствовала извращенному, черному нутру. Я хочу смять его развязность ладонями рук.

Он подходит ко мне совсем близко, между нами остается менее фута. Его рост и сложение заставляют меня чувствовать себя отломанной веточкой.

– Готова? – спрашивает он, кривляясь, но с надменной ноткой.

Я борюсь с желанием сломать ему шею.

– Если я это сделаю, ты убереешь все камеры из моей комнаты. И все «жучки». Все уберешь.

Он подходит еще ближе. Наклоняет голову. Как-то по-новому смотрит на мои губы.

– Мои обещания немного стоят, дорогая, – шепчет он. – Или ты забыла? – Он пододвигается еще на три дюйма и кладет руку мне на талию. Его дыхание сладкое и теплое. – Я опытный лжец.

Осознание происходящего обрушивается на меня двумястами фунтами здравого смысла. Я не должна этого делать. Я не должна заключать с ним сделку. Я не должна обдумывать пытки. Боже, я сошла с ума! Кулаки сжались, меня затрясло. Я едва выговорила:

– Ну и пошел к черту.

Чувствуя себя сдувшимся шариком, отступаю до стены и оседаю на пол бесполезной, отчаявшейся развалиной. С опустошенным сердцем думаю об Адаме.

Я не могу больше здесь находиться.

Кидаюсь к двойным дверям и рывком открываю их, прежде чем Уорнер успевает остановить меня. Зато успевает Адам – он стоит за дверью. Ждет. Охраняет. Моя личная стража.

Подумав, что он все слышал, я уставилась в пол. Со щек сбежала краска, осколки разбитого сердца лежат на ладони. Конечно, он все слышал. Теперь он знает, что я убийца. Монстр. Низкая душонка, втиснутая в ядовитое тело.

Уорнер специально это сделал.

Я стою между ними. Уорнер все еще без рубашки. Адам смотрит на свой пистолет.

– Солдат, – говорит Уорнер, – отведи Джульетту в комнату и отключи все видеокамеры.

Она может пообедать одна, если хочет, но на ужин я ее жду.

Адам несколько секунд моргает.

– Есть, сэр.

– Джульетта?

Замираю на месте, стоя спиной к Уорнеру и не желая поворачиваться.

– Надеюсь, ты исполнишь свою часть договора.

Глава 22

Не меньше пяти лет я шла к лифту и еще пятнадцать поднималась на свой этаж. Мне было миллион лет, когда я вошла в свою комнату. Адам спокоен, молчалив, собран, движения механически-отточенные. По его глазам, рукам, жестам нельзя догадаться, что он знает даже мое имя.

Я смотрю, как он быстро и внимательно передвигается по комнате, находя миниатюрные видеокамеры, предназначенные для слежения за моим поведением, и отключает их одну за другой. Если возникнет вопрос, почему не работает видеонаблюдение, неприятностей у Адама не будет: приказ исходит от Уорнера лично, так что все официально.

Теперь у меня будет подобие уединения.

Можно подумать, мне нужно уединение.

Я такая дура...

Адам – не тот мальчик, которого я помню.

Я в третьем классе.

Я только что переехала в этот городишко после того, как меня ~~вышвырнули~~ попросили уйти из моей прежней школы. Родители постоянно переезжали, убегая от последствий моих поступков, от детских праздников, на которые я не приходила, от друзей, которых у меня никогда не было. Никто не хотел говорить о моей «проблеме», но тайна, окружавшая мое существование, лишь ухудшала дело. Человеческое воображение, предоставленное самому себе, часто превращается в разрушительную силу. Я слышала только обрывки фраз, сказанных шепотом:

– Большая!

– Знаешь, что она сделала?..

– Во ущербная!

– ...ее вышибли из прежней школы...

– Ненормальная!

– У нее типа болезнь, что ли...

Никто со мной не говорил. Все только смотрели. Я была еще маленькой и плакала. Я ела ленч в одиночестве у сетчатого забора и никогда не смотрелась в зеркало, не желая видеть лицо, которое все так ненавидят. Девочки обычно пинали меня и убегали. Мальчишки бросали в меня камнями, до сих пор где-то шрамы остались.

Через сетчатый забор я видела, как мир живет своей жизнью. Я смотрела на приезжавшие машины, на родителей, высаживавших своих чад, на отношения, которых у меня никогда не было. Это происходило еще до того, как болезни настолько распространились, что смерть стала обычной темой разговора. Это происходило еще до того, как мы поняли, что облака стали странного цвета, животные умирают или инфицированы, прежде чем мы осознали: всех нас ждет голодная смерть, и довольно скоро. Тогда мы еще верили, что все проблемы можно решить. В то время Адам сидел на три парты впереди. Мальчик был одет хуже, чем я, и ленч ему с собой не давали. Я ни разу не видела, чтобы он что-нибудь ел.

Однажды его привезли в школу в машине.

Я видела, как Адама пинком вытолкнули оттуда. Его пьяный папаша, сидя за рулем, неизвестно почему орал и размахивал кулаками. Адам стоял очень спокойно и смотрел в землю, словно собираясь с духом перед чем-то неизбежным. Я видела, как отец ударил восьмилетнего сына по лицу. Я видела, как Адам упал, и, застыв от ужаса, смотрела, как отец снова и снова пинает его по ребрам.

– Это ты виноват, ты! Ты, бесполезный кусок дерьма! – орал его отец, пока меня не вырвало прямо там, на пяточке, заросшем одуванчиками.

Адам не плакал. Он лежал, скорчившись на земле, пока побои не прекратились и отец не уехал. Только убедившись, что никого нет, мальчик затрясся от рыданий, сжимая руками болевший живот. Его лицо было измазано землей.

Я никогда не забывала ту сцену.

С тех пор я начала выделять Адама Кента.

– Джульетта!

Втягиваю воздух, желая, чтобы руки не дрожали. В эту минуту мне хочется, чтобы у меня не было глаз.

– Джульетта, – повторяет он мягче, и меня, сделанную из кукурузной каши, словно бросили в блендер. Тело заломило от желания тепла его объятий.

Я не оборачиваюсь.

– Ты с самого начала знал, кто я, – шепотом говорю я.

Адам не ответил, и мне вдруг страшно захотелось посмотреть ему в глаза. Обернувшись, я увидела, что он разглядывает свои ладони.

– Прости меня, – сказал он.

Прислонившись к стене, я зажмурилась. Один сплошной спектакль – отобрать у меня постель, вызнать мое имя, расспрашивать о семье. Он ломал комедию для Уорнера, охранников – для всех, кто наблюдал за мной. Не знаю, кому теперь верить.

Мне надо высказаться. Я больше не могу таиться. Ради Адама я должна вскрыть свои раны и облиться свежей кровью.

– Это правда, – сказала я ему. – Насчет маленького мальчика... – Мой голос дрожал сильнее, чем я ожидала. – Я... это сделала.

Он долго молчал.

– Я раньше не понимал, в чем дело. Узнал давно, а что на самом деле произошло, понял только сейчас.

– Что?! – Я и не подозревала за собой способность моргать так часто.

– Мне это показалось бессмысленным. – Каждое слово Адама будто ударило меня под ложечку. Он поднял глаза, и я увидела, что он сильно страдает, и этого мне не выдержать. – Когда я узнал... Вся школа знала...

– Это был несчастный случай, – задыхаясь, проговорила я, находясь на грани истерики. – Ребенок... он упал... я хотела помочь... я же... я же не знала... я думала...

– Я понял.

– Что? – Я будто вдохнула весь воздух в комнате одним усилием.

– Я верю тебе, – сказал он.

– Как? Почему? – Я заморгала, сдерживая слезы, руки затряслись, в сердце зародилась слабенькая, неустойчивая надежда.

Адам прикусил нижнюю губу и отвел глаза. Подошел к стене. Несколько раз открывал и закрывал рот, собираясь заговорить, и наконец слова полились потоком:

– Я знал, что ты за человек, Джульетта. Боже, я ведь... – Он схватился за горло, прикрыв рот кончиками пальцев. Потер лоб, закрыл глаза и некоторое время так постоял. Затем усилием воли разлепил губы и продолжил: – В тот день я собирался с тобой поговорить. – Губы искривила странная горькая улыбка. Адам посмотрел на потолок и снова на меня. – Я решился с тобой поговорить. Раскачался наконец на разговор, но... – Он с силой затряс головой и выдал болезненный смешок. – Господи, ты же меня не помнишь!

Пролетело сотни тысяч секунд, но мука не кончалась.

Мне хотелось смеяться, плакать, кричать, куда-то бежать, и я никак не могла на что-то решиться.

– Как не помню, конечно, помню, – вырвалось у меня задушенным шепотом. Я зажмурилась. Я помню каждый день в школе, где был ты, и буду помнить его всегда, каждую секунду своей жизни. – Только ты относился ко мне по-человечески.

Он не заговаривал со мной. Ни разу не сказал ни единого слова, но отваживался сидеть рядом с моим отгороженным углом. Он заступался за меня, дрался за меня и ударил в лицо того, кто бросил камень мне в голову. А я даже не знала, как сказать спасибо.

В моей жизни, лишенной дружбы, он был почти другом.

Я открыла глаза. Адам стоял передо мной. Мое сердце – поле лилий, цветущих под стеклом и пробуждающихся к жизни легкими частыми толчками, подобно водопаду капель. Адам напряжен, кулаки стиснуты, мышцы рук бугрятся.

– Ты всегда знала? – Три слова шепотом, и он взорвал мою плотину, отпер губы и снова похитил сердце. Я почти не чувствую слез, струящихся по щекам.

– Адам! – Я попыталась усмехнуться, но из губ вырвалось подавленное рыдание. – Я бы узнала твои глаза в любой точке мира.

И словно открылись шлюзы.

На этот раз мне не пришлось сдерживаться.

На этот раз я оказалась в его объятиях, прижатая к стене, во мне трепетала каждая жилка, а Адам был нежен и осторожен, касаясь меня так, словно я сделана из драгоценного фарфора и могу разбиться.

Его руки бродили по моему телу, глаза смотрели мне в лицо. Сердце, как привязанное, носилось по кругу, зато мысли бежали марафон.

Все пылало. Мои щеки, руки, живот захлестывали волны чувства и освежающий ливень, я ощущала лишь силу его тела, прижатого к моему. Никогда не забуду этот момент. Мне хотелось отпечатать Адама в своей коже и сохранить навсегда.

Он взял меня за руки, прижал ладони к своему лицу, и я поняла, что никогда раньше не знала восхитительного ощущения быть человеком. Я по-прежнему плакала, когда мои мокрые глаза, вздрагивая, закрылись.

Я прошептала его имя.

Адам задышал тяжелее, чем я, его губы вдруг коснулись моей шеи, и я задохнулась, извиваясь и хватая его за руки, а он трогал, трогал, трогал меня, и я превратилась в грозу с молниями, не зная, когда же проснусь наконец.

Однажды, дважды, много раз его губы пробовали вкус ямки у меня в основании шеи. Неужели можно умереть от наслаждения? Он взглянул мне в глаза лишь однажды, когда обхватил мое лицо ладонями, и свет моего румянца пробился сквозь стены: я покраснела от удовольствия, боли и невероятности происходящего.

– Я так давно мечтал тебя поцеловать, – хрипло, отрывисто, низким голосом сказал Адам мне на ухо.

Я замерла от предвкушения и ожидания, я так волновалась, что он меня поцелует, и опасалась, что раздумает. Я смотрела на его губы, не понимая, как близко мы стоим, пока он вдруг не отодвинулся.

Три отчетливых электронных sireны прорезали тишину в комнате. Адам посмотрел куда-то мимо меня, словно не понимая, где он, заморгал и бросился к интеркому нажимать нужные кнопки. Я заметила, что он по-прежнему дышит как загнанный.

У меня внутри все оборвалось.

– Имя и номер, – требовательно сказал голос в интеркоме.

– Кент Адам, 45-B-86659.

Пауза.

– Солдат, тебе известно, что в комнате отключено видеонаблюдение?

– Так точно, известно. Я получил приказ снять видеоредакторы.

– Кто отдал приказ?

– Уорнер, сэр.

Долгая пауза.

– Проверим. Несанкционированные манипуляции со средствами безопасности влекут за собой немедленное увольнение с лишением прав и привилегий. Тебе об этом известно, солдат?

– Так точно, сэр.

В интеркоме стало тихо.

Адам обессиленно прислонился к стене. Его губы сложились в едва заметную улыбку. Закрыв глаза, он медленно, длинно выдохнул.

Не знаю, что делать с облегчением, кулем свалившимся мне в руки.

– Иди сюда, – говорит он, не открывая глаз.

Я на цыпочках подхожу, и он обнимает меня, крепко прижимая к себе. Вдыхает запах моих волос, целует в макушку – в жизни не испытывала ничего подобного. Я уже не просто человек, я нечто большее. Солнце и луна слились воедино, земля перевернулась. Мне кажется, в его объятиях я именно та, какой всегда хотела быть.

Он заставляет меня забыть об ужасе, который я могу внушать.

– Джульетта, – шепчет он мне на ухо. – Нам с тобой надо убираться отсюда ко всем чертям, и побыстрее.

Глава 23

Мне снова четырнадцать лет, и я смотрю ему в затылок в тесном классе. Мне четырнадцать, и я целую вечность влюблена в Адама Кента. Я, конечно, очень осторожна, тише воды ниже травы, всегда готовая всем помочь, потому что мне не хочется снова переезжать. Я не хочу покидать школу с единственным дружелюбно расположенным ко мне человеком. Я вижу, как с каждым днем он немного подрастает, становится чуть выше, сильнее, все более волевым – и молчаливым. Он слишком вырос, чтобы папаша продолжал его бить, но никто точно не знает, что случилось с его матерью. Другие ученики сторонились Адама и охотно травили, пока он не начал отбиваться: под давлением окружающего мира его невозмутимость дала трещины.

Но глаза Адама Кента всегда оставались прежними.

Когда он смотрел на меня, в его глазах читалось добро, сочувствие, желание понять. Но он не задавал вопросов и не ждал, когда я заговорю сама. Он только старался держаться рядом, чтобы не приближались остальные.

Я начала думать, может, я не такая уж скверная.

Я надеялась, может, он что-то во мне увидел. Я гадала, может, я не чудовище, как говорят окружающие. Я несколько лет никого не касалась. Я не осмеливалась подходить к людям близко, не желая рисковать.

Но однажды это случилось, и я невольно погубила все.

Я стала причиной гибели маленького мальчика в продуктовом магазине, когда решила помочь ему подняться с пола. Схватившись за его ручонки, я не поняла, отчего он зашелся в крике. До этого я несколько лет никого не касалась и не сразу поняла, что происходит. Несколько раз, случайно притронувшись к кому-то обеими руками, я тут же отшатывалась, вспомнив, что мне нельзя ни к кому прикасаться, – крик, вырывавшийся у людей, моментально освежал мне память.

С мальчиком было иначе.

Я хотела ему помочь. Меня охватила внезапная ярость к его мамаше, не обращавшей внимания на плач и крики сына. Ее черствость возмутила меня, живо напоминая о моей собственной матери. Я только хотела помочь. Я хотела, чтобы ребенок знал – окружающим не все равно. Я не понимала, почему от прикосновения мне вдруг стало странно весело. Я не знала, что высасываю из него жизнь, не понимала, отчего он вдруг обмяк, вялый и тихий, у меня на руках. Я думала, может, сотрясающее меня ощущение всесилья, прекрасное настроение и самочувствие означают, что я излечилась от моей ужасной болезни. Я передумала много всяких глупостей, прежде чем поняла, что натворила.

Я ведь только хотела помочь!

Следующие три года я провела в больницах, судах, центрах заключения несовершеннолетних преступников, пережив ад электрошоковой терапии и транквилизаторов. Ничего не помогало. Все было бесполезно. Не считая смертной казни, изоляция в специальной психиатрической лечебнице была единственным способом спасти общество от ужасной угрозы по имени Джульетта.

Адама Кента, шагнувшего в мою камеру в психушке, я не видела три года.

Он изменился. Стал жестче, выше, суровее, сильнее. Татуированный, мускулистый, заматеревший, быстрый и бесшумный, он словно не мог позволить себе быть мягким, медлительным и расслабленным, будто стали слишком опасны нетренированность, слабость или неумелость. Черты его лица, гладкие и правильные, стали более четкими за годы лишений и борьбы за выживание.

Он уже не маленький мальчик. Он не боится. Он солдат.

С другой стороны, не так уж он и изменился. У него по-прежнему невероятно синие глаза, каких я больше ни у кого не видела: темные, глубокие, страстные. Меня всегда интересовало, каково видеть мир через такие прекрасные линзы. Что, если цвет глаз означает, что ты видишь мир по-другому? Или что мир видит тебя иначе?

Я должна была узнать Адама сразу, едва он вошел в камеру.

Интуитивно я и узнала, но я так старалась подавить воспоминания о прошлом, что отказывалась верить в такое совпадение. Потому что в какой-то степени не хотела помнить. Слишком боялась надеяться. Не представляла, что изменится, если это он.

Я часто думаю, как теперь выгляжу.

Возможно, я лишь бледная тень себя прежней. Я три года не смотрелась в зеркало, боясь того, что могу увидеть.

Кто-то стучит в дверь.

От страха я, как из катапульты, отлетаю на другой конец комнаты. Адам переглядывается со мной и открывает дверь. Отступаю в самый дальний угол.

Я прислушиваюсь, но до меня доносятся лишь приглушенные голоса, обрывки слов и чье-то покашливание.

– Спустишь через минуту, – громко говорит Адам, явно желая закончить разговор.

– Да ладно тебе ломаться, я хочу посмотреть...

– В театр сходи, если посмотреть приспичило. Все, Кенджи, вали отсюда.

– Подожди, ты мне скажи: она что, зажигает взглядом мебель? – смеется Кенджи. Скривившись, я опускаюсь на пол за кроватью, обхватываю себя руками и стараюсь не слушать разговор.

Не получается.

Адам вздыхает. Я так и вижу, как он потирает лоб.

– Слушай, шел бы ты, а?

Кенджи давится от смеха:

– Чего ты вдруг такой чувствительный? Раскис в бабьем обществе?

Адам говорит что-то, чего я не расслышала.

Дверь с грохотом закрывается.

Я выглядываю из своего тайника. Адам стоит смущенный.

У меня розовеют щеки. Я рассматриваю сложное плетение нитей прекрасного ковра на полу, трогаю текстильные обои и жду, пока Адам что-нибудь скажет. Я встаю, чтобы посмотреть в маленький квадрат окна, но вижу только мрачный пейзаж разоренного города. Прижимаюсь лбом к стеклу.

Вдалеке то здесь, то там словно рассыпаны металлические кубики: жители поселков-временок, завернувшись в несколько слоев тряпья, пытаются спастись от холода. Мать держит за руку малыша. Над ними стоят солдаты, неподвижные, как статуи, наведя автоматы, готовые стрелять. Повсюду горы хлама, мусора, на земле поблескивают бритвенно-острые осколки металла. Ветер пригибает одинокие деревья.

Рука Адама оказывается у меня на талии.

Его губы у моего уха, он молчит, но я таю, словно пригоршня нагретого сливочного масла, и растекаюсь по его телу. Я хочу насладиться каждым мгновением этой минуты.

Позволяю глазам закрыться, не смотреть на реальность за окном. Совсем не надолго.

Глубоко вздохнув, Адам привлек меня еще ближе. Телом я повторяю его силуэт: он обнимает меня за талию и прижимается щекой к моей макушке.

– Какая ты чудесная...

Я пробую засмеяться, но не помню, как это делается.

– Я никогда не думала, что кто-нибудь скажет мне эти слова.

Адам поворачивает меня к себе лицом, а я гляжу и не гляжу на него, меня лижут языки пламени, внутри полыхает пожар. Адам смотрит на меня будто впервые. Я хочу омыть душу в бездонной синеве его глаз.

Он наклоняется, упираясь лбом в мой – наши губы оказываются совсем близко, – и шепчет:

– Как ты?

Я хочу поцеловать каждое биение его сердца.

Как ты? Два слова, которых мне еще никогда не говорили.

– Я хочу сбежать отсюда, – искренне говорю я.

Он прижимает меня к груди, и я наслаждаюсь силой, чудом, великолепием простого движения. Адам кажется воплощением силы в шесть футов высотой.

Все бабочки мира мигрировали мне в живот.

– Джульетта...

Я отстраняюсь, чтобы взглянуть ему в лицо.

– Ты серьезно насчет ухода? – спрашивает Адам, ведя пальцами по моей скуле и по пути вырывая случайно выбившуюся из-за уха прядку. – Ты понимаешь, какой это риск?

Я знаю, что единственный настоящий риск – это смерть.

– Да.

Он кивает и понижает голос:

– Корпус мобилизуют для какого-то наступления. Взбунтовались ранее молчавшие группировки, наша задача подавить сопротивление. Думаю, они хотят сделать эту акцию последней, – тихо добавляет он. – Происходят какие-то громадные подвижки, пока точно не знаю какие, но в любом случае нам нужно быть готовыми уйти вместе с солдатами.

Я замираю.

– Что ты имеешь в виду?

– Бежать нужно, когда выступит корпус. Так мы выиграем время. Все будут заняты наступлением и не сразу заметят наше отсутствие и соберут достаточно людей, чтобы отрядить погоню.

– Ты что, пойдешь со мной? Ты решишься на это ради меня?

Адам чуть улыбается, сдерживая смех. Его взгляд становится мягче.

– В жизни очень мало такого, чего я не сделал бы ради тебя.

Глубоко вздохнув, закрываю глаза и касаюсь кончиками пальцев его груди, представляя, что это птица летит по его коже. Решаюсь задать вопрос, который страшит меня больше всего:

– Почему?

– Что – почему? – Он отступает на шаг.

– Почему, Адам? Почему ты принимаешь во мне участие? Почему помогаешь? Я не понимаю, почему ты готов рискнуть своей жизнью?

Адам снова прижимает меня к себе и шепчет на ухо мое имя – один раз и другой. Не знаю, отчего я вся горю, чувствуя его улыбку на своей коже.

– Не понимаешь?

Я уже ничего не понимаю, хотела я сказать, но вдруг разучилась говорить.

Тихо усмехнувшись, он берет меня за руку и внимательно рассматривает.

– Помнишь, в четвертом классе, когда Молли Картер слишком поздно записалась на экскурсию, все места были заняты, а она стояла у школьного автобуса, плача, потому что ей тоже хотелось поехать? – Не ожидая моего ответа, он продолжал: – Я помню, как ты вышла из автобуса и предложила ей свое место, а она даже спасибо тебе не сказала. Я смотрел, как ты стоишь на тротуаре, когда отъезжал автобус.

Я слушала, затаив дыхание.

– А в пятом классе, помнишь, когда родители Даны чуть не развелись? Она каждый день приходила в школу без ленча, и ты отдавала ей свой. – Он помолчал. – А когда неделя прошла, она снова перестала замечать тебя.

Я молчала.

– В седьмом классе на экзамене по математике Шелли Моррисон поймали, когда она списывала у тебя контрольную. Она орала, что за двойку отец убьет ее, и ты сказала, будто это ты у нее списывала. Тебе поставили единицу за экзамен и целую неделю оставляли в школе после уроков. – Адам поднял голову, но не смотрел на меня. – У тебя потом на руках месяц не сходили синяки. Я еще думал, кто тебя так.

Мое сердце забилося быстро-быстро. Я сжала кулаки, чтобы не дрожали пальцы, стиснула зубы и сделала бесстрастное лицо, но не могла унять болезненный стук в груди, как ни старалась.

– Тысячу раз, – заговорил Адам совсем тихо, – я видел, как ты поступала благородно. Тысячу раз. И никогда не произносила ни слова, если тебя не заставляли. – Он снова засмеялся, на этот раз натужным, тяжелым смехом. Он смотрел куда-то мне за плечо. – Ты никогда ничего не просила. – Адам наконец взглянул мне в глаза. – И все равно они считали тебя черт-те кем.

Чувствуя в горле ком, я попыталась отвернуться, но он поймал меня за подбородок.

– Ты не представляешь, сколько я о тебе думал. Сколько раз я мечтал, – он с трудом вздохнул, – мечтал быть близко к тебе. – Он потянулся пригладить себе волосы, но передумал, опустил глаза и тут же посмотрел на меня: – Господи, Джульетта, я пойду за тобой куда угодно. Ты – единственное хорошее, что осталось в мире.

Я умоляла себя не расплакаться. Не знаю, удалось или нет. Меня словно разбили на кусочки и снова склеили.

Пальцем Адам мягко приподнял мое лицо за подбородок.

– У нас недели три, – сказал он. – Они не смогут дольше сдерживать волнения.

Я кивнула, часто моргая, спрятала лицо у него на груди и притворилась, что не плачу.

Три недели.

Глава 24

Прошло две недели.

Две недели платьев, душа, еды, которую я готова швырнуть через всю комнату. Две недели улыбок Уорнера и его попыток меня обнять, его смеха, руки на моей талии, требований выглядеть безукоризненно, когда я сопровождаю его. Он считает меня своим трофеем, своим секретным оружием.

С трудом подавляю рвущееся наружу желание разможжить костяшки его пальцев о бетонный пол.

Но две недели я всему подчиняюсь, потому что через неделю нас тут не будет.

Надеюсь.

К тому же я ненавижу Уорнера меньше, чем думала сначала.

Мне его жаль.

Он находит странное утешение в моем обществе, веря, что я пойму его вывернутые, извращенные представления, детство, исковерканное безразличным, но при этом требовательным отцом.

Но он ни полслова не проронил о своей матери.

По словам Адама, о ней никто ничего не знает и на эту тему не принято говорить. Уорнера все считают продуктом безжалостного воспитания и холодного, расчетливого стремления к власти. Он ненавидит счастливых детей и счастливые семьи.

По-моему, Уорнеру кажется, что я его понимаю.

Что мне сказать? И да, и нет.

Потому что мы с ним разные.

Я хочу быть лучше.

Мы с Адамом проводим вместе мало времени, фактически только ночи, да и то считающие часы. Уорнер с каждым днем усиливает слежку; отключение видеокamer обострило его подозрительность. Он заходит в мою комнату без предупреждения, ведет меня на совершенно необязательные прогулки по зданию, болтает о своих планах, о своих планах придумать новые планы и о том, как вместе мы покорим мир. Я даже не притворяюсь, что слушаю.

Может, я действительно все порчу.

– Я что-то не верю, чтобы Уорнер искренне согласился убрать отсюда видеокamеры, – сказал мне Адам однажды ночью.

– Он же сумасшедший и не может мыслить рационально. И природу его сдвига мне никогда не понять.

Адам вздохнул:

– Он одержим тобой.

– Что? – Я чуть не подскочила от удивления.

– Только о тебе и говорит. – Адам стиснул челюсти, справляясь с собой. – Я слышал о тебе еще до того, как ты сюда попала, поэтому и полез в эту кашу, вызвался наладить контакт. Уорнер месяцами собирал о тебе информацию: адреса, медицинские карты, биографию, сведения о родственниках, свидетельство о рождении, результаты анализов крови. Вся армия говорила о его новом проекте: все знали, что он ищет девушку по имени Джульетта, убившую ребенка в продуктовом магазине.

Я затаила дыхание.

Адам покачал головой.

– Я сразу понял, что речь шла о тебе. Иначе и быть не могло. Я вызвался поучаствовать в проекте. – Он жестко засмеялся. – Рассказал, что ходил с тобой в одну школу, видел тебя сам и

слышал о погибшем ребенке. Ну, Уорнер пришел в восторг и заявил, что так эксперимент станет еще интереснее, – с отвращением добавил Адам. – Я отдавал себе отчет в том, что если он затребует тебя из лечебницы для какого-то ненормального предприятия... – Он колебался, отвел глаза и пригладил волосы. – Я не мог не вмешаться, я хотел тебе помочь. Но сейчас все куда серьезнее. Уорнер только и говорит что о твоих способностях, твоей ценности для его священной борьбы, и как он рад тебя здесь держать. Все уже замечают. Уорнер безжалостен – в нем нет милосердия ни к кому, любит власть, с садистским упоением убивает людей, но в его броне появилась трещина, Джульетта. Ему заблажило, чтобы ты к нему... присоединилась, причем по доброй воле. Несмотря на угрозы, он не хочет заставлять тебя. Ему нужно, чтобы ты... сама его выбрала. – Адам прерывисто вздохнул. – Он теряет хватку. При виде его физиономии я еле удерживаюсь от глупостей. Как бы я хотел свернуть ему челюсть!

Да. Уорнер теряет хватку.

Он параноик, и на то есть причины. Со мной он снисходителен и нетерпелив, радостен и нервозен одновременно. Ходячий оксюморон.

Разрешил отключить видеокамеры, но несколько раз приказывал Адаму спать в коридоре поперек двери, чтобы я не сбежала. На словах разрешает мне пообедать одной, но дело всегда заканчивается тем, что меня к нему вызывают, и мне приходится есть в его компании. Те немногие часы, которые мы с Адамом могли бы провести вместе, у нас похищают, но считанные ночи, когда Адаму разрешается спать в моей комнате, я провожу в его объятиях.

Мы оба спим на полу, тесно прижавшись друг к другу, пусть у нас теперь и есть нормальные одеяла. Каждое его прикосновение электрическим разрядом воспаляет мое тело самым поразительным образом. Такое ощущение я все же хотела бы контролировать.

Адам шепотом рассказывает мне новости и то, что слышал от других солдат. Оказывается, на территории нашей бывшей страны множество подобных штаб-квартир. Папаша Уорнера сидит в столице, препоручив сынку целый сектор. По словам Адама, Уорнер ненавидит своего отца, но обожает властвовать и уничтожать. Рассказывая истории, Адам гладит меня по волосам и прижимает к себе, будто боится, что я исчезну. Он описывает людей и города, и я понемногу погружаюсь в целительный сон, ускользнув из мира, где нет иного убежища, облегчения и избавления, кроме его шепота на ухо. Сон – единственное, чего я сейчас с нетерпением жду. Я уже не помню, отчего раньше кричала во сне.

Комфорт понемногу становится привычным, и от этого во мне поселяется страх.

– Надень вот это, – говорит мне Уорнер.

Завтрак в голубой комнате стал ежедневным. Я ем, не спрашивая, откуда еда, платят обслуге за работу или нет, откуда в этом здании все необходимое для целого корпуса, где берут столько воды и электричества. Стараясь выиграть время, я подыгрываю Уорнеру.

Он больше не просил коснуться его, а я не предлагала.

– Для чего? – Я смотрю на маленькие лоскутки ткани, ощущая нервный зуд на коже.

Уорнер улыбается медленной коварной улыбкой.

– Для проверки способностей. – Он хватает меня за запястье и вкладывает скомканную ткань мне в ладонь. – На первый раз я отвернусь.

Отвращение почти заглушено волнением.

Руки дрожат, когда я надеваю новый наряд: крохотный лиф и микроскопические шортики. Я, можно сказать, почти голая. Я едва сдерживаюсь, чтобы не выть от страха при мысли, что это значит. Слабо покашливаю, и Уорнер тут же оборачивается.

Он долго молчит, изучая дорожную карту моего тела. Я готова разодрать ковер и пришить кусок к своей коже. Уорнер с улыбкой предлагает мне руку.

Я гранит, известняк, мраморное стекло. Я не двигаюсь.

Он опускает руку и чуть наклоняет голову.

– Следуй за мной.

Уорнер открывает дверь. Снаружи стоит Адам. Он отлично умеет скрывать свои чувства, и лишь наметанный глаз может заметить, что он в шоке. Его выдает лишь внезапно напрягшийся лоб и виски. Он чувствует: что-то не так. Он даже поворачивает шею, чтобы получше разглядеть меня. Он растерянно моргает.

– Сэр?

– Оставайся на посту, солдат. Я забираю это отсюда.

Адам не отвечает, не отвечает, не отвечает.

– Есть, сэр, – говорит он неожиданно хрипло.

Я чувствую на себе его взгляд, идя по коридору.

Уорнер ведет меня туда, где я еще не бывала. Коридоры все темнее, мрачнее и уже. Мне кажется, мы идем вниз.

В подвал.

Проходим одну, вторую, третью, четвертую металлическую дверь. Повсюду солдаты. Они смотрят на меня со страхом, смешанным с иным чувством, которое я затрудняюсь определить. Вернее, не хочу. Я уже знаю, что в здании очень мало женщин.

Если и есть подходящее время гордиться моей... неприкасаемостью, так только сейчас.

Лишь это дает мне иммунитет от сотен молодых мужчин с жадными глазами. И лишь поэтому Адам остается со мной: Уорнер считает его бумажным солдатиком, картонным макетом, машиной, смазанной приказами и поручениями. Он думает, что в присутствии Адама я стыжусь воспоминаний о моем прошлом. Он и не подозревает, что Адам свободно может касаться меня.

Никто другой не решился бы. Все встречные солдаты каменеют от страха.

Темнота как черная парусина, истыканная тупым ножом; лучики света заглядывают в прорехи. Это живо напоминает мне о камере в психлечебнице. Кожа покрывается пупырышками от неподконтрольного страха.

Меня окружают люди с автоматами.

– Пошла внутрь, – говорит Уорнер. Меня вталкивают в пустую комнату, где слабо пахнет плесенью. Кто-то нажимает на выключатель. Загораются, мигая, флуоресцентные лампы. Они освещают бледно-желтые стены и ковер цвета мертвой травы на полу. Дверь с грохотом захлопывается.

В комнате нет ничего, кроме паутины и огромного, на полстены, зеркала. Догадываюсь, что Уорнер и его пособники стоят с другой стороны, наблюдая за мной.

Секреты на каждом шагу.

Вот ответов нигде не найти.

Вдруг маленькую комнату, в которой я стою, сотрясает механическое звяканье, бряканье, скрипучее движение. Пол начинает дрожать, потолок трясется, словно в преддверии хаоса, и отовсюду вылезают острые металлические шипы, из всех поверхностей на разной высоте. Каждые несколько секунд они исчезают лишь для того, чтобы неожиданно выскочить, прошивая воздух, как иглы.

До меня доходит, что я нахожусь в камере пыток.

Из динамиков, которыми пользовались еще до моего рождения, слышался треск помех. Я скаковая лошадь, тяжелым галопом скачущая к фальшивой финишной линии ради чужой победы.

– Готова? – Усиленный динамиками голос Уорнера эхом разнесся по комнате.

– К чему я должна быть готова? – проорала я в пустоту, уверенная, что кто-нибудь услышит. Я спокойна. Я спокойна. Я абсолютно спокойна. Я скована страхом.

– Мы с тобой заключили сделку, помнишь? – отвечает камера пыток.

– Какую сде...

– Видеокамеры отключены. Теперь твоя очередь выполнять условие.

– Я тебя не коснусь! – заорала я, крутясь на месте, боясь в любой момент потерять сознание.

– Ничего, я прислал себе замену.

Дверь со скрипом открылась, и вошел голенький малыш в памперсе, с завязанными глазами, икая от плача и дрожа от страха.

Мне показалось, что я разлетелась на куски, будто иголкой шарик проткнули.

– Если ты не спасешь его, – трескуче говорит Уорнер, – мы тем более не станем этого делать.

Ребенок.

У него наверняка есть мать, отец, кто-нибудь, кто любит этого ребенка, ребенка, ребенка, ковыляющего навстречу ужасу. Он же вот-вот наткнется на острейший железный шип!

Спасти его легче легкого: надо взять его на руки, найти безопасное место и стоять, пока эксперимент не закончится.

Есть только одна проблема.

Коснувшись меня, он рискует умереть.

Глава 25

Уорнер не оставляет мне выбора: он хочет посмотреть мою... способность в действии. Ему нипочем мучить невинного ребенка, чтобы добиться своего.

Сейчас у меня нет иной возможности.

Надо успеть, прежде чем малыш сделает роковой шаг.

Я быстро запоминаю все, какие могу, ловушки, и обегаю/прыгаю/едва уворачиваюсь от острых пик, подбираясь как можно ближе к ребенку.

Глубоко вздохнув, сосредоточиваю внимание на его дрожащих ручках и ножках, надеясь, что приняла правильное решение. Я делаю движение снять с себя лиф и использовать его как тканевый барьер, но замечаю легкую вибрацию пола. Дрожь, которая предшествует ужасу. Я знаю, у меня полсекунды, прежде чем острая пронзят воздух, и еще меньше времени на действие.

Я подхватываю ребенка на руки.

Его пронзительные крики как смертельные выстрелы, я будто получаю пулю каждую секунду. Он цепляется за мои руки, грудь, пытается оттолкнуть меня ножонками, кричит от муки, пока боль не парализует его. Слабый, вялый, он обвисает на моих руках, и меня будто рвут на части – глаза, кости, суставы выскакивают из своих гнезд, словно видя во мне врага. Они готовы вечно мучить меня воспоминаниями о кошмаре, случившемся по моей вине.

Его боль дает мне ощущение силы, которая заставляет маленькое тельце ритмично дергаться и врывается в меня толчками, пока я едва не роняю ребенка. Будто повторяется трагедия трехлетней давности, которую я все эти годы старалась забыть.

– Поразительно, – вздыхает Уорнер в динамиках, и я понимаю, что моя догадка верна. Он наблюдает через двустороннее зеркало. – Блестяще, милая! Я потрясен.

Ситуация критическая, и я пока не могу обращать внимание на Уорнера. Не представляя, сколько продлится эта дурная игра, я решаю, насколько возможно, уменьшить площадь своего прикосновения к ребенку.

Теперь мне вполне понятен смысл сегодняшнего куцега наряда.

Я сажаю малыша на руку, крепко берусь за памперс и поднимаю на ладони. Я отчаянно хочу верить, что прикасалась к нему недолго и не успела причинить серьезного вреда.

Он икает. По телу пробегает дрожь, он возвращается к жизни.

Я чуть не плачу от счастья.

Но крики начинаются снова, уже не муки, но страха. Малыш изо всех сил вырывается, запястье едва выдерживает рывки. Я боюсь трогать повязку на его глазах; я лучше умру, чем покажу ему свое лицо и место, где мы находимся.

Стиснув зубы так, что они едва не крошатся, я думаю, что, если опустить ребенка, он немедленно побежит. А если он побежит, ему конец. Значит, надо держать его.

Неожиданно скрип и урчание старого механизма вселяют в сердце надежду. Шипы убираются в пол, мгновенно втягиваются один за другим, пока не исчезают все. Комната снова становится безопасной. Можно подумать, мне все померещилось. Обессиленно опускаю ребенка на пол, закусив губу от боли в запястье.

Малыш бросается бежать и натывается на мои голые ноги.

С воплем он в судорогах падает на пол, сворачивается в комок и тихо скулит. Я готова покончить с собой, избавив от себя этот мир. Слезы текут по моему лицу, я ничего так не хочу, как подхватить ребенка на руки, прижать к себе, расцеловать в пухлые щечки, сказать, что всегда буду заботиться о нем, играть с ним и читать ему сказки на ночь, что мы вместе убежим, – и не смею этого сделать. Этого никогда не случится. Это невозможно.

Все вокруг начинает расплываться, терять четкие контуры.

Меня охватывает ярость, неистовство, от вихря мощного гнева я едва не взмываю в воздух. Во мне кипит слепая ярость, меня переполняет отвращение. Я не успеваю осознать, что в следующее мгновение делают мои ноги и руки, отчего они мощным рывком понесли меня вперед, а пальцы сами разошлись перед зеркальной преградой. Я знаю только одно: что хочу с хрустом свернуть Уорнеру шею. Хочу, чтобы он узнал такой же ужас, как и этот малыш. Хочу увидеть его смерть. Хочу, чтобы Уорнер молил о пощаде.

Я пробиваю бетонную стену, как снаряд из катапульты. Огромное зеркало разбивается в мелкие осколки от толчка десяти пальцев.

В одной руке я сжимаю горсть щебенки, в другой – ворот рубашки Уорнера, а в голову мне направлены пятьдесят карабинов. Воздух кажется тяжелым от запаха цемента и серы, осколки зеркала еще сыплются, вызывая безумную симфонию разбитых сердец.

Я с размаху припечатываю Уорнера к изъеденной сыростью каменной стене.

– Не стрелять, – сипит Уорнер охране. Я не коснулась его кожи, но у меня престранное ощущение, что при желании, надавив еще чуть-чуть, я раздавлю его грудную клетку и вырву сердце.

– Я убью тебя! – вырывается у меня единым судорожным выдохом.

– Ты... – Он пытается сглотнуть. – Ты только что проломила бетонную стену голыми руками!

Я моргаю, не решаясь оглянуться, но вижу, что он не лжет. Значит, так оно и есть. Мой мозг – настоящий лабиринт невозможного.

На секунду я отвлекаюсь.

Карабины

клацают

клацают

клацают.

Каждая секунда заряжена смертью.

– Того, кто посмеет в нее выстрелить, уничтожу лично! – рявкает Уорнер.

– Но, сэр...

– Отставить, солдат!

Гнев утих. Внезапный неукротимый гнев улегся, сменившись недоверием и замешательством. Я не знаю, как это сделала. Получается, я не знаю, на что способна: ведь я не подозревала, что могу разрушать стены. От этого открытия мне становится страшно, как никогда в жизни. В страхе уставившись на свои руки, я пячусь назад, потрясенная, и ловлю на себе жадно-восхищенный взгляд Уорнера. В зеленых глазах увлеченный мальчишеский блеск. Он буквально дрожит от удовольствия.

В моем горле словно шевелится змея, которую я не могу проглотить. Я смотрю Уорнеру в глаза:

– Если ты еще раз сделаешь со мной подобное, я убью тебя. С огромной радостью.

Я и сама не знаю, ложь это или нет.

Глава 26

Адам нашел меня на полу в душевой кабине.

Я так долго плакала, что горячая вода состоит исключительно из моих слез. Одежда прилипла к телу, мокрая и бесполезная. Я хочу смыть эти тряпки. Я хочу погрузиться в неведение. Хочу быть тупой, бессмысленной и бессловесной, лишенной мозга. Я не хочу этих рук и ног. Я хочу избавиться от кожи, способной убивать, от разрушительной силы рук, от тела, которого не понимаю.

Ничего не клеится. Все разваливается.

– Джульетта. – Адам приложил ладонь к стеклу. Я едва слышу его.

Я не ответила, и он отодвинул дверцу кабины. Покрытый мятежными дождевыми каплями, Адам сбрасывает ботинки и опускается на колени на кафельный пол. Взяв меня за локти – от этого прикосновения мне еще горше, хочется сдохнуть тут же, на месте, – со вздохом тянет вверх, чтобы я приподняла голову. Ладони гладят меня по волосам, глаза изучающе смотрят, смотрят и видят меня насквозь. Опускаю взгляд.

– Я знаю, что случилось, – мягко говорит Адам.

Мое горло – рептилия, покрытая чешуей.

– Убейте меня кто-нибудь. – Мой голос срывается на каждом слове.

Адам подхватывает меня за спину и тянет вверх, поднимая на ноги. Я стою, пошатываясь. Он ступает под душ и закрывает дверцу кабины.

У меня вырывается испуганно-резкий вздох.

Адам прижимает меня к стене, и я вижу, как его белая футболка промокает насквозь, струйки воды танцуют на лице, а глаза заключают в себе целый мир, за право быть частью которого я готова умереть.

– Ты не виновата, – шепчет он.

– Я то, что я есть, – задыхаясь, отвечаю я.

– Нет. Уорнер лжет, – говорит Адам. – Он внушает тебе ложные представления. Не дай себя сломать. Не позволяй забраться тебе в голову. Он хочет, чтобы ты считала себя чудовищем, у которого нет выбора, кроме того, чтобы присоединиться к нему, хочет заставить тебя поверить: ты никогда не сможешь жить нормально...

– Но я никогда не смогу жить нормально! – икаю я. – Никогда... я никогда...

Адам качает головой:

– Сможешь. Мы выберемся отсюда. Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

– Как ты можешь заботиться о такой, как... я? – Боясь услышать ответ, я все-таки смотрю на его губы, изучаю их форму, считаю капли воды, скатывающиеся по рельефу этих губ.

– Потому что я влюблен в тебя.

Внутри меня все обрывается. Я смотрю на него, я живое электричество, гудящее жизнью, светом, мне сразу жарко и холодно, сердце бьется неровно. Я дрожу в объятиях Адама, рот приоткрылся без всякой к тому причины.

Он улыбнулся. Кости во мне, по ощущениям, исчезли.

Голова закружилась, как в бреду.

Его нос касается моего, наши губы разделяет только дыхание, его глаза уже пожирают меня, а я – талая вода без рук и ног. Я чувствую его запах, чувствую тяжесть его тела. Его руки спускаются ниже, сжимают ягодицы, ноги Адама, прижатые к моим, обжигающе-горячие, от его груди веет силой, тело построено из кирпичиков желания. Вкус его слов медлит на моих губах.

– Правда? – вырывается у меня недоверчивым шепотом эхо сознательного усилия поверить в небывалое. Ступням становится горячо: меня переполняет смысл недосказанного.

Сила чувства во взгляде Адама такова, что я едва не трескаюсь пополам.

– О Боже, Джульетта...

И он целует меня.

Раз, другой, пока я не распробовала вкус поцелуев, не поняла, что ими невозможно насытиться. Он гладит меня по спине, по рукам и плечам, целуя глубже, настойчивее, со страстью, которой я не знала прежде. На мгновение отрывается глотнуть воздуха и тут же снова водит губами по шее вдоль выреза лифа, вверх до подбородка и по щеке, и вот уже я хватаю ртом воздух, песком рассыпаясь под его руками, и мы насквозь пропитаны водой, и красотой, и опьяняющим возбуждением минуты, о которой я всю жизнь не смела и мечтать.

Он отстраняется с низким стоном. Я хочу, чтобы он снял футболку.

Мне нужно увидеть птицу. Хочу, чтобы он рассказал о ней.

Пальцами я тяну за край мокрой футболки. Глаза Адама на секунду расширяются, но тут же он избавляется от нее, поднимает мои руки над головой, прижимает меня к стене и целует, пока мне не начинает казаться, что я сплю. Адам пьет мои губы своими, и на вкус он как дождь и сладкий мускус.

Колени соприкасаются с легким стуком, сердце бьется так быстро, что я не понимаю, как оно выдерживает такой темп. Поцелуи Адама прогоняют боль, обиду, годы ненависти к самой себе, неуверенность, отсутствие надежд на будущее, которое я привыкла считать несуществующим. Вспыхнувшее во мне пламя выжигает память об изощренно-жестоким играх Уорнера и тоску, отравлявшую мои дни. Энергия, излучаемая нашими телами, грозит разнести вдребезги эти стеклянные стены.

Это едва не происходит.

Секунду мы смотрим друг на друга, тяжело дыша. Я заливаюсь краской, Адам закрывает глаза и прерывисто вздыхает, приходя в себя. Набравшись смелости, кончиками пальцев глажу летящую птицу на коже.

– Ты моя птица, – говорю я. – Ты моя птица, и ты pomoжешь мне улететь отсюда.

Когда я выхожу из душа, Адама уже нет в ванной.

Он выжал одежду, насухо вытерся и дал мне переодеться одной. Приватность уже не так волнует меня. Я прикладываю пальцы к губам и снова ощущаю его вкус.

Но когда я выхожу в комнату, его нигде не видно. Видимо, вызвали вниз.

Смотрю на одежду в шкафу.

Я всегда выбираю платье с карманами, не зная, где еще хранить мою записную книжку. В ней нет никакой изобличающей информации, листок с написанной Адамом строкой давно уничтожен и смыт в унитаз, но мне нравится держать книжку при себе. Это не просто слова, нацарапанные на бумаге, это маленький залог моего сопротивления.

Затолкав книжку в карман, я решила, что готова посмотреть на себя в зеркало. Глубоко вздохнув, отбросила назад мокрые пряди и пошлепала в ванную. Пар от горячего душа туманом осел на зеркале. Я нерешительно протянула руку и протерла маленькое окошко, только чтобы увидеть себя.

На меня смотрело испуганное лицо.

Я тронула щеки, глядя на девушку в зеркальной поверхности, одновременно знакомую и незнакомую. Лицо стало тоньше, бледнее, скулы резче, чем я запомнила. Брови приподняты, расширенные глаза не голубые и не зеленые, что-то среднее. Кожа разгорелась от жара и кое-кого по имени Адам. Губы ярко-розовые, зубы прямые. Я повела пальцем по линии носа и обвела подбородок, когда краем глаза заметила движение.

– Какая ты красивая, – сказал Адам.

Из розовой я стала пунцовой, а потом свекольно-бордовой. Пригнув голову, я отошла от зеркала и сразу попала в объятия Адама.

- Я забыла свое лицо, – шепчу я.
- Главное, не забудь, кто ты, – сказал он.
- Я этого даже не знаю.
- Знаешь. – Он приподнимает мое лицо. – И я знаю.

Я смотрю на силу его упрямого подбородка, глаз, всей фигуры. Я пытаюсь понять его уверенность в той, кем он меня считает. Его поддержка – единственное, что удерживает меня от падения в омут безумия. Он всегда в меня верил. Беззвучно, молча, но он всегда боролся за меня.

- Он мой единственный друг.
- Я взяла его руку и прижала к губам.
- Я всегда буду тебя любить.

Солнце взошло и засияло на его лице. Он скрывает улыбку, с трудом выдерживая мой взгляд, но не отводя глаз. Мышцы расслабились, плечи словно обрадовались новой чудесной ноше, он с облегчением выдохнул и коснулся моей щеки, губ, ямки на подбородке. Я заморгала, а он начал меня целовать, подхватил на руки, и мы вдруг оказались на кровати, цепляясь друг за друга. Меня пьянило волнение, чувство, каждое мгновение нежности. Скользнув по моему плечу, его пальцы стали бродить по моему телу, задерживаясь на бедрах. Адам притянул меня ближе и шептал мое имя, осыпая поцелуями шею и сражаясь с жесткой тканью платья. Его руки слегка дрожали, глаза смотрели страстно, сердце пульсировало болью и любовью. Я готова была провести в его объятиях остаток жизни.

Мои руки скользнули под его рубашку, и Адам подавил стон, перешедший в поцелуй, выдавший, как я нужна ему, как он хочет обладать мной, и это желание так сильно, что походит на сладостную пытку. Я ощущаю вес его тела всеми бесчисленными нервными окончаниями, его правая рука у меня под затылком, левая ласкает меня, губами Адам ведет вдоль застегжки, и вот я уже не понимаю, зачем на мне одежда, и вот я уже грозовая туча, пронизываемая молниями и готовая разразиться слезами в самый неподходящий момент. Счастье, блаженство бьются в моей груди с каждым ударом сердца.

- Я не помню, что значит дышать.
- Я никогда
- никогда
- никогда
- не знала, что такое чувствовать.

Тревожная сирена врывается в комнату через стены.

Комната вибрирует от воющего рева. Адам замирает и приподнимается. У него вытягивается лицо.

– Код семь. Всем солдатам немедленно явиться в Сектор. Код семь. Всем солдатам немедленно явиться в Сектор. Код семь. Всем солдатам...

Адам уже на ногах и помогает мне подняться. Голос во встроенных динамиках по-прежнему выкрикивает приказ.

– Это прорыв, – говорит Адам севшим голосом, глядя то на меня, то на дверь. – Боже, я не могу оставить тебя здесь...

– Иди, – говорю я. – Тебе надо идти. Со мной все будет нормально.

Коридоры гудят от топота, солдаты кричат друг на друга так громко, что слышно через стены. Службы никто не отменял. Адам обязан выполнять приказы. Мы не должны возбуждать подозрений, пока не появится возможность бежать.

Адам прижимает меня к себе.

– Это не шутки, Джульетта. Я не знаю, что случилось. Это может быть что угодно...

Металлический щелчок механического выключателя. Дверь отъезжает. Мы с Адамом отпрыгиваем друг от друга футов на десять.

Адам бежит навстречу входящему Уорнеру. Немая сцена.

– Солдат, тревога объявлена минимум минуту назад.

– Так точно, сэр. Но я не знал, как быть с ней. – Когда он успел овладеть собой? Адам с некоторым запозданием кивает на меня, и я замечаю, что у него напряжены плечи. И дышит он немного часто.

– Твое счастье, я пришел позаботиться об этом лично. Можешь идти к своему командиру.

– Сэр. – Адам коротко кивает, поворачивается на пятке и вылетает в коридор. Надеюсь, Уорнер не заметил его неуверенности.

Уорнер поворачивается ко мне с улыбкой настолько спокойной и небрежной, что меня посещает сомнение, действительно ли в здании объявлена тревога. Он разглядывает мое лицо, волосы, бросает взгляд на смятые простыни на кровати, и я чувствую себя так, будто проглотила паука.

– Спала?

– Ночью не могла заснуть.

– Ты порвала платье.

– Что ты здесь делаешь? – Я не могу дольше терпеть его взгляд. Пусть перестанет упиваться интимными подробностями моего существования.

– Если тебе не нравится платье, надень другое. Я сам подбирал твой гардероб.

– Нормальное платье. – Я отчего-то посмотрела на часы. Половина пятого вечера. – Не хочешь объяснить, что происходит?

Уорнер стоит слишком близко, странно смотрит на меня, и мне вдруг начинает не хватать воздуха.

– Тебе нужно измениться.

– Я не хочу меняться. – Не знаю, почему я так нервничаю, почему он вызывает у меня такое беспокойство, почему расстояние между нами так быстро сокращается.

Уорнер запускает палец в разрыв на талии платья. Я подавляю крик.

– Видишь, как некрасиво.

– Нормаль...

Он резко дергает пальцем, и ткань расходится, обнажая бедро.

– Вот так лучше.

– Ты что делаешь?

Рука Уорнера змеей обвивает меня за талию, вторая удерживает руки, я понимаю, что надо защищаться, но цепенею, хочу кричать, но звуки не вылетают изо рта. Я лишь прерывистое дыхание отчаяния.

– У меня к тебе вопрос, Джульетта, – говорит Уорнер. Я стараюсь пнуть его в своем бесполезном платье, но он придавливает меня к стене, навалившись всем телом, каждый дюйм которого предусмотрительно прикрыт одеждой. Защитой от меня. – Я сказал, у меня вопрос!

Его рука быстро проскальзывает в мой карман, и лишь через секунду я понимаю, что происходит. Прижатая к стене, я тяжело дышу, стараясь не терять головы.

– Любопытно, – говорит он. – Что это?

Двумя пальцами он держит мою записную книжку.

Боже мой!

В облегающем платье не спрячешь бумажный комок. Увлечшись рассматриванием собственного лица, я позабыла оглядеть себя в зеркале. ~~Это моя вина, моя вина, моя вина, моя вина...~~ Все пропало. Это я виновата. Надо было думать.

Я молчу.

Уорнер искоса поглядывает на меня.

– Не помню, чтобы я давал тебе записную книжку. И уж точно не давал разрешения на владение личным имуществом.

– Я принесла ее с собой, – срывающимся голосом отвечаю я.

– Лжешь.

– Чего тебе от меня надо? – Я уже начинаю паниковать.

– Глупый вопрос, Джульетта.

Мягкий звук гладкого металлического скольжения кажется неуместным. Кто-то открыл дверь.

Щелчок.

– Убери от нее руки, пока я не разнес тебе башку.

Глава 27

Уорнер очень медленно закрывает глаза и отступает. Его губы кривятся в опасной улыбке.

– Кент.

Руки Адама не дрожали, когда ствол его пистолета уперся Уорнеру в затылок.

– Будешь нашим пропуском отсюда.

Уорнер засмеялся, открыл глаза и, выхватив пистолет из внутреннего кармана, направил мне в лоб.

– Я убью ее!

– Ты не такой дурак.

– Шевельнется – выстрелю. А потом буду рвать тебя на куски.

Адам быстро передвинулся, ударил рукояткой пистолета Уорнера по затылку и, когда тот дернулся и выстрелил мимо, поймал его руку и выкрутил запястье. Я выцарапала пистолет из чуть ослабшей хватки Уорнера и с размаху ударила его рукояткой в лицо, сама себе удивившись. Я в жизни не держала в руках оружия, но, как говорится, все бывает в первый раз.

Я направила ствол Уорнеру в переносицу.

– Не стоит меня недооценивать.

– Вот черт. – Адам не мог скрыть удивления.

Уорнер закашлялся сквозь смех, выпрямился и попытался улыбнуться, вытирая кровь, сочившуюся из носа.

– Я оцениваю тебя по достоинству. Изначально никакой недооценки, клянусь.

Адам покачал головой, широко улыбаясь и одновременно вдавливая Уорнеру в затылок ствол пистолета.

– Давай выбираться отсюда.

Я вытащила две спортивные сумки, спрятанные в шкафу, толкнула одну из них по полу к Адаму. Мы собрались уже неделю назад. Если побег состоится раньше срока, я жаловаться не буду.

Повезло Уорнеру, легко отделался.

Но и нам повезло – из здания все эвакуированы, Уорнеру неоткуда ждать помощи.

Он кашлянул, глядя на меня в упор.

– погоди радоваться, солдат, твой триумф продлится недолго. Лучше убей меня сейчас, потому что, когда я найду вас, у тебя не останется ни единой целой кости. Ты дурак, если считаешь, что сможешь удрать с... этим.

– Я тебе не солдат. – Лицо Адама каменно-неподвижное. – И никогда им не был. Слишком ты увлекся своими фантазиями и проморгал опасность у себя под носом.

– Сразу мы тебя не убьем, – сказала я. – Ты выведешь нас отсюда.

– Ты совершаешь огромную ошибку, Джульетта. – Голос Уорнера смягчился. – Отказываешься от блестящего будущего. Почему ты решила, что ему можно доверять?

Я взглянула на Адама, мальчишку, который всегда защищал меня без всякой корысти, и помотала головой, желая прояснить мысли. Напомнила себе, что Уорнер лжец, сумасшедший, маньяк, охваченный страстью убивать. У него никогда не было цели мне помочь.

Так я думаю.

– Давай быстрее, – говорю я Адаму. – Он нарочно тянет время, скоро вернутся солдаты.

– Да ему наплевать на тебя! – взрывается Уорнер, и я вздрагиваю от внезапной неконтролируемой силы в его голосе. – Ему просто надо отсюда выйти, вот он и пользуется тобой! – Уорнер делает шаг вперед. – Я мог бы любить тебя, Джульетта. Я обращался бы с тобой, как с королевой...

Адам берет его за шею локтевым захватом и приставляет пистолет к виску.

– По-моему, ты не понимаешь, что происходит, – говорит он.

– Может, просветишь меня, солдат? – хрипит Уорнер. В его глазах пляшет пламя; он опасен. – Чего же это я не понимаю?

– Адам. – Я качаю головой.

Поймав мой взгляд, он кивает и поворачивается к Уорнеру.

– Звони, – говорит он, туже сдавливая его шею. – Мы выходим из здания. Сейчас.

– Она выйдет отсюда только через мой труп. – Уорнер подвигал челюстью и сплюнул кровь на пол. – Тебя я убил бы с удовольствием, – сказал он Адаму. – Но Джульетта нужна мне всегда.

– Я тебе не вещь! – бросила я. Меня злит сказанное Уорнером, но как ни хочется мне разбить ему лицо, без сознания он бесполезен.

– Ты могла бы полюбить меня. – Он улыбается странной улыбкой. – И нам не было бы преград. Мы изменили бы мир, я сделал бы тебя счастливой...

Адам, судя по его виду, готов впиться в шею Уорнера зубами. Лицо натянутое, напряженное, злое. Я никогда не видела его таким.

– Тебе нечего ей предложить, больной придурок.

Уорнер зажмуривается на секунду.

– Джульетта. Не спеши. Не решай на скорую руку. Останься со мной. Я буду терпелив. Я дам тебе время привыкнуть. Я о тебе позабочусь...

– Ты сумасшедший. – Дрожащими руками я снова поднимаю пистолет к его лицу. Нужно выбросить из головы слова Уорнера, нужно помнить о том, что он мне сделал. – Ты хочешь превратить меня в чудовище, в палача!

– Я хочу, чтобы ты жила достойно, соответственно своему потенциалу!

– Отпусти меня, – тихо говорю я. – Я не хочу быть твоей цепной шавкой. Не хочу мучить людей.

– Что, мало они над тобой поиздевались? Люди упекли тебя в психушку, и здесь ты по вине людей! Думаешь, уйдешь отсюда, и люди примут тебя? И начнется нормальная жизнь? Да кому ты нужна? От тебя все шарахаться будут – останешься отверженной, как и была всю жизнь! Ничего не изменится! Твое место рядом со мной!

– Джульетта – моя. – Голосом Адама можно резать сталь.

Уорнер вздрагивает, впервые начиная понимать очевидное. Его глаза расширяются, в них страх, недоверие, он смотрит на меня с тоской.

– Нет! – Короткий, резкий смех. – Джульетта, только не говори, что он заморочил тебе голову романтическими бреднями и ты поддалась его фальшивым обещаниям...

Адам с размаху поддает коленом Уорнеру в спину. Уорнер падает на пол, ударив колени, и шипит от боли. Он уже не сопротивляется. Мне бы торжествовать, но меня грызет тревога. Я не знаю, чему верить. У меня слишком неустойчивая психика, я сомневаюсь в собственных решениях. Мне надо собраться с мыслями.

– Адам...

– Я люблю тебя, – говорит он. В глазах знакомая настойчивость и сила. – Не позволяй ему запутать себя.

– Лю-бишь? – змеей сипит Уорнер. – Ты даже не...

– Адам. – Комната начинает плыть. Глазами показываю Адаму на окно.

Его глаза вылезают из орбит.

– Ты хочешь выпрыгнуть?!

Я киваю.

– Пятнадцатый этаж!

– А какой у нас выбор? Никакого кода семь нет, правда? – спрашиваю я у Уорнера.

Он скривил губы и ничего не ответил.

– Зачем все это? – спрашиваю я. – Зачем ложная тревога?

– А почему ты не спросишь солдата, которого так нежно возлюбила? – с отвращением огрызается Уорнер. – Почему себя не спросишь, как могла доверить свою жизнь тому, кто не умеет отличить реальную угрозу от настоящей?

Адам еле слышно выругался.

Мы переглядываемся, он бросает мне свой пистолет, качает головой, снова ругается, сжимает кулаки.

– Так это учебная тревога!

Уорнер начинает хохотать.

Адам смотрит на дверь, на часы, на меня.

– У нас мало времени.

Я держу пистолет Уорнера в левой руке, пистолет Адама в правой, направив оба ствола Уорнеру в лоб, игнорируя его настойчиво-сверлящий взгляд. Адам свободной рукой копается в кармане. Достав два ремешка-стяжки из гибкой пластмассы, он пинком опрокидывает Уорнера на спину. Несколько секунд, и руки и ноги Уорнера связаны, а ботинки и перчатки валяются на полу. Ногой Адам прижимает Уорнера к полу.

– Если выпрыгнем из окна, взвоят десятки сирен, – говорит он мне. – Сегодня придется много бегать, не стоит рисковать ногами. Мы поломаем их. Прыгать нельзя.

– Так что же делать?

Закусив губу, он проводит рукой по волосам, и на один безумный миг я хочу поцеловать его, попробовать, вспомнить его вкус. Усилием воли сосредоточиваюсь.

– У меня веревка, – говорит Адам. – Будем спускаться. И быстро.

Он начинает разматывать бухту прочного шнура с маленьким крючком, похожим на коготь. Я сто раз спрашивала, для чего в его сумке столько шнура. Адам ответил, что веревки много не бывает. Теперь мне стало смешно.

Он повернулся ко мне.

– Я иду первым, буду страховать тебя внизу.

Уорнер громко, напоказ смеется.

– Ты не сможешь поймать ее, идиот. – Он заерзал в своих пластмассовых путах. – На ней почти нет одежды. Она убьет тебя и сама разобьется при падении!

Мой взгляд мечется между Уорнером и Адамом. У меня нет времени разгадывать шарады. Пусть мое решение будет поспешным.

– Давай. Я за тобой.

Уорнер в замешательстве.

– Что ты делаешь?

Я игнорирую его вопрос.

– Подожди!

Я не реагирую.

– Джульетта.

Я не отвечаю.

– Джульетта! – Напряженный голос поднимается выше, в нем слышны нотки гнева, ужаса, неверия, обиды на мнимое предательство. Реальность подкинула Уорнеру новый кусочек гололомок. – Он что, может к тебе прикасаться?

Адам наматывает на кулак простыню.

– Черт возьми, Джульетта, отвечай мне! – Уорнер извивается на полу, вихляясь самым немыслимым образом. У него дикий вид, в его глазах недоверие и изумление. – Он трогал тебя?

Я не понимаю, отчего стены вдруг оказались на потолке. Все съезжает куда-то в сторону.

– Джульетта...

Сильным ударом Адам разбивает стекло. Комната мгновенно наполняется истерическим воем, хуже любых сирен. Пол ходит ходуном, в коридорах грохот шагов, и я понимаю – еще минута, и нас найдут.

Адам сбрасывает веревку за окно и закидывает на плечо сумку.

– Давай свою! – кричит он. Я едва слышу его сквозь вой. Пинком отправляю к нему сумку, он ловит ее и исчезает за окном. Я бегу за ним.

Уорнер пытается схватить меня за ногу.

Я вырываюсь, чуть не упав, но добегаю до окна, почти не потеряв времени. Оглядываюсь на дверь, чувствуя, как кровь стучит в висках, во всем теле. Сбегаются солдаты, их крики с каждой секундой громче, ближе, отчетливее.

– Быстрее! – зовет Адам.

– Джульетта, пожалуйста...

Уорнер с силой бьет меня по ноге. Я почти слышу свой крик сквозь вой сирены, разрывающей барабанные перепонки. ~~Я не буду на него смотреть, не буду на него смотреть, не буду на него смотреть.~~

Я перебрасываю ногу через подоконник и обхватываю шнур. Отсутствие брюк обещает сделать процесс мучительным. Перекидываю вторую ногу и крепко берусь за веревку. Адам кричит мне снизу, но я не вижу, насколько он далеко. Уорнер истерически выкрикивает мое имя. Невольно оглядываюсь.

Его глаза – два зеленых выстрела сквозь оконное стекло, пробивающие навывлет.

Я набираю воздуха в грудь и говорю себе, что не разобьюсь.

Глубоко вздохнув, начинаю спускаться по веревке.

Надеюсь, Уорнер не понял, что сейчас случилось.

Он дважды коснулся моей ноги.

И ничего не произошло.

Глава 28

Я горю.

Ссадины от веревки жгуче болят, горят огнем, разве что дыма нет. Подавляю боль, закусив губу: все равно выбора нет. Массовая истерия в здании давит на нервы, дождем разливая вокруг опасность. Адам кричит мне снизу, прося прыгнуть, обещая, что поймает. Стыдно признаться, но я боюсь упасть.

Ну почему у меня нет возможности принять собственное решение?!

Солдаты уже заполняют мою бывшую комнату, оружие, сбитые с толку, шокированные жалким положением Уорнера. Скрутить его оказалось слишком легко, и это настораживает.

Меня не покидает мысль, что мы в чем-то ошиблись.

Несколько солдат высунули головы из разбитого окна, и я в панике поползла по шнуру быстрее, но они уже начали дергать «кошку», пытаясь отцепить от подоконника. Я пригвоздилась к тошнотворному ощущению падения, но почувствовала, что они не стараются меня стряхнуть. Они тянут веревку вверх.

Видимо, выполняют приказ Уорнера.

Посмотрев на Адама, стоящего внизу, я выполняю его просьбу. Зажмурившись, выпускаю шнур...

И падаю ему на руки.

Не удержав меня, он валится на землю, но уже в следующее мгновение мы приходим в себя. Адам хватается меня за руку, и мы бросаемся бежать. Перед нами оставленная безлюдная земля: растрескавшийся асфальт, неровный тротуар, грязные дороги, голые деревья, умирающие растения, пожелтевший город, оставленный на произвол стихии и утопающий в мертвых листьях, хрустящих под нашими ногами. Бараки, где обитает гражданское население сектора, короткие и приземистые, построены без какого-либо плана и порядка. Адам старается держаться от них подальше. Вокруг уже включились громкоговорители. Звук молодого, с чистыми модуляциями, механического женского голоса заглушает вой сирен.

– Введен комендантский час. Всем немедленно вернуться в свои дома. Мятежники на свободе. Вооружены и очень опасны. Введен комендантский час. Всем немедленно вернуться в свои дома. Мятежники на свободе. Вооружены и очень опасны...

Ноги сводит судорогой, лицо обтянуто, в горле пересохло, отчаянно хочется воды. Не знаю, далеко ли мы убежали. Я думаю только о топоте солдатских ботинок по тротуару, визге покрышек машин, выезжающих из подземного гаража, вое сирен у нас за спиной.

Оглянувшись, вижу кричащих людей, бегущих в укрытия, бросающихся в стороны от солдат, проводящих спешные обыски, колотящих в двери, проверяя, не укрылись ли мы внутри. Адам тянет меня подальше от цивилизации, направляясь к старым нежилым районам: маленькие магазинчики и кафе, узкие переулки, пустые игровые площадки. Из прошлой жизни помнится, что ходить на неконтролируемые земли строго запрещено. Это запретные территории, где все сломано, изъедено ржавчиной, опустошено, безжизненно. Ходить туда нельзя никому, даже солдатам.

Быстро идем по этим улочкам, стараясь скрыться от глаз преследователей.

Солнце прокатилось по небу и понемногу подходит к краю земли. Скоро наступит ночь. Сколько всего случилось за один день! Я не оставляю надежды выжить, но не представляю, куда мы идем. Спросить у Адама мне не пришлось в голову.

Мы много раз меняли направление: резко поворачивали, проходили несколько футов и поворачивали назад. Я думала, что Адам старается запутать след и/или отвлечь преследователей. Я могла только не отставать.

Это мне не удавалось.

Адам – тренированный солдат, самой природой предназначенный для подобных нагрузок. Он умеет убегать, оставаться незаметным, двигаться бесшумно. Я, напротив, слабая, сложенная девчонка, почти год сидевшая взаперти. Легкие горят от усилий вдохнуть кислород и свистят с каждой попыткой выдохнуть углекислый газ.

В конце концов я начинаю задыхаться так отчаянно, что Адам втаскивает меня в ближайший переулок. Он дышит чуть чаще обычного, зато я согнулась пополам, силясь отдышаться и ненавидя слабость своего обмякшего тела.

Адам приподнимает мое лицо и вглядывается в глаза.

– Дыши, как я, о'кей?

Я только хриплю.

– Джульетта, соберись. – Его взгляд настойчив и бесконечно терпелив. Адам держится бесстрашно, я завидую его самообладанию. – Надо успокоить сердце, – говорит он. – Дыши, как я.

Он делает три коротких вдоха, задерживает дыхание на несколько секунд и выпускает воздух длинным выдохом. Я повторяю за ним. Получается средне.

– Ладно, тогда подыши, как... – Он не договаривает, резко смотрит вверх и долю секунды оглядывает пустынную улицу.

Выстрелы разрывают воздух. Какие они громкие, от этих звуков трескаются все кости в моем теле... Ледяной холод проникает в кровь, когда я понимаю: меня они убить не хотят. Они стреляют в Адама.

Меня душит новая тревога. Я не могу допустить, чтобы его ранили.

Только не из-за меня.

У Адама нет времени выравнивать мне дыхание и приводить в чувство. Он подхватывает меня на руки и по диагонали перебегает в соседний проулок.

Он бежит со мной на руках.

Я дышу.

Он кричит:

– Обними меня за шею!

Я отпускаю судорожно сжатую футболку Адама и смущенно закидываю руки ему на шею. Он поправляет меня, свою ношу, так, что я оказываюсь выше, ближе к его груди. Он несет меня легко, будто пушинку.

Закрываю глаза и прижимаюсь к его шее.

Сзади стреляют, но даже я могу определить, что палят слишком далеко и явно не в нас. Мы ненадолго оторвались. На машинах они нас не найдут – Адам избегает больших улиц. Он словно держит в голове карту города. Он, кажется, знает, что делает, будто давно это планировал.

Пятьсот девяносто четыре вдоха, и Адам опускает меня на землю перед длинным сетчатым забором. Я вижу, что он тоже хватает ртом воздух, но не задыхается, как я. Он умеет управлять своим дыханием. Знает, как замедлить пульс, успокоиться, контролировать свой организм. Умеет выживать. Надеюсь, он и меня научит.

– Джульетта, – говорит он, отдышавшись, – ты сможешь спрыгнуть с этого забора?

Я так хочу не быть бесполезным грузом, что бегом кидаюсь к металлической сетке. Но я безрассудна и слишком спешу. Я изодрала платье и оцарапала ноги. Вздрагиваю от жгучей боли, но когда через секунду открываю глаза, Адам уже стоит рядом.

Он смотрит на мои ноги и вздыхает, едва сдерживая смех. Ну конечно, растерзанная, дикая, в рваном платье. Разрез, который увеличил Уорнер, доходит теперь до колена. Выгляжу, наверное, как обезумевший зверь.

Хотя Адам совсем не против.

Он тоже переходит с бега на шаг. Мы быстро идем по улицам. Я понимаю, что мы направляемся к какому-то убежищу, но не знаю, можно ли уже задавать вопросы или лучше подождать. Адам отвечает, будто прочитав мои мысли:

– Здесь нас не отследят.

Меня осеняет, что у всех солдат датчики слежения. Интересно, почему мне такой не вшили?

Спасти будет не так-то легко.

– Строго говоря, у нас не датчики, – объясняет Адам. Мы сворачиваем налево, в новый переулок. Край солнца уже за линией горизонта. Где мы? Далеко ли от поселков Оздоровления? Вокруг ни души. – Нам в кровь вводят особую сыворотку, – продолжает он. – Она распознает естественные процессы в организме. Сыворотка поймет, если я, например, умру. Прекрасный способ подсчитывать боевые потери. – Он улыбается уголком рта, за что мне хочется расцеловать его.

– Как же ты запутал эту следящую сыворотку?

Улыбка становится шире. Адам машет рукой вокруг.

– Видишь, где мы стоим? Здесь был ядерный завод. Он взорвался.

У меня глаза вылезают из орбит.

– Когда?

– Лет пять назад. Подчистили все моментально, скрыли взрыв от СМИ, от общественности. Никто не знает причин аварии. Но радиация тут смертельная. – Он помолчал. – Она унесла много жизней.

Адам останавливается.

– Сто раз ходил по этому участку, и ничего. Уорнер часто посылал меня сюда брать образцы почвы. Что-то там изучал. – Адам провел рукой по волосам. – Надеялся извлечь что-нибудь токсичное. Он большой любитель ядов. Когда впервые я ступил на эту территорию, Уорнер решил, что я умер. Сыворотка на постоянной связи с особым процессором: когда солдат погибает, срабатывает сирена. Уорнер знал, чем рискует, посылая меня сюда, и не удивился, что я погиб. Куда больше его удивило мое возвращение. – Адам пожал плечами, будто речь шла о пустяках. – Какие-то химические вещества разрушают следящую сыворотку на молекулярном уровне. Сейчас все думают, что я мертв.

– А если Уорнер заподозрит, что ты ушел сюда?

– Может. – Адам прищурился на догорающий закат. Наши тени длинные и неподвижные. – Или решит, что меня подстрелили. В любом случае мы выиграем время.

Он с улыбкой берет меня за руку, но тут неприятная догадка вламывается в мое сознание.

– А как же я? Меня радиация не убьет?

Я впервые очень хочу жить. Я не хочу все потерять так скоро.

– Нет, – качает головой Адам. – Забыл сказать: одна из причин, побудивших Уорнера послать меня за образцами, в том, что у тебя иммунитет к облучению. Вроде он нашел эту информацию в твоей больничной карте. Тебя тестировали...

– Но никто никогда...

– Возможно, без твоего ведома. Несмотря на устойчивость к радиации, биологически ты совершенно здорова. У тебя нет никаких врожденных пороков.

Никаких врожденных пороков.

Заявление было столь откровенно фальшивым, что я засмеялась, пряча недоверие.

– У меня нет пороков? Ты шутишь?

Адам смотрит на меня так долго, что я краснею. Он поднимает мой подбородок пальцем. Синий-синий взгляд пронизывает меня насквозь. Его голос низкий и ровный:

– Я впервые слышу твой смех.

Он мучительно прав. Я не знаю, как ответить, разве что сказать правду. Улыбка становится прямой линией.

– Смех свойственен живым. – Я с деланным безразличием пожимаю плечами. – А я раньше не жила.

Адам не отводит глаз. Он удерживает меня на месте силой взгляда, призывом из глубин своего существа. Я почти слышу, как его сердце бьется о мою кожу. Я почти чувствую, как его губы дышат возле моих легких. Я почти ощущаю его вкус на языке.

С прерывистым вздохом он привлекает меня к себе и целует в макушку.

– Пошли домой, – шепчет он.

Глава 29

Домой.

Домой?

Как это?

Я открыла рот спросить, но Адам только улыбнулся уголками губ, оставив меня в замешательстве, радостном волнении, ожидании и тревоге. В животе бьют барабаны в такт ударам сердца. От меня идет едва уловимый гул наэлектризованных нервов.

С каждым шагом я все дальше ухожу от лечебницы, от Уорнера, от ничтожного прозябания, которое знала. Каждый шаг я делаю по своей воле. Потому что так хочу. Впервые в жизни я куда-то иду, потому что мне так хочется, потому что во мне живет надежда, и любовь, и опьянение красотой, потому что я хочу знать, каково это – жить. Я могу подпрыгнуть, поймать дуновение ветра и погостить в его воздушных коридорах.

Кажется, у меня выросли крылья.

Адам ведет меня в заброшенный сарай на задворках дикого поля, заросшего буйными сорняками с кустообразными щупальцами, колючими, безобразными и скорее всего ядовитыми. Уж не здесь ли этот самый «дом»? Перешагнув порог темного сарая, прищуриваюсь, разглядывая смутные очертания предметов.

Внутри стоит машина.

Я моргаю.

Не только машина. Тут еще и танк.

Адам не в силах сдерживаться. Он смотрит мне в лицо, проверяя реакцию; он очень доволен моим изумлением. Слова вылетают из него пулеметной очередью:

– Я сказал Уорнеру, что один из танков, на которых я сюда приезжал, отказал. Они работают на электричестве, ну, я и сказал, что основной узел перегорел при контакте с химическим оружием, якобы что-то такое в атмосфере было. Уорнер прислал за мной машину, а танк велел бросить. – Адам улыбнулся. – Он посылал меня сюда, несмотря на запрет своего папаши, и скрыл от него, что угробил танк стоимостью в полмиллиона. В официальном отчете указано, что танк угнали повстанцы.

– А если кто-нибудь зайдет сюда и увидит?

Адам открыл люк.

– Гражданские боятся этого места как огня, солдаты сюда тоже не попрут. Кому охота нахвататься радиации? – Он наклонил голову набок. – Отчасти поэтому Уорнер доверил мне тебя. Ему понравилась моя готовность умереть при выполнении долга.

– Он решил, что ты не пойдешь против приказа, – пробормотала я, начиная понимать.

– После исчезновения отслеживающей сыворотки он уверовал, что здесь может случиться самое невероятное. На всякий случай я деактивировал электрический узел танка, вдруг Уорнеру взбредет в голову проверить. – Он кивнул на монструозную махину. – У меня было предчувствие, что однажды он пригодится мне. Всегда полезно быть готовым.

Готовым. Он всегда готов бежать, спастись...

Интересно – почему?

– Иди сюда, – говорит Адам заметно нежнее. Он тянется ко мне в тусклом свете, и я делаю вид, что лишь по счастливой случайности его руки коснулись моих голых бедер. Я сохраняю невозмутимость, когда он разбирается с прорезами моего платья, помогая мне забраться в танк. Притворяюсь, что не вижу, как он смотрит на меня в последних лучах почти закатившегося солнца.

– Надо полечить твои ноги, – шепотом говорит Адам. Я ощущаю его дыхание, и в моей крови начинает потрескивать электричество. Секунду я не понимаю, что он имеет в виду. Мне

даже все равно. У меня странно мечтательное настроение. Прежде я не могла свободно кого-то касаться, и, уж конечно, никто не хотел ощутить на себе мои руки. Мне ни с кем не было так хорошо, как с Адамом.

Я мучительно хочу коснуться его.

– Порезы не опасные. – Он трогает мои икры кончиками пальцев. – Но промыть на всякий случай надо. Иногда безопаснее получить рану от ножа мясника, чем оцарапаться о случайный осколок металла. Ты же не хочешь инфекции?

Он поднимает глаза, задержав руку на моем колене.

Я киваю, не зная почему. Я не могу сказать, передалась ли внутренняя дрожь моему телу. Надеюсь, в полумраке Адам не заметит, как пылает мое лицо: меня сводят с ума его прикосновения. Надо что-нибудь сказать.

– Нам, наверное, надо спешить?

– Да. – Он глубоко вздыхает и становится прежним. – Да, поедem. – Он вглядывается в угасающий вечерний свет. – У нас есть немного времени, прежде чем они сообразят, что я жив. Этим надо воспользоваться.

– А сыворотка снова не заработает?

– Нет. – Прыгнув на место водителя, Адам возится с зажиганием. Ключа нет, только кнопка. Интересно, неужели в качестве авторизации в памяти сохранен отпечаток пальца Адама? Короткое шипение, и двигатель заработал. – Мне обновляли сыворотку всякий раз после возвращения. Сейчас мы ушли, можно сказать, с концами, – улыбается он. – Но отсюда действительно надо выбирать.

– Куда? – спрашиваю я наконец.

Он трогает танк с места и отвечает:

– Ко мне домой.

Глава 30

– У тебя есть дом? – От изумления я забываю о хороших манерах.

Адам смеется и выезжает на поле. Танк, к моему удивлению, идет почти бесшумно – мотор работает с ровным успокаивающим гулом. Вот почему танки перевели с солярки на электричество! Совсем другое дело.

– Не то чтобы дом, – отвечает он. – Но едем мы ко мне домой.

Я хочу спросить и не хочу спрашивать. Меня распирает желание спросить, хотя я и не хочу. Все же я должна спросить. Я собираюсь с духом.

– А твой отец...

– Умер, давно уже. – Улыбка пропала, в голосе слышится напряжение, причины которого понятны только мне. Боль. Горечь. Гнев.

Едем молча, занятые каждый своими мыслями. Не решаюсь спросить, что случилось с его матерью. Все же прекрасный парень вырос, при таком-то никудышном отце. Но зачем он пошел в армию, если ненавидит насилие? Робость мешает спрашивать. Не хочу лезть в душу.

У меня самой много сугубо личных тем.

Напрягаю глаза, пытаюсь разглядеть, где мы едем, но различаю лишь ставшие привычными безлюдные, покинутые улицы. Здесь нет жителей; мы слишком далеко от поселков Оздоровления и барачных мирного населения. В каких-нибудь ста футах вижу другой танк, патрулирующий район, но мы едем, не включая фар, и все обходится. Как вообще Адам видит дорогу? Хорошо, ночь лунная.

Вокруг неестественно тихо.

На секунду позволяю себе подумать об Уорнере, гадая, что он сейчас делает, сколько людей меня ищут, что он предпримет, чтобы меня вернуть. Адам ему нужен мертвым, я – живой. Уорнер не остановится, пока я снова не окажусь его пленницей.

Он никогда-никогда-никогда не узнает, что я могу его касаться.

Можно только догадываться, что сделал бы он, получив беспрепятственный доступ к моему телу.

Судорожно вздыхаю. Не рассказать ли об этом Адаму? Нет. Нет. Нет. Зажмурившись, думаю: может, я неправильно оценила ситуацию? Вспомнить, что там творилось, с этой сиреной... Может, мне показалось? Ну конечно.

Мне показалось.

Само по себе уникально, что Адам может меня касаться. Вероятность того, что есть два человека, невосприимчивых к моему прикосновению, ничтожно мала. Чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь в своей ошибке. По ноге могло скользнуть что угодно, да тот же угол простыни, которую Адам бросил, разбив окно. Или подушка, упавшая с кровати. Или одна из сброшенных перчаток Уорнера, лежавшая на полу.

Он никак не мог коснуться меня, иначе корчился бы и кричал от боли.

Как все остальные.

Я жала пальцы Адама обеими руками, вдруг очень захотев убедиться, что у него действительно иммунитет. И вдруг заволновалась, что это временная невосприимчивость. На срок. Часы пробьют полночь, и карета превратится в тыкву.

И я потеряю его.

И тогда я потеряю его.

Жизнь без него – это сто лет одиночества, не хочу даже представлять. Не хочу, чтобы руки лишились его тепла, его прикосновений, его губ, Боже, его губы на моей шее... Его объятия, в которых тонет мое тело, словно подтверждают бесполезность моего существования на этой земле.

Осознание, маятник размером с Луну, снова и снова входит в меня.

– Джульетта?

Проглатываю пулю, застрявшую в горле.

– Да?

– Почему ты плачешь?.. – Голос Адама почти так же нежен, как рука, мягко высвободившаяся из моей. Он трогает слезы, катящиеся по моему лицу, и я испытываю такое унижение, что у меня нет слов.

– Ты можешь ко мне прикасаться, – в первый раз говорю я вслух. Голос тут же вянет до шепота. – Ты можешь ко мне прикасаться. Ты обо мне заботишься, не знаю почему. Ты очень добр ко мне... Моя собственная мать так обо мне... – Голос пресекается. Я смыкаю губы. Запечатываю их. Заставляю себя быть неподвижной.

Я скала, статуя, движение, застывшее во времени. Лед, который ничего не чувствует.

Адам не отвечал, пока не съехал с дороги в старый подземный гараж. Здесь вроде бы начиналось какое-то подобие цивилизации, но темно, хоть глаз выколи. Я снова удивилась, как Адам ухитряется ориентироваться, но взгляд упал на маленький освещенный экран на приборной доске, и до меня доходит: у танка есть система ночного видения. Ну конечно!

Адам выключает мотор. Я едва различаю силуэт, но чувствую его руку на бедре. Другая рука, касаясь меня, поднимается вверх, к лицу. Тепло распространяется по телу, как горячая лава. Кончики пальцев рук и ног покалывает; мне приходится закусить губу, чтобы сдержать мучительную дрожь.

– Джульетта, – шепчет он совсем близко. Не знаю, почему я не испаряюсь в ничто, в небытие. – Мы с тобой всегда были против целого мира. Моя вина в том, что я слишком долго не решался что-то сделать.

– Нет, – мотаю головой. – Это не твоя вина.

– Моя. Я влюбился в тебя давным-давно, просто у меня не хватало мужества действовать.

– Потому что я могла тебя убить?

Адам тихо засмеялся.

– Я считал, что недостойн тебя.

На мгновение я становлюсь живым сгустком изумления.

– Что?!

Он касается кончиком носа моего и наклоняется, пряча лицо у меня на шее. Обматывает прядь моих волос вокруг пальцев. Я не могу, не могу, не могу дышать.

– Ты замечательная, – говорит он.

– Но мои руки...

– Никогда не делали ничего, чтобы кому-то навредить.

Я готова запротестовать, но он уточняет:

– Не делали намеренно. – Адам откидывается на спинку кресла. В темноте вижу, как он растирает шею. – Ты никогда не давала сдачи, – говорит он через секунду. – Я всегда недоумевал почему. Никогда не кричала, не сердилась, не говорила обидных слов. – Мы будто снова оказались в третьем, четвертом, пятом, шестом, седьмом, восьмом, девятом классе. – Черт, ты, должно быть, прочла уйму книг. – Я слышу, что, говоря это, он улыбается. Пауза. – Ты никому не докучала, но ежедневно становилась мишенью. Ты же могла дать отпор, проучить любого, если бы захотела!

– Я не хочу никому причинять боль, – говорю я едва слышным шепотом, не в силах прогнать воспоминание о восьмилетнем Адаме, лежащем на земле, избитом, брошенном, плачущем в грязи.

Люди много чего делают ради власти.

– Поэтому ты никогда не станешь той, кем тебя хочет видеть Уорнер.

Уставившись в точку в темноте, мучаю свой мозг сомнениями.

– Почему ты так уверен?

Его губы совсем близко к моим.

– Потому что тебя по-прежнему не тянет властвовать.

Прервав мой короткий вздох, Адам целует меня глубоко, сильно, ничего не боясь. Его руки поддерживают меня под спину и медленно опускают, пока я не оказываюсь почти в горизонтальном положении. Мне нет до этого дела. Голова касается сиденья, надо мной Адам, его руки сжимают мои ягодицы сквозь разодранное платье, и меня жжет желание столь нестерпимое, что я едва дышу. Он как горячая ванна, как тяжелое дыхание, как пять дней лета, спрессованные в пять пальцев, пишущих рассказы на моем теле. Я – тянущаяся к нему растерянная масса нервов, контролируемых единственным электрическим потоком, курсирующим по моему внутреннему контуру. Его запах штурмует мои чувства.

Его глаза.

Руки.

Грудь.

Губы у моего уха, когда он говорит:

– Мы, кстати, приехали. – Он дышит тяжелее, чем когда бежал со мной на руках. Его сердце колотится о мои ребра, голос похож на прерывистый шепот. – Пойдем внутрь, там безопаснее. – Но он не делает попытки встать.

С трудом понимаю, о чем говорит Адам, и киваю – голова мотнулась на шее, но тут же спохватываюсь, что он не видит меня. Я стараюсь вспомнить, как говорить, но все внимание занимают пальцы, бродящие по моим бедрам, и я не могу составить фразу. В абсолютной темноте, в невозможности видеть, что происходит, меня наполняет пьянящее приятное безрассудство.

– Хорошо, – выдавила я наконец.

Адам помогает мне сесть и прижимается лбом к моему лбу.

– Прости, мне трудно остановиться... – Его голос опасно отрывист, слова покалывают кожу.

Мои руки скользнули под его рубашку, и я ощутила, как он напрягся, сглотнув пересохшим горлом. Обвожу скульптурный рельеф его тела: гладкая кожа и сухие мышцы.

– А ты не останавливайся, – шепчу я.

Его сердце начинает биться так быстро, что я не отличаю его толчки от собственного пульса. Воздух между нами раскаляется до пяти тысяч градусов. Его пальцы у впадинки ниже живота терзают крошечный лоскуток ткани, символическое напоминание о приличиях.

– Джульетта...

– Адам?

Я вскидываю голову от удивления, страха, тревоги. Адам замирает. Я оглядываюсь по сторонам и, никого не видя, начинаю паниковать. Адам резко открыл люк и выпрыгнул, и тут же снова послышалось:

– Адам, это ты?

Какой-то мальчик.

– Джеймс!

Приглушенный звук столкновения двух тел. Два голоса слишком счастливы, чтобы тут таилась опасность.

– Не могу поверить, что это правда ты! Я, конечно, подумал, что это ты, потому что мне показалось – я что-то слышал, сперва решил – ничего, а потому подумал – схожу проверю на всякий случай, потому что окажись это ты... – Он замолчал. – А что ты тут делаешь?

– Домой приехал, – усмехается Адам.

– Правда? – тоненько вскрикивает Джеймс. – Насовсем?

– Да, – вздыхает Адам. – Чертовски рад тебя видеть.

– Я о тебе скучал, – вдруг как-то тихо говорит Джеймс.

Глубокий вздох.

– Я тоже, малыш. Я тоже.

– Так, ты что-нибудь ел? Бенни только что принесла мою упаковку с ужином, могу поделиться...

– Джеймс!

Мальчик замолкает.

– Да?

– Я кое с кем хочу тебя познакомить.

Ладони мгновенно вспотели, сердце бьется в горле. Слышу, как подходит Адам, но не понимаю, что он сунул голову в кабину, пока он не включает свет. Слабенькая аварийная лампочка освещает внутренность танка. Привыкнув к свету, вижу футах в пяти маленького мальчика с грязными светлыми волосами, круглолицего, с очень знакомыми голубыми глазами. Сосредоточенно сжав губы, он разглядывает меня.

Адам открывает дверь с моей стороны и помогает мне подняться, с трудом сдерживая улыбку. Меня поражает собственная нервозность. Я не знаю, почему волнуюсь, но, Боже, как я волнуюсь! Мальчик явно важен для Адама. Я не знаю почему, но этот момент кажется важным и мне. Я боюсь все испортить. Я пытаюсь скрыть прорехи на платье, расправить помявшуюся ткань, пригладить волосы. Бесполезно.

Бедный малыш будет в ужасе.

Адам подводит меня к мальчику. Джеймс на несколько дюймов ниже меня, но по его лицу я сразу понимаю, что он юн, чист и неискушен в жесткостях нашего мира. Мальчик радуется глаз красотой невинности.

– Джеймс, это Джульетта. – Адам смотрит на меня. – Джульетта, это мой брат Джеймс.

Глава 31

Его брат.

Стараюсь унять нервную дрожь и улыбнуться мальчишке, изучающему жалкие обрывки ткани, едва прикрывающие мое тело. Почему я не знала, что у Адама есть брат? Как это я столько лет не знала?

Джеймс повернулся к Адаму:

– Это и есть Джульетта?

Я стою воплощением нонсенса, позабыв о манерах.

– Ты знаешь, кто я?

Джеймс, как пружинка, снова разворачивается ко мне:

– А то! Адам столько о тебе рассказывал!

Залившись краской, невольно бросаю взгляд на Адама. Он смотрит в пол и смущенно кашляет.

– Очень приятно познакомиться, – выдавливаю я.

Джеймс наклоняет голову набок.

– А ты всегда так одеваешься?

Мне захотелось провалиться сквозь землю.

– Эй, малыш! – перебил брата Адам. – Джульетта с нами поживет немного. Сбегай проверь, нигде на полу трусы твои не валяются?

На лице Джеймса мелькает выражение испуга, и он без долгих слов бросается в темноту.

Становится тихо. Тишина тянется так долго, что я теряю счет секундам. Слышно, как где-то далеко что-то капает.

Покусывая нижнюю губу, я стараюсь подобрать правильные слова – и не могу.

– Я не знала, что у тебя есть брат.

– Но это же ничего? – беспокоится Адам. – Мы будем жить все вместе, и я...

Я холодею.

– Конечно, ничего! Я только... ну, это... Ты уверен, что мое присутствие для него безопасно?

– Трусов нигде не валяется, – объявляет Джеймс, выходя на свет. Я гадаю, куда он исчезал и где этот таинственный дом. – Так ты будешь с нами жить?

– Да, – отвечает за меня Адам. – Она у нас поживет некоторое время.

Джеймс смотрит то на Адама, то на меня и протягивает руку.

– Ну что ж, познакомимся наконец.

Помертвев, я не могу отвести взгляд от маленькой, протянутой мне руки.

– Джеймс! – довольно резко говорит Адам.

– Я пошутил! – хохочет Джеймс, опуская руку.

– Что? – Я едва дышу. Голова кружится, я ничего не понимаю.

– Не волнуйся, – говорит Джеймс, смеясь. – Я не коснусь тебя. Адам мне все рассказал о твоей волшебной силе.

– О чем, о чем?

– Слушайте, может, в дом пойдем? – Адам откашливается чересчур громко. – Я только сумки возьму.

Он бежит к танку. Я стою и смотрю на Джеймса. Он не скрывает любопытства.

– А сколько тебе лет?

– Семнадцать.

Он кивает:

– Адам так и сказал.

- Что еще тебе рассказал Адам? – не без раздражения спрашиваю я.
- У тебя тоже нет родителей. Ты вроде нас.

Мое сердце – тающий брусок масла, случайно оставленный на жаре в летний день. Мой голос смягчается:

- А тебе сколько лет?
- В следующем году будет одиннадцать.

Я улыбаюсь:

- То есть сейчас десять?

Он хмурится и скрещивает руки на груди:

- А через два года будет двенадцать!

Мне кажется, я уже люблю этого пацана.

Падающий из открытой двери танка свет гаснет, и все погружается во мрак. Тихий щелчок, и кружок слабого света немного освещает гараж.

- Джеймс, почему бы тебе не пойти первым? Показывай дорогу!

– Есть, сэр! – Мальчишка вытягивается перед Адамом, утрированно козыряет и убегает так быстро, что догнать его нет никакой возможности. Я не могу сдержать улыбки.

Адам берет меня за руку и ведет вперед.

- Ты как?

Я сжимаю его пальцы.

- Ты рассказал своему десятилетнему брату о моей волшебной силе?

Он смеется:

- Я ему много чего рассказывал.

- Адам!

- Да?

– Разве не к тебе домой Уорнер нагрянет в первую очередь? Нам же опасно здесь оставаться!

- Приехал бы, но, согласно публичным архивам, у меня нет дома.

- А твой брат?

– Стал бы его первой мишенью. Для Джеймса безопаснее там, где я могу приглядывать за ним. Уорнер знает, что у меня есть брат, но не знает где. А пока он будет выяснять – рано или поздно выяснит, конечно, – мы подготовимся.

- К войне?

- К обороне.

Даже в тусклом свете фонарика я видела, как он собран и решителен. Мне захотелось петь.

Я закрыла глаза.

- Хорошо.

- Чего вы так долго? – закричал Джеймс издали.

И мы пошли быстрее.

Парковочный гараж расположен под старым заброшенным офисным зданием, скрытым тенями. Пожарный выход выводит на первый этаж.

Джеймс, ликуя, вприпрыжку носится по лестнице, взбегая на несколько ступенек, возвращаясь и сетуя на то, что мы едва плетемся. Адам ловит его и поднимает в воздух.

- Смотри шею не сломай!

Джеймс вяло протестует. Он слишком счастлив возвращению брата.

Сердце болезненно сжимается от какого-то полузабытого чувства. Печаль смешана с радостью, чего я не могу объяснить. На душе тепло и равнодушие.

Кнопками Адам вводит код на массивной стальной двери. Раздается мягкий щелчок, короткий писк, и он поворачивает ручку.

И я застываю при виде того, что внутри.

Глава 32

Перед нами настоящая гостиная, просторная и стильная. Толстый ковер, мягкие стулья, диван у стены. Зеленые, красные, оранжевые тона, и лампы мягко освещают комнату. У меня еще нигде не возникало такого сильного ощущения дома. Воспоминания о холодном, одиноком детстве не идут ни в какое сравнение. Мне стало так спокойно, что я испугалась.

– Нравится? – улыбается Адам, которого, без сомнения, позабавило выражение моего лица. Спohватившись, закрываю рот.

– Очень, – говорю я – про себя или вслух, не знаю.

– Это все Адам сделал, – гордо сообщает Джеймс, выпячивая грудь. – Для меня.

– Ничего я этого не делал, – возражает Адам со смехом. – Только прибрал тут немного.

– Ты здесь один живешь? – спрашиваю я Джеймса.

Он сует руки в карманы и кивает.

– Иногда Бенни со мной остается, но в основном один. Но я только рад.

Адам бросает сумки на диван, проводит рукой по волосам. Я смотрю, как двигаются мышцы на его спине, как он тихо выдыхает и расслабляется.

Спрашиваю Джеймса, уже зная ответ:

– Почему рад?

– Потому что у меня бывают гости. К другим детям никто не приходит.

– Здесь и другие дети есть? – спрашиваю я с едва скрываемым ужасом.

Джеймс часто кивает, и я боюсь, что его голова оторвется от тонкой шейки.

– Еще бы, вся улица! А своя комната только у одного меня. Это все мое, Адам принес. Но тут все должны делиться. У нас есть что-то вроде школы. Бенни приносит мне упаковки с едой. Адам разрешает играть с другими детьми, но сюда их приводить нельзя. – Джеймс пожимает плечами. – Ну и ладно.

От этих простых и страшных слов у меня жжет под ложечкой, как от яда.

Улица осиротевших детей.

Я догадываюсь, отчего они осиротели.

Оглядываю комнату, автоматически перечисляя про себя предметы. В углу крошечный холодильник с малюсенькой микроволновкой сверху, рядом шкафчики. Адам принес всевозможные консервы и долго хранящиеся продукты. Кроме этого, в спортивных сумках у нас туалетные принадлежности и одежда – на какое-то время хватит.

Джеймс достает из холодильника станиолевую упаковку и старательно запихивает в микроволновку.

– Джеймс, ты что, не делай этого, – пытаюсь я остановить его.

Он застывает, глядя на меня расширенными глазами.

– А что?

– Нельзя же класть фольгу в микроволновку!

– Что такое микроволновка?

Растерянно моргаю.

Джеймс стягивает гибкую крышку с фольгового контейнера и показывает маленький кубик вроде бульонного. Указав на кубик, он кивает на микроволновку.

– Я всегда ставлю в Автомат, и ничего.

– Автомат считывает молекулярный состав пищи и увеличивает ее объем. – Адам встал рядом со мной. – Питательной ценности, конечно, не прибывает, но ощущение сытости длится дольше.

– И дешево! – говорит Джеймс, улыбаясь и снова засовывая пакет в хитроумное устройство.

Остается только поражаться, как все изменилось. Люди так отчаялись, что начали подделывать еду.

Меня распирают вопросы. Адам нежно сжимает мое плечо и шепчет:

– Позже поговорим, обещаю.

Но я энциклопедия со множеством пустых страниц.

Джеймс засыпает, положив голову Адаму на колени.

Доев свою порцию, он говорил без остановки, выкладывая мне все о своей «вроде школе», друзьях и Бенни, пожилой леди, которая о них заботится, потому что «по-моему, ей больше нравится Адам, чем я, но она тайком приносит мне сахар, так что все нормально». Все соблюдают комендантский час. После заката никому, кроме солдат, не позволено находиться на улице. Солдаты вооружены и могут стрелять по собственному усмотрению. «У одних людей еды и вещей больше, чем у других, – говорит Джеймс, – но сейчас всех обеспечивают в зависимости от полезности Оздоровлению, а не потому, что живые люди имеют право не умирать с голоду».

Мое сердце покрывается трещинами с каждым словом Джеймса.

– Ничего, что я много болтаю? – Он уставился на меня.

– Ничего.

– Все говорят, что я болтун. – Он пожал плечами. – Но что же мне делать, если хочется много чего сказать?

– Кстати, о болтовне, – перебил брата Адам. – Никому не говори о том, что мы здесь.

Джеймс застыл с открытым ртом, заморгал и пристально уставился на брата.

– Даже Бенни?

– Никому, – повторил Адам.

В глазах Джеймса мелькнул проблеск понимания. Десятилетний ребенок, которому можно полностью доверять.

– Ясно, – кивнул он. – Вас тут не было.

Адам отводит со лба Джеймса непокорные вихры, вглядывается в лицо спящего братишки, будто запоминая каждый живописный мазок на старинном холсте. А я смотрю, как он глядит на Джеймса.

Знает ли Адам, что держит в руке мое сердце? Я прерывисто вздохнула.

Адам поднял глаза, я потупилась – мы оба смутились по разным причинам.

– Пожалуй, уложу его спать, – шепчет он, но не двигается. Джеймс крепко-крепко спит.

– Ты давно его не видел? – спрашиваю я, понизив голос.

– С полгода. Но я часто разговаривал с ним по телефону. – Улыбка трогает уголки губ Адама. – Много рассказывал о тебе.

Я вспыхиваю и пересчитываю свои пальцы.

– Разве ваши звонки не отслеживают?

– Отслеживают, конечно, но у Бенни хитрая линия, ее не отследишь, к тому же я всегда старался быть кратким. Джеймс уже давно о тебе знает.

– Правда? – не удержалась я, чувствуя, как в животе порхают бабочки.

Адам поднял глаза, но отвел взгляд. Потом все же посмотрел на меня и вздохнул.

– Джульетта, я искал тебя с того дня, как ты перестала ходить в школу.

Верхние ресницы у меня почти коснулись бровей, а рот приоткрылся.

– Я волновался за тебя, – тихо добавил он. – Я не знал, что они с тобой сделают.

– Но почему... – Голос пресекся. Я сглотнула. – Почему ты вообще обо мне волновался?

Он откинулся на спинку дивана и провел свободной рукой по волосам. Сменяются времена года. Взрываются новые звезды. Кто-то идет по Луне.

– Знаешь, а я ведь до сих пор помню первый день, когда ты появилась в школе. – Адам негромко засмеялся. – Я был еще мал и многого не знал, но в тебе было нечто, к чему меня сразу потянуло. Я захотел оказаться рядом с тобой, потому что в тебе было добро, которого я не видел. Нежность, которой не было у нас дома. Я очень хотел услышать твой голос. Я хотел, чтобы ты меня увидела и улыбнулась. Каждый день я обещал себе, что заговорю с тобой – хотел тебя узнать, но каждый день трусил. А однажды ты просто исчезла. Ходили слухи, но я не верил. Я знал, что ты никого не обидишь. – Он смотрел в пол. Земля разверзлась, и я падала в трещину. – Это может показаться странным, – совсем тихо произнес он, – что я не находил себе места, ни разу с тобой не заговорив, но я не мог не думать о тебе. Я гадал, куда ты делась, что с тобой случилось. Боялся, что ты не сумеешь себя защитить.

Он так долго молчит, что мне хочется прокусить себе язык.

– Я должен был найти тебя, – шепчет он. – Я спрашивал всех, но нигде не получал ответов. Мир рушился, дела шли все хуже, я не знал, что делать. Надо было заботиться о Джеймсе, найти способ выжить, я записался в армию, но не забывал о тебе. Я всегда надеялся, – его голос дрогнул, – что однажды снова увижу тебя.

У меня не осталось слов. Карманы наполнились бессвязными письмами. Мне так хочется что-нибудь сказать, но я молчу, боясь, что сердце вот-вот взорвется.

– Джульетта?..

– Ты меня нашел, – три слова изумленным шепотом.

– Ты... не рада?

Я подняла глаза и впервые поняла, что он нервничает. Волнуется. Не уверен в том, как я отнесусь к его словам. Я не знаю, плакать, смеяться или осыпать его поцелуями. Я хочу засыпать под стук его сердца. Я всегда хочу знать, что он живой, здоровый, сильный и спокойный.

– Только ты был равнодушен ко мне. – Я моргаю, чтобы прогнать слезы, в горле печет. Тяжесть сумасшедшего дня обрушилась на меня, грозя раздавить. Я хочу кричать от счастья, боли, радости и отсутствия справедливости. Я хочу коснуться сердца того человека, который небезразличен ко мне. – Я люблю тебя, – шепчу я. – Больше, чем ты можешь себе представить.

Его глаза – полночь, наполненная воспоминаниями, единственные окна в мой мир. Его подбородок напряжен, рот крепко сжат. Он осторожно кашляет; я вижу, что ему нужно собраться, и говорю: Джеймса нужно бы уложить. Адам кивает, бережно подхватывает брата, встает и уходит в кладовку, превращенную в спальню.

Я вижу, с какой нежностью он смотрит на единственную родную душу, и понимаю, почему Адам пошел в армию.

Я знаю, отчего он терпел роль мальчика для битья при Уорнере. Знаю, почему решился окунуться в леденящую реальность войны, почему бежал при первой возможности, почему твердо настроен дать отпор.

Он борется не только за себя.

Глава 33

– Дай-ка я взгляну на твои порезы.

Адам стоит перед дверью Джеймса, засунув руки в карманы. Он в тесной темно-красной футболке, открывающей руки с красивыми рельефными мускулами и татуировками, нанесенными рукой профессионала, которые я научилась узнавать. Он перехватывает мой взгляд.

– Выбора не было, – говорит он, глядя на черные полоски чернил, въевшихся в его предплечья. – Стояла задача выжить. Работы не было, взяли только в армию.

Подхожу к нему и касаюсь татуировок.

– Я понимаю.

Он, еле сдерживая смех, чуть заметно покачал головой.

– Что? – Я резко отдергиваю руку.

– Ничего, – улыбается он, обнимая меня. – До сих пор не верится – ты здесь, у меня дома...

Волна жара поднимается по моей шее – я будто падаю со стремянки с кистью в свежей красной краске. Я не привыкла к ласковым словам. Прикусываю губу.

– А где ты делал татуировки?

– Эти? – Он посмотрел на свою руку.

– Нет. – Я потянула его футболку вверх так неудачно, что Адам едва не потерял равновесие. Попятившись, он оперся спиной о стену. Я задрала футболку до ворота, борясь со смущением, и погладила птицу на его груди. – Вот это откуда?

– А-а, – говорит Адам. Меня увлекает красота его тела. Штаны со множеством карманов сидят очень низко на бедрах – видимо, он снял ремень. Заставляю себя поднять глаза и пробегаю пальцами по его животу. Адам с трудом вздыхает. – Не знаю, – говорит он. – Я долго мечтал о белой птице. Ты знаешь, что раньше птицы умели летать?

– Ты мечтал о ней?

– Да, все время. – Он чуть улыбается воспоминаниям. – Как хорошо было... Прекрасное чувство – надежда. Я держался за воспоминание, боясь, что оно исчезнет. А оно вот стало постоянным.

Я накрыла татуировку ладонью.

– Я мечтала об этой птице все время.

– Об этой? – Он в изумлении приподнял брови.

Я кивнула:

– Именно о такой. – Что-то в голове становится на место. – До того самого дня, когда ты вошел в мою камеру. С тех пор я не думала о ней.

– Шутишь!

Но он видит, что я не шучу.

Я отпускаю футболку и прижимаюсь лбом к его груди. Вдыхаю его запах. Он обнимает меня крепче и кладет подбородок мне на голову.

И так мы стоим века, и от старости я уже не помню мир без этого тепла.

Адам промывает мои порезы в ванной, пристроенной к гостиной. Это миниатюрная комната с унитазом, раковиной, маленьким зеркалом и крохотной душевой кабинкой. Мне все это очень нравится. Когда я выхожу из ванной, вымывшись и наконец переодевшись, Адам ждет меня в темноте. На полу разложены одеяла и подушки; для меня это райское ложе. Я так вымоталась, что готова проспать несколько столетий.

Я ложусь рядом, и Адам обнимает меня. В комнате вовсе не жарко, но Адам – настоящая печка. Прячу лицо у него на груди, и он крепко прижимает меня к себе. Веду пальцами по его

обнаженной спине, ощущая, как напрягаются мышцы от моего прикосновения. Останавливаю пальцы у пояса его брюк, цепляю указательным шлевку для ремня. Чувствую на языке вкус слов.

– Я серьезно, чтобы ты знал.

Его дыхание прерывается на секунду. Сердце начинает биться слишком часто.

– Что – серьезно?

Хотя он прекрасно знает, что я имею в виду.

Мне вдруг становится неловко от моей откровенности, даже бесцеремонности. Я ведь ничего не знаю о том, о чем отважилась попросить. Но знаю одно: я не хочу ощущать на себе ничьих рук, кроме рук Адама. Никогда.

Адам ложится на спину. Я различаю черты его лица, глаза, блестящие в темноте. Глядя на его губы, я говорю:

– Я ведь ни разу не просила тебя остановиться. – Мои пальцы медлят на пуговице пояса брюк.

Онемев, он смотрит на меня, не веря своим ушам. Его грудь часто поднимается и опускается.

Я наклоняюсь к его уху.

– Коснись меня.

Он решается.

Мое лицо в его ладонях, мои губы в его губах, и он целует меня, я кислород, а он умирает без дыхания. Он почти сверху, его рука в моих волосах, другая гладит меня и подхватывает под колено, подтягивая меня ближе, выше, теснее. Он рассыпает поцелуи на моей шее, и экстатическая электрическая энергия пронизывает меня, зажигая внутри пламя. Я вот-вот воспламенюсь от нервного возбуждения, пропитавшего каждое мгновение. Я хочу погрузиться в его существо, ощутить его всеми пятью чувствами, утонуть в волнах чуда, осветившего мою жизнь.

Я хочу узнать вкус его тела.

Адам берет меня за руки и проводит ими по своей груди, направляя мои пальцы вниз, к поясу, снова ловит губами мои губы и снова, снова, снова погружает меня в исступление, из которого я не хочу выходить. Но этого мало. Этого все равно мало. Я хочу растаять и впитаться в него, обвести все формы его тела одними губами. Сердце бешено гонит кровь, лишая воли, закручивая все в урагане напряжения. Адам отстраняется, чтобы вздохнуть, но я притягиваю его к себе, истомленная желанием, безрассудная, жаждущая его прикосновения. Его руки проникают ко мне под майку, гладят меня так, как ни разу еще не осмеливались, и майка уже у меня на голове, когда дверь со скрипом приоткрывается. Мы замираем.

– Адам...

Адаму с трудом удастся отдышаться. Он опускается на подушку, и я чувствую исходящий от него жар. Биение его сердца гулко отдается в комнате. Я подавляю десяток криков. Приподняв голову, Адам спрашивает почти обычным голосом:

– Что, Джеймс?

– Можно, я с тобой посплю?

Адам садится. Он дышит тяжело, но как-то сразу берет себя в руки.

– Конечно, можно. – Его голос звучит мягче, он говорит медленнее. – Плохой сон?

Джеймс не отвечает.

Адам встает.

Джеймс икает, будто от сдерживаемых слез. В темноте я вижу, как Адам обнимает братишку.

– Ты же вроде говорил, все прошло? – слышу я шепот Адама, но в его словах нет упрека, только забота.

Джеймс что-то ответил, я не разобрала.

Адам берет его на руки – я удивилась, каким крошечным сразу показался мне Джеймс, они исчезают в кладовой-спальне и сразу возвращаются с постелью. Только устроившись в нескольких футах от брата, Джеймс наконец засыпает. Тишину нарушает лишь его прерывистое дыхание.

Адам поворачивается ко мне. Я – глыба молчания, пораженная, потрясенная, глубоко растроганная. Я не знаю, что пришлось пережить Джеймсу. Я не представляю, каково Адаму было расставаться с ним. Я не знаю, как сейчас живут люди, как они выживают.

~~Я не знаю, что стало с моими родителями.~~

Адам гладит меня по щеке и обнимает.

– Прости, – говорит он, но я поцелую отметаю всякие извинения.

– Дождесь более подходящего момента, – отвечаю я.

Адам прижимается лицом к моей шее и вдыхает мой запах, глядя мне спину под майкой.

Я сдерживаю прерывистый вздох.

– Скоро.

Глава 34

Адам и я скрепя сердце легли в пяти футах друг от друга, но отчего-то я проснулась в его объятиях. Он дышал тихо, мерно – теплый монотонный звук в утреннем воздухе. Моргая от яркого дневного света, я увидела перед собой большие голубые глаза десятилетнего мальчишки.

– А почему его ты можешь трогать? – Джеймс стоял над нами, скрестив руки на груди, снова став упрямым, как накануне. Ни следа страха или слез, будто вчерашней ночи и вовсе не было. – Ну? – Его нетерпение пугает меня.

Я отпрянула от полуобнаженного Адама так резко, что он проснулся. Почти.

И потянулся ко мне.

– Джульетта...

– Ты трогаешь девчонку!

Адам садится так резко, что запутывается в простынях и падает на локти.

– Господи, Джеймс!

– Ты спал рядом с девчонкой!

Адам беззвучно открывает и закрывает рот. Смотрит на меня, переводит взгляд на брата, зажмуривается и вздыхает. Проводит рукой по взъерошенным со сна волосам.

– Я не знаю, какого ответа ты ждешь.

– Ты же говорил, она никого не может трогать! – Джеймс с подозрением смерил меня взглядом.

– Не может.

– Кроме тебя?

– Верно. Кроме меня.

И Уорнера.

– Никого не может, а тебя может?

И Уорнера.

– Да.

– Надо же, как удобно, – вредным тоном заявляет Джеймс.

Адам хохочет:

– Где ты научился так разговаривать?

Джеймс сводит брови.

– Бенни часто так говорит в ответ на мои извинения. – Пальцами он показывает кавычки. – Она говорит – это означает, что я тебе не верю. Так вот, я тебе не верю.

Адам поднимается на ноги. Свет раннего утра сочится через маленькие окна, обливая золотом его торс с тугими мышцами. Заглядевшись на чересчур низко сидящие на бедрах брюки, усилием воли возвращаю себя к реальности. Удивляюсь своей страстности, но желание сильнее меня. Адам пробудил во мне голод к тому, о чем я никогда не мечтала.

Адам обнял брата за плечи и, присев на корточки, посмотрел ему в лицо.

– Можно с тобой кое о чем поговорить? – попросил он. – С глазу на глаз?

– Только ты и я? – Джеймс искоса глянул на меня.

– Да, только я и ты.

– Ладно.

Я смотрю, как они уходят в комнатку Джеймса, и гадаю, что Адам ему скажет. Только через несколько секунд до меня доходит, что Джеймс мог воспринять мое внезапное появление как угрозу. Он полгода не видел брата, а тут на голову сваливается незнакомая девица с какой-то сверхъестественной силой. Я чуть не засмеялась этой мыслью. Жаль, что я не просто жертва колдовства.

Не хочу, чтобы Джеймс думал, будто я увожу у него Адама.

Я легла, накрывшись одеялом – утро выдалось холодным и свежим. Мысли сами собой вернулись к Уорнеру. Необходимо помнить – наша безопасность относительна. Пока. А может, так будет всегда. Нельзя привыкать к комфорту. Нельзя расслабляться. Я села, подтянув колени к груди.

Интересно, какой у Адама план?

Дверь кладовой, скрипнув, открылась. Братья вышли, младший раньше старшего. Слегка порозовевший Джеймс избегал смотреть мне в глаза и выглядел смущенным. Я испугалась, что Адам наказал его.

Адам легонько сжал Джеймсу плечо.

– Ты в порядке?

– Я знаю, что такое подружка!

– Я не говорил, что не знаешь...

– Так ты его подружка? – спросил меня Джеймс.

Дыхательные пути мне словно забили ватными шариками. Я беспомощно посмотрела на Адама.

– Слушай, ты бы в школу собирался. – Адам открыл холодильник и вручил Джеймсу новый пакетик из фольги, видимо, с завтраком.

– Мне не обязательно идти! – запротестовал Джеймс. – Это не настоящая школа, никого не заставляют...

– А я хочу, чтобы ты ходил, – оборвал его Адам. – Не волнуйся, когда вернешься, я буду здесь.

Джеймс колебался.

– Обещаешь?

– Да, – ободряюще улыбнулся Адам. – Иди сюда.

Джеймс кинулся вперед и повис на брате, словно боясь, что тот исчезнет. Адам сунул упаковку в Автомат и нажал кнопку, потрепав Джеймса за вихры:

– Надо тебя подстричь, парень.

Джеймс сморщил нос:

– Мне так нравится.

– Длинновато, не находишь?

Джеймс понизил голос:

– Вот у нее волосы еще какие длинные.

Под двумя взглядами я превратилась в растаявшее розовое мороженое, машинально тронув свои волосы и вдруг застыдившись. У меня никогда не было повода подрезать волосы. И ножниц не было. Мне в руки острых предметов не давали.

Подняв глаза, я увидела, что Адам по-прежнему смотрит на меня, а Джеймс изучает Автомат.

– Мне нравятся ее волосы, – сказал Адам непонятно кому.

Я смотрела, как он помогает братишке собираться в школу. Джеймс полон жизни, его распирает бурная энергия, он так рад снова видеть брата! Невольно задаюсь вопросом: каково десятилетнему мальчику жить одному? Как живется всем детям на этой улице?

Мне не терпится встать и переодеться, но я не хочу занимать ванную на случай, если туда понадобится Джеймсу или Адаму. Я не хочу занимать лишнего места. Отношения между братьями удивительно теплые и близкие, у меня таких никогда не было, но рядом с подобной любовью и я чувствую, как замороженная середина моей души начинает оттаивать, превращаясь во что-то человеческое. Я чувствую себя человеком, словно могу стать частью социума, словно мне не обязательно жить с клеймом монстра. Может, я не чудовище.

Может, все еще изменится.

Глава 35

Джеймс в школе, Адам в душе, а я смотрю на миску гранолы, которую Адам мне оставил. Я просто не могу ее есть, когда Джеймсу приходится питаться неопределимой субстанцией из пакетиков. Но Адам сказал, что Джеймсу выделяется определенная порция на завтрак, обед и ужин, и он обязан съедать ее по закону. Если обнаружится, что он ее выбросил или не съел, его могут наказать. Все сироты должны питаться содержимым пакетиков из фольги, прошедшим через Автомат. Джеймс заявляет, что на вкус это «не так уж плохо».

Я слегка дрожу на холодном утреннем воздухе и приглаживаю рукой волосы, еще мокрые после душа. Вода здесь не горячая и даже не теплая. Она ледяная. Теплая вода – это роскошь.

Кто-то стучит в дверь.

Я вскакиваю.

Кручусь на месте.

Озираюсь, я вне себя от страха.

В голове бьется: они нашли нас. Желудок как вялый блин, сердце – обезумевший дятел, кровь – река тревоги.

Адам в душе.

Джеймс в школе.

Я совершенно беззащитна.

Кидаюсь к спортивной сумке Адама и вынимаю два пистолета. Вот так, по одному в каждую руку. И две руки на случай, если пистолеты дадут осечку. Наконец-то на мне одежда, в которой удобно драться! Глубоко вздохнув, умоляю руки не дрожать.

Стук становится громче.

Я направляю пистолеты на дверь.

– Джульетта!

Обернувшись, перехватываю взгляд Адама, уставившегося на меня. Волосы у него мокрые. Он кивает на второй пистолет, который я бросаю ему без единого слова.

– Уорнер стучать бы не стал, – говорит Адам, но не опускает оружия.

Он прав. Уорнер стрелял бы через дверь, использовал взрывчатку, убил бы сотню людей, чтобы добраться до меня. Он уж точно не ждал бы на пороге. Интуиция подсказывает, что нужно успокоиться, но я не позволяю себе такую роскошь.

– А кто, ты думаешь?..

– Может, Бенни, – она обычно проверяет, как тут Джеймс.

– Она знает, что сейчас он в школе.

– Но про этот дом никому не известно!

Стук в дверь становится тише, слабее. Слышится низкий, утробный стон разочарования.

Мы переглядываемся.

Кто-то в отчаянии бухает в дверь кулаком и шумно провозит его вниз. Новый стон. Некто тяжелый с размаху приваливается к двери.

Я вздрагиваю.

Адам приглаживает волосы.

– Адам! – орет кто-то, кашляя. – Пожалуйста, парень, если ты здесь...

Я замираю. Голос кажется знакомым.

Спина Адама напрягается в долю секунды. Рот приоткрывается, в глазах изумление. Он набирает входной код и поворачивает ручку, направив пистолет на открывающуюся дверь.

– Кенджи?!

Короткий хрип и заглушенный стон.

– Ты что, ползком полз?

– Какого ты тут делаешь? – Металлический щелчок. Сквозь узкую щель в двери почти ничего не видно, но Адам явно не рад гостю. – Кто тебя послал? Кто еще с тобой?

Кенджи ругается себе под нос.

– Погляди на меня, – требует он, хотя просьба звучит жалобно. – Ты решил, я приперся убивать тебя?

Адам некоторое время молчит. Пауза наполнена сомнением.

– Мне ничего не стоит всадить тебе в спину пулю.

– Не парься, брат, у меня уже есть пуля в спине. Или в ноге. Или еще где, не помню.

Адам открывает дверь.

– Вставай.

– Разрешаю тебе затащить меня в гости.

У Адама на щеках играют желваки.

– Не хочу твоей крови на моем ковре. Моему брату такого зрелища не надо.

Кенджи кое-как поднимается и входит, сильно хромая. Я уже слышала его голос, но никогда не видела лица. Хотя сейчас, пожалуй, не лучшее время для первых впечатлений. Веки отекающие, красные, сбоку на лбу глубокая резаная рана. Рассеченная губа еще кровоточит. Кенджи, видимо, ранен – он вздрагивает от боли и постанывает, наступая на ногу. Мускулистые руки в порезах и синяках. Одежда разорвана в клочья; он в одной футболке. Остается удивляться, как он не замерз насмерть. Первую секунду Кенджи смотрит мимо меня, но потом замечает по-настоящему.

Он останавливается, растерянно моргает – и расплывается в дурацкой улыбке, слегка подпорченной гримасой боли.

– Блин горелый, – врасяжку говорит он, глядя на меня. – Очуметь! – Он пытается засмеяться. – Ты с ума сошел...

– Туалет там, – обрывает его Адам.

Кенджи идет в указанном направлении, не сводя с меня глаз и едва не свернув себе шею. Он смеется громче, вздрагивает от боли и шипит.

– Чувак, ты убежал с чокнутой цыпочкой? Ты увел ненормальную девку? – спрашивает он Адама. – Надо же, а я решил, врут. Ты каким местом думал? Что ты с ней делать-то станешь? Неудивительно, что Уорнер хочет видеть твой труп – э-эй, больно, ты что?!

– Она не чокнутая. И не глухая, дурак ты этакий.

Дверь за ними с грохотом захлопывается, и я слышу, что они о чем-то спорят. Адам явно не хочет, чтобы я слышала, о чем он говорит с Кенджи. Равно как и его вопли.

Адам, наверное, вынимает из Кенджи пулю и обрабатывает раны, как умеет. У него неплохой запас средств первой помощи и сильные, умелые руки. Неужели он научился этому в армии? Скорее, лечил себя. Или братишку.

Медицинская страховка – мечта, с которой мы расстались давным-давно.

Я держу пистолет в руке почти час. Крики Кенджи доносятся из ванной тоже почти час. Я знаю, я люблю считать пролетающие секунды. Но вот который час, не знаю. В спальне Джеймса должен быть будильник, но я не хочу заходить туда без разрешения.

Я смотрю на пистолет, на гладкий, тяжелый металл, с удивлением замечая, как удобно его держать. Будто продолжение руки. Пистолет меня уже не пугает.

Меня больше пугает то, что я могу им воспользоваться.

Дверь ванной открывается, и выходит Адам с маленьким полотенцем в руках. Я поднимаюсь. Он коротко мне улыбается и открывает маленький холодильник, а в нем крошечную морозилку. Взяв пару кубиков льда, он заворачивает их в полотенце и снова скрывается в ванной.

Сажусь на диван.

Уже некоторое время идет дождь. Небо плачет о нас.

Адам снова выходит из ванной, на этот раз с пустыми руками, по-прежнему один.

Встаю.

Потирая лоб и шею сзади, он подходит к дивану.

– Прости, – говорит он.

У меня расширяются глаза.

– За что?

– За все, – вздыхает он. – На базе Кенджи был мне вроде приятеля. После нашего побега Уорнер приказал пытаться его. Добивался информации.

Я подавляю крик.

– Клянется, что героически молчал. Ему и нечего было говорить, он не знает ничего, но помяли парня сильно. Не знаю, сломаны у него ребра или сильный ушиб, но пулю из его ноги я вынул.

Я сжимаю его руку.

– Его подстрелили, когда он сбежал, – говорит Адам через мгновение.

Догадка взрывается во мне страхом:

– Следящая сыворотка!

Адам кивает, о чем-то думая.

– Возможно, она у него старая, не действует, но наверняка знать нельзя. Если бы сыворотка работала, Уорнер был бы уже здесь. Но рисковать мы не можем. Надо уходить, а до этого избавиться от Кенджи.

Я трясую головой, оказавшись в водовороте столкнувшихся потоков недоверия.

– Как он тебя нашел?

Лицо Адама каменеет.

– Он начал кричать прежде, чем я успел спросить.

– А Джеймс? – шепчу я, боясь спрашивать.

Адам опускает голову на руки.

– Как только вернется домой, уедем. А пока соберемся. – Он встречается со мной взглядом. – Я не могу оставить Джеймса. Здесь для него уже небезопасно.

Глажу его по щеке, и он припадает к моей ладони, удерживая ее. Закрывает глаза.

– Ну ни хрена себе...

Мы с Адамом отшатываемся друг от друга. Я вспыхиваю до корней волос, Адам еле сдерживает раздражение. Кенджи прислонился к стене коридорчика, ведущего в ванную, держа у лица полотенце со льдом, и смотрит на нас.

– Ты можешь ее трогать?! Я видел, как ты к ней прикасался! Это же просто...

– Мы не можем задерживаться, – говорит Адам. – Ты уже оставил химический след до моего дома. Нам надо уходить, и тебе с нами нельзя.

– Э-э, ой, уй-я, подожди. – Кенджи кое-как плетется в гостиную, вздрагивая, когда приходится наступать на раненую ногу. – Я не падаю вам на хвост, но знаю надежное место. Супер-надежное. Я вас отведу, покажу дорогу. Есть у меня один знакомый...

– Вранье! – Адам по-прежнему зол. – Как ты меня нашел? Как оказался у моей двери, Кенджи? Я не доверяю тебе.

– Не знаю я! Клянусь, не знаю, как это вышло. С какого-то момента я перестал понимать, куда бегу. Перепрыгивал через какие-то заборы. Попал на огромное поле со старым сараем. Поспал там немного или отключился от боли и холода, там ведь сушая морозилка. Очнулся, смотрю – меня везет какой-то чувак. Высадил у твоих дверей. Кричи, говорит, зови Адама, он тут живет. – Кенджи попытался подмигнуть. – Может, я тебя во сне видел?

– Подожди, подожди. – Адам подался вперед. – Как это тебя мужик подвез? Какой мужик? Как зовут? Откуда он меня знает?

– Он не сказал, а мне не до вопросов было. Здоровенный, одно могу сказать. Слабак не затащил бы меня в машину.

– И ты ждешь, что я поверю тебе?

– А какой у тебя выбор? – пожал плечами Кенджи.

– Широкий. – Адам поднялся на ноги. – У меня нет причин тебе верить.

– Тогда почему я здесь с пулей в ноге? Почему Уорнер тебя еще не нашел? Почему я без оружия?

– Это может быть частью плана.

– Но ты мне все равно помог! – Кенджи повысил голос. – Не бросил умирать! Почему же ты меня не пристрелил? Зачем лечил?

Адам колеблется.

– Не знаю.

– Знаешь! Ты знаешь, что я тебя не подставляю. Вот меня из-за тебя отделали, так это да!

– Ты обо мне ничего не знал.

– Ну, парень, ну что ты хочешь, чтобы я сказал? Они меня убивать вели, когда я сбежал. Не моя вина, что какой-то чувак высадил меня у твоих дверей...

– Дело не только во мне, ты что, не понимаешь? Я очень старался устроить моего брата в безопасном месте, а ты за одно утро разрушил несколько лет усилий! Что мне теперь делать? Придется бегать, пока я не найду возможность куда-нибудь его пристроить. Он слишком мал, чтобы все это выдержать...

– Мы все слишком молоды, чтобы выдерживать эту жуть. – Кенджи тяжело дышал. – Не обманывай себя. Никто не должен видеть то, что довелось нам, никто не должен просыпаться утром и находить в гостиной трупы, но так происходит. Мы с этим сталкиваемся и должны уметь выживать. Не у тебя одного проблемы.

Адам сел, ссутулившись под грузом мучительного беспокойства, и опустил голову на руки.

Кенджи посмотрел на меня. Я на него.

Ухмыльнувшись, он сделал ко мне пару неровных шагов.

– Знаешь, а ты очень секси для психованной...

Щелчок.

Кенджи попятился, подняв руки. Адам вдавил ему в лоб ствол пистолета.

– Либо веди себя уважительно, либо я сейчас прострелю тебе башку.

– Я же пошутил!

– Черта с два!

– Блин, Адам, да успокойся ты!

– Где твоё суперубежище, куда ты можешь нас отвести? – Я встаю, сжимая пистолет, и становлюсь рядом с Адамом. – Или наврал?

Кенджи заулыбался:

– Нет, клянусь, самое настоящее убежище. Я там, может, даже что-то о тебе рассказывал. И чувак, который держит заведение, очень захотел с тобой познакомиться.

– Ты думаешь, я урод, которого ты можешь показать друзьям? – Снимаю пистолет с предохранителя и взвожу.

Кенджи осторожно кашляет.

– Не урод, просто... интересный случай.

Я направляю пистолет ему в нос.

– Я такая интересная, что могу убить тебя голыми руками.

В его глазах мелькнул едва уловимый страх. Залпом выпив несколько галлонов смирения, Кенджи пытается улыбнуться.

– А ты уверена, что не сумасшедшая?

– Нет, – говорю, – не уверена.

Кенджи ухмыляется и меряет меня взглядом.

– Понятно. Но сумасшедшинка в тебе так привлекательна...

– Еще одна фраза, и я разобью тебе лицо, – предупреждает Адам стальным голосом. Его сузившиеся глаза неподвижны, в тоне ни малейшего намека на юмор. – Ты подал достаточно поводов.

– Что? – Кенджи смеется, ничуть не испугавшись. – Я сто лет ни одной юбки не видел так близко, и чокнутая или нет...

– Мне все равно.

Кенджи поворачивается ко мне.

– Тебя не виню, я сейчас не в авантаже. Вот поздороваю, стану красавцем. – Он пробует улыбнуться. – Дай мне пару дней и, возможно, передумаешь...

В общем, Кенджи получил локтем в лицо, за что Адам и не думает извиняться.

Глава 36

Обливаясь потом, кровью и поливая нас ругательствами, как из шланга, Кенджи поплелся в ванную, держась за нос.

Адам уводит меня в комнатку Джеймса.

– Скажи мне что-нибудь, – говорит он, глядя в потолок и тяжело вздыхая. – Ну хоть что-то!

Я нежно-нежно сжимаю ему руки и жду, когда он взглянет на меня.

– Ничего с Джеймсом не случится. Мы его устроим в безопасном месте, обещаю.

Глаза Адама полны боли, я таким впервые вижу его. Он приоткрывает рот, но тут же снова сжимает губы. Так повторяется несколько раз, и наконец у него вырывается:

– Он не знает об отце.

Адам впервые поднял эту тему.

– Я не говорю ему, придумываю басни всякие. Хочу, чтобы он рос нормальным. – Его губы выдают секреты, мои уши изливают чернила, пятная мою кожу строками его истории. – Я стараюсь уберечь Джеймса, не хочу, чтобы его коснулось... Не могу допустить... Бог этого не допустит, – закончил он еле слышно.

Я пыталась подобрать правильные слова, но рот был пуст.

– Все недостаточно, – шептал он. – Никак не могу сделать достаточно. Он просыпается с криком и засыпает в слезах. Он видит то, с чем я не в состоянии справиться. – Адам часто моргает. – Столько людей, Джульетта...

Задерживаю дыхание.

– Мертвы.

Я коснулась слова на его губах, а он поцеловал мои пальцы. Его глаза – два совершенных озера, открытые, честные, полные смирения.

– Не знаю, что делать. – Это признание дается ему трудно. Ситуация неудержимо выходит из-под контроля. – Подскажи мне, что делать?..

Слышно, как в тишине стучат наши сердца. Я изучаю форму его губ, четкие линии лица, ресницы, которым позавидует любая девушка, темную синеву глаз, в которых я научилась плавать. Я называю единственный, на мой взгляд, вариант:

– Может, примем предложение Кенджи?

– Ты доверяешь ему? – изумляется Адам.

– Вряд ли он станет лгать в такую минуту.

– Не знаю, стоит ли ехать.

– Отчего же?

У Адама вырывается что-то похожее на смех:

– Я убью его раньше, чем мы доедем.

Мои губы складываются в печальную улыбку.

– Но ведь другого выхода у нас нет?

Солнце уже вращается вокруг луны, когда Адам наконец коротко качает головой.

Я стискиваю его руку.

– Тогда надо попробовать.

– Вы чего тут делаете? – проорал Кенджи через дверь и ударил пару раз кулаком. – Блин, парень, я согласен, трахаться надо чем чаще, тем лучше, но сейчас время, ну, совсем неподходящее, если, конечно, жить хочешь. Надо бы двигать отсюда. Собраться и двигать.

– Я сейчас убью его, – говорит Адам.

Я приподнимаюсь на мыски и целую его в губы – две подушечки, мягкие, сладкие.

– Я люблю тебя.

Он смотрит мне в глаза, смотрит на мой рот и спрашивает отрывистым шепотом:

– Да?

– Да.

Со сборами мы покончили еще до возвращения Джеймса, сложив в сумки самое необходимое: продукты, одежду, деньги, которые откладывал Адам. Он снова и снова обходит маленькую комнату, не веря, что теряет все это так легко. Могу только предполагать, сколько труда сюда вложено, сколько стараний. У меня разрывается сердце.

Приятель Адама принадлежит к другому виду.

Кенджи лечит новые синяки, но не унывает. Его распирает радость по неизвестному поводу. Он быстро оправился и уже бодрится. Испортить ему настроение положительно невозможно, и я невольно восхищаюсь его непроницаемостью. Он по-прежнему глазеет на меня.

– Отчего это ты можешь трогать Адама? – спрашивает он через секунду.

– Не знаю.

– Врешь! – фыркает он.

Пожимаю плечами, не видя необходимости кого-то убеждать в том, что я не знаю причин своего счастья.

– А как узнала, что можешь его трогать? Эксперимент проводили, что ли?

Надеюсь, я не покраснела.

– Где то место, куда ты собрался нас вести?

– Ну чего ты меняешь тему? – ухмыляется он. Не глядя на него, я уверена, что он ухмыляется. – А вдруг меня тоже можно касаться? Не хочешь попробовать?

– Тебе не понравится, если я коснусь тебя.

– Может, понравится. – Да он точно ухмыляется.

– Оставь ее в покое, а то получишь еще пулю в ногу, – вмешивается Адам.

– Да что, одинокому мужчине уже и попытаться нельзя, Кент? Мне правда интересно! Не лезь ты, пусть она сама ответит!

Адам проводит рукой по волосам – я замечаю, что он приглаживает волосы всегда одной и той же рукой. Он задет за живое и даже смущен.

– Спасибо, обойдусь, – сказала я, чуть повысив голос.

– Учти, – Кенджи показывает на распухшее лицо, – это не навсегда.

– Зато мне всегда будут неинтересны подобные разговоры. – Я очень хочу, чтобы Кенджи понял – у меня серьезные отношения. Я хочу повторить то, что Адам сказал Джеймсу.

Но не могу.

Я ведь не знаю, каково это – состоять в отношениях, можно ли считать признание в любви обетом взаимной верности и всерьез ли Адам сказал братишке, что я его подруга. Может, это был удобный ответ на сложный вопрос. Я жду, когда Адам даст понять Кенджи, что мы вместе.

Но он ничего не говорит.

Не знаю почему.

У него вырвался не то смех, не то кашель.

– Вроде мы раньше ладили. – Кенджи в упор смотрит на Адама.

– Не помню.

Кенджи ошетинивается:

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Я не доверяю тебе.

– Тогда почему я до сих пор здесь?

– Потому что я доверяю ей.

Кенджи расплывается в дурацкой улыбке.

– Ой, значит, ты мне доверяешь?

– Пока держу тебя на мушке, – говорю я, сжимая пистолет.
В его улыбке сквозит лукавство.

– И отчего мне нравится, когда ты мне угрожаешь?

– Оттого, что ты идиот.

– Не, – качает головой Кенджи. – Потому что у тебя сексуальный голос. Каждая фраза звучит игриво.

Адам резко встает, едва не опрокинув кофейный столик.

Кенджи начинает хохотать, постанывая от боли.

– Уймись, Кент, дубина, я шучу. Мне нравится видеть, как чокнутая напрягается. – Он смотрит на меня и понижает голос: – Это был комплимент. А ореол ненормальности тебе даже идет.

– Ты что, больной? – гремит на него Адам.

– Сам больной! – Кенджи раздраженно складывает руки на груди. – Какие вы все здесь дерганые!

Адам сжимает пистолет, идет к двери, возвращается. Начинает ходить по комнате.

– О брате не волнуйся, – добавляет Кенджи. – Он скоро придет.

Адам не останавливается. Его рот перекошен.

– Я не волнуюсь о брате. Я решаю, пристрелить тебя сейчас или позже.

– Позже, – просит Кенджи, плюхаясь на диван. – Сейчас я тебе еще нужен.

Адам хочет что-то ответить, но не успевает.

Дверь щелкает, издает писк, и ручка поворачивается.

Джеймс пришел домой.

Глава 37

– Я очень рад, что ты так положительно к этому относишься, но восторгаться нечем, Джеймс. Мы вынуждены бежать, чтобы спасти жизнь!

– Зато вместе, – в пятый раз отвечает мальчишка, улыбаясь до ушей. Он с ходу проникся к Кенджи симпатией, и теперь эта парочка сообща превращала серьезную ситуацию в балаган. – И я буду помогать!

– Ни в коем...

– Обязательно будешь!

Адам и Кенджи ответили одновременно. Кенджи продолжил первым:

– Отчего же, десять лет, уже большой, может помогать.

– Это не твоя война, – подчеркнуто спокойно замечает Адам, обращаясь к Джеймсу. Я вижу, что он сдерживается ради брата. – И не твое дело.

– Раз я еду с тобой, – как ни в чем не бывало отвечает Джеймс, – я хочу помогать.

Новость Джеймс воспринял с радостью. Он и глазом не моргнул, когда Адам объяснил настоящую причину своего возвращения и моего появления. Я думала, что вид распухшей от побоев физиономии Кенджи заставит мальчика занервничать, плеснет страхом в его сердце, но Джеймса это не тронуло. Наверное, видал и похуже.

Адам глубоко вздохнул и повернулся к Кенджи.

– Далеко?

– Пешком? – В голосе Кенджи впервые появилась неуверенность. – Минимум несколько часов. Если никаких глупостей не выкинем, к ночи будем на месте.

– А на машине?

Кенджи удивленно заморгал и расплылся в широкой улыбке.

– Ну, Кент, ну, засранец, чего сразу-то не сказал?

– Следи за языком при моем брате.

Джеймс вытаращил глаза.

– Да я хуже этого каждый день слышу! Даже Бенни ругается.

– Бенни? – Брови Адама поехали на лоб.

– Ну!

– Как это она... – Адам замолчал и закончил иначе: – Это не значит, что нужно слушать брань развесив уши.

– Мне почти одиннадцать!

– Ладно, парень, – перебивает Кенджи. – С моей стороны действительно был косяк. Обещаю поаккуратнее. Здесь ведь и дамы, – подмигнул он мне.

Я сделала вид, что не слышу.

Даже мне трудно покидать этот уютный уголок. Что же говорить об Адаме? Захваченный предстоящей «тайной миссией», Джеймс не понимает, что никогда сюда не вернется.

Мы беглецы, спасающие свою жизнь.

– Так ты что, машину свистнул? – спрашивает Кенджи.

– Танк.

– Вот это да!

– Но днем на танке как-то экстравагантно.

– Что такое экстравагантно? – тут же влезает Джеймс.

– Слишком заметно, – морщится Адам.

– ...мать! – не выдерживает Кенджи, оступившись на ровном месте.

– Я тебе говорил – следи за языком!

– Ты слышишь?

– Что?

Глаза Кенджи мечутся во всех направлениях.

– Отсюда есть другой выход?

Адам уже на ногах.

– Джеймс!

Мальчик подбегает к брату. Адам проверяет свой пистолет. Я закидываю сумку на плечо. Адам делает то же, не сводя глаз с входной двери.

– Быстрее.

– А сколько тут...

– Времени нет!

– Что ты заду...

– Кент, бегом!

Мы бежим за Адамом в комнату Джеймса. Адам срывает со стены занавеску, за которой оказывается потайная дверь. Из гостиной уже доносится ритмичный писк.

Адам выстрелом выбивает замок.

Позади что-то взрывается, меньше чем в пятнадцати футах. Уши забивает, тело сотрясает неприятная вибрация. Я едва не падаю. Звучат частые выстрелы, от топота многих ног трясется дом, но запасной ход уже остался позади. Адам подхватывает Джеймса на руки, и мы выбегаем на улицу, где нас ослепляет внезапный взрыв света. Дождь перестал. Дороги грязные, глинистые. Везде дети, ярко одетые малыши, которые начинают кричать при нашем появлении. Можно больше не таиться.

Они нас нашли.

Кенджи отстает, хромя на остатках адреналина. Мы сворачиваем в узкий переулок, и он тяжело опирается о стену.

– Простите, – задыхаясь, говорит он. – Не могу больше. Идите одни.

– Так не пойдет! – кричит Адам, зорко оглядываясь и подмечая все детали.

– Очень приятно это слышать, брателло, но мне не надо жертв.

– Ты обещал показать дорогу!

– Ну... мать!

– Ты сказал, что поможешь нам!

– Ты вроде врал что-то про танк...

– А ты не заметил неожиданного изменения планов?

– Кент, я не успеваю за вами, я еле тащусь...

– Надо попытаться.

– Введен комендантский час. Всем немедленно вернуться в свои дома. Мятежники на свободе. Вооружены и очень опасны. Введен комендантский час. Всем немедленно вернуться в свои дома. Мятежники на свободе. Вооружены и очень опасны...

Звуки из динамиков, разносящиеся по улицам, привлекают внимание к нам, струсившимся в узком переулке. Несколько человек видят нас и начинают кричать. Топот сапог приближается. Начинается беспорядочная пальба.

Я тоже оглядываюсь. Мы не в жилом районе. Улица, где жил Джеймс, – неуправляемая территория с несколькими заброшенными офисами, остаток прежней жизни. Я не понимаю, почему здешние аборигены не живут в поселках, как основное население, и у меня нет времени размышлять, почему здесь попадают представители только двух возрастных групп, почему сирот и стариков свезли, точно мусор, на нелегальную территорию, патрулируемую солдатами, которым вход сюда якобы заказан. Я боюсь ответов на собственные вопросы. На мгновение мне становится страшно за Джеймса; я на бегу оборачиваюсь и смотрю на маленькую фигурку на руках у Адама.

Мальчишка крепко, до боли, зажмурился.

Негромко ругаясь, Адам пинком выбивает первую попавшуюся дверь и кричит, чтобы мы шли внутрь.

– Ты останешься здесь, – говорит он Кенджи. – Я, наверное, с ума сошел, но оставлю с тобой Джеймса. Приглядишь за ним. Они ищут Джульетту и меня, о вас они не знают.

– А что ты собираешься делать? – спрашивает Кенджи.

– Угоню машину и вернусь за вами.

Джеймс не протестует, когда Адам опускает его на пол. Его губы совсем белые, глаза расширены, руки дрожат.

– Я вернусь за тобой, Джеймс, – повторяет Адам. – Обещаю.

Джеймс часто-часто кивает. Адам целует его в макушку – один раз, сильно и быстро, бросает на пол наши спортивные сумки и поворачивается к Кенджи:

– Если с ним что-нибудь случится, убью.

Веселость Кенджи куда-то делась, но он не хмурится. Он набирает воздух в грудь.

– Я позабочусь о нем.

– Джульетта...

Адам берет меня за руку, и мы исчезаем в лабиринте улиц.

Глава 38

Улицы забиты бегущими людьми. Мы прячем пистолеты за пояс брюк, но дикие глаза и резкие движения выдают нас. Все сторонятся, бросаются врассыпную, некоторые вскрикивают, истошно вопят, ахают, роняют вещи. Я не вижу ни одной машины. Должно быть, в этом районе почти нет транспорта.

Адам толкает меня на землю – над головой просвистела пуля. Он выбивает ближайшую дверь, и мы бежим по полуразрушенному зданию, ища другой выход, путаясь в лабиринте помещений бывшего универмага. Выстрелы и топот совсем близко. Нас ловят не меньше сотни солдат; они разбились на группы и прочесывают кварталы.

Меня они не убьют.

Я боюсь за Адама.

Я стараюсь держаться к нему как можно ближе, потому что Уорнер, уверена, отдал приказ взять меня живой. Мои усилия, впрочем, результата почти не приносят: Адам с его ростом и мощью возвышается надо мной на целую голову. Меткий выстрел, и все.

На бегу Адам оборачивается и дважды стреляет. Один из преследователей падает молча, второй издает приглушенный крик. Мы бежим дальше.

Адам ничего не говорит. Не подбадривает, не просит держаться. Не спрашивает, как я, очень ли мне страшно. Не уверяет, что все будет в порядке. Не убеждает бросить его и спастись самой. Не просит позаботиться о Джеймсе в случае его, Адама, гибели.

Ему не нужно все это произносить.

Мы оба понимаем, что Адама в любую секунду могут застрелить, а меня – схватить. Здание может взлететь на воздух. Возможно, солдаты уже нашли Кенджи и Джеймса. Мы все можем сегодня погибнуть.

Но еще мы знаем, что нужно использовать шанс.

Потому что движение вперед – единственный способ выжить.

Пистолет кажется скользким, но я не выпускаю его из рук. Мышцы ног страшно болят, но я бегу еще быстрее. Легкие будто пилой режут грудную клетку пополам, но я все равно заставляю их перерабатывать кислород. Надо двигаться. Нет времени для человеческих слабостей.

Пожарный выход из здания найти почти невозможно. Наши шаги раздаются по кафельному полу, наши руки ищут в тусклом свете какой-нибудь проем, дверь, ведущую на улицу. Здание больше, чем казалось с улицы, второй выход может быть где угодно. Судя по всему, здесь был склад, а не просто магазин. Адам ныряет за старый пыльный стол и тянет меня за собой.

– Не глупи, Кент, ты ведь уже выдохся! – кричит кто-то не более чем в десяти футах от нас.

Адам сглатывает ком в горле, стискивает зубы. Его пытаются убить люди, с которыми он вместе обедал, тренировался, жил. Он знает этих парней. Наверное, от этого только хуже.

– Ты нам только девку отдай, – добавляет другой голос. – Отдай, и мы не будем в тебя стрелять. Скажем, что не догнали. Отпустим. Уорнеру только она нужна.

Адам на долю секунды приподнимает голову и стреляет. Кто-то с криком падает на пол.

– Кент, сукин ты сын!

Воспользовавшись мгновенным замешательством, выскакиваем из-за стола и бежим к лестнице. Пули с коротким глухим звуком входят в стену, где мы только что пробежали. Неужели только двое солдат последовали за нами в здание склада?

Винтовая лестница ведет в подвал. Кто-то целится в Адама, но шансы попасть в меня слишком велики. Вслед нам несется поток отборной брани.

Адам на бегу сбрасывает на пол все, используя любую возможность, чтобы задержать преследователей. Я замечаю впереди двойную подвальную дверь. Видимо, торнадо в этом районе не редкость. Погода неустойчива, природные катаклизмы стали обычным делом. Циклоны, должно быть, оставляли в развалинах целые районы.

– Адам! – тяну я его за рукав – мы прячемся за низкой стеной – и указываю на единственно возможный путь отступления.

Он стискивает мою руку.

– А ты зоркая.

Но мы не двигаемся, пока вокруг беспокойно. Кто-то оступился, раздался приглушенный крик. В подвале темно: электричество отключили очень давно; видимо, солдат споткнулся о сброшенные на пол ящики.

Адам прижимает пистолет к груди, глубоко вздыхает, поворачивается и стреляет навскидку.

Цель перед ним как на ладони, попасть не составляет труда.

Неконтролируемый взрыв проклятий подтверждает это. Адам с трудом выдыхает.

– Я стрелял, чтобы ранить, – говорит он. – Убивать не хочу.

– Знаю, – говорю я, хотя и не уверена в этом.

Подбегаем к двери. Ржавый засов намертво прирос к петлям. Меня охватывает отчаяние. Сколько времени до того, как нас обнаружат другие солдаты? Я уже готова предложить выбить выстрелом и задвижку, когда Адаму наконец удастся отодвинуть засов.

Он пинком открывает двери, и мы вываливаемся на улицу. Перед нами три легковые машины – есть из чего выбрать.

Я готова кричать от радости.

– Ну, наконец-то, – говорит кто-то.

Но это сказал не Адам.

Глава 39

Повсюду кровь.

Адам на земле, зажимает руками рану, но я не вижу, куда попала пуля. Вокруг него солдаты. Я впиваюсь в хватающие меня руки, пинаю воздух, кричу в пустоту. Кто-то оттаскивает меня прочь. Боль охватывает все тело, выкручивает суставы, крошит кости. Я хочу пробить криком небо, хочу упасть на колени и оросить слезами землю. Я не понимаю, почему от воплей мне не становится легче, почему мой рот зажимает чья-то ладонь.

– Если отпущу, обещаю не кричать, – говорит мне кто-то и касается моего лица голыми руками. От неожиданности я роняю пистолет.

Уорнер затаскивает меня в относительно целое здание. Ударяет по выключателю. С тихим гулом загораются, мигая, лампы дневного света. На стенах скотчем приклеены картинки, к пробковым доскам приколоты алфавитные радуги. Маленькие парты. Мы в школьном классе.

Это сюда Джеймс ходит учиться?

Уорнер опустил руку. В его стеклянных зеленых глазах странная радость, при виде которой я застыла на месте.

– Боже, как я по тебе соскучился, – говорит он. – Ты же не думала, что я дам вам уйти?

– Ты застрелил Адама, – с трудом произношу я. Мысли вязнут в недоверии, я все время вижу его перед собой скорчившимся на красном от крови асфальте. Мне надо знать, жив ли он. Он должен быть жив.

Глаза Уорнера сверкнули.

– Кент мертв.

– Нет!

Он теснит меня в угол. Никогда еще я не была такой беззащитной и слабой. Семнадцать лет я желала лишиться проклятого дара, но сейчас отдала бы все, лишь бы вернуть его. Глаза Уорнера неожиданно потеплели. Постоянную смену его настроения не предугадаешь, к ней трудно привыкнуть.

– Джульетта. – Он касается моей руки так нежно, что я изумляюсь. – Ты заметила? Я невосприимчив к твоему дару. – Он внимательно смотрит мне в глаза. – Невероятно, правда? Ты заметила? – снова спрашивает он. – Когда пыталась бежать? Ты почувствовала?

Уорнер абсолютно ничего не пропускает. Уорнер подмечает каждую мелочь.

Конечно, он знает.

Но меня потрясла нежность в его голосе. Искренность, с которой он спрашивает. Уорнер словно одичавшая собака, обезумевшая, озверевшая, жаждущая крови и одновременно похвалы и привязанности.

Любви.

– Мы же можем быть вместе! – продолжает Уорнер, не обращая внимания на мое молчание. Он притягивает меня к себе слишком близко. Я замерзаю в пятистах слоях страха, сокрушенная горем и недоверием.

Его рука тянется к моему лицу, губы приближаются к моим. Голова горит, готовая взорваться от нереальности происходящего. Я словно смотрю со стороны, выйдя из тела, неспособная вмешаться. Больше всего меня поражают нежные руки и искренний взгляд.

– Я хочу, чтобы ты выбрала меня, – говорит он. – Хочу, чтобы ты выбрала жизнь со мной. Хочу, чтобы ты этого захотела...

– Ты сумасшедший, – задыхаясь, отвечаю я.

– Ты ведь ничего не боишься, кроме своего дара. – Слова льются мягко, неторопливо, вкрадчиво. Я впервые замечаю, какой чарующий у него голос. – Признай, – продолжает Уор-

нер, – мы созданы друг для друга. Ты хочешь власти. Тебе нравится ощущение оружия в руке. Тебя тянет ко мне.

Я пытаюсь размахнуться кулаком, но он ловит мои запястья и прижимает руки к бокам, притиснув меня к стене. Он гораздо сильнее, чем кажется.

– Не лги себе, Джульетта. Ты вернешься со мной независимо от твоего желания, но ты ведь можешь и захотеть этого. Научись получать от этого удовольствие!

– Никогда, – обессиленно шепчу я. – Ты извращенное, сумасшедшее чудовище...

– Ты говоришь совсем не то, – перебивает меня искренне разочарованный Уорнер.

– Это единственный ответ, какой ты всегда будешь получать.

Его губы совсем близко.

– Но я люблю тебя.

– Ложь!

Он прижимается лбом к моему лбу и смотрит на меня в упор.

– Что ж ты со мной делаешь?..

– Я ненавижу тебя!

Он очень медленно качает головой и наклоняется, зарываясь носом в ямку у меня между ключицами. Меня пронизывает дрожь ужаса, которую он понимает неправильно. Его губы касаются моей кожи, и у меня вырывается тихое поскуливание.

– Господи, как хочется откусить от тебя кусочек...

Я замечаю блеск металла во внутреннем кармане его куртки.

Во мне пробуждается надежда и ужас. Я собираюсь с силами для того, что предстоит сделать, долю секунды испытываю мучительную тоску по уходящей чистоте...

И расслабляюсь.

Почувствовав, что напряжение покидает меня, Уорнер улыбается, ослабляет хватку и обвивает рукой мою талию. Подавляю рвотные позывы, чтобы не выдать себя.

На военной куртке миллион пуговиц, сколько же понадобится расстегнуть, чтобы добраться до пистолета? Его руки уже ощупывают мое тело, съезжают по спине ниже, все, что мне остается, – удерживаться от безрассудства. Мне не одолеть его без оружия. Отчего он может безнаказанно касаться меня? Загадка вроде той, каким образом я проломила вчера бетонную стену. Не знаю, откуда во мне берется эта энергия.

Сейчас все козыри на руках Уорнера. Нельзя себя выдавать.

Пока еще рано.

Я кладу ладони ему на грудь. Он с силой прижимает меня к себе. Приподнимает подбородок, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Я буду к тебе добр, – шепчет он. – Я буду хорошо к тебе относиться, Джульетта, обещаю. Надеюсь, он не замечает, как меня трясет.

Он целует меня – жадно, грубо, словно желая сломать, открыть и попробовать. Я так поражена и испугана, что забываю себя и стою без движения, сдерживая отвращение. Шаря руками по его груди, я вспоминаю об Адаме и красном асфальте, об Адаме и звуках выстрелов, об Адаме, плававшем в своей крови, и едва не отпихиваю Уорнера. Но его, похоже, не оттолкнешь.

Он прерывает поцелуй и шепчет мне на ухо какую-то чушь. Обхватывает мое лицо ладонями, и на этот раз я притягиваю его ближе, обеими руками вцепившись в куртку, и с силой целую, одновременно сражаясь с первой из пуговиц. Уорнер хватает меня за ягодицы, грубо тискает мое тело. Он оставляет вкус перечной мяты и пахнет гарденией. Меня обнимают сильные руки, мягкие губы почти сладки на моей коже. Я чувствую странное электризирующее возбуждение, которого совершенно не ожидала.

Голова начинает кружиться.

Его губы на моей шее, пробуют, пожирают меня. Усилием воли заставляю себя мыслить холодно и трезво. Напоминаю себе об извращенности ситуации. Я не знаю, как увязать путающиеся мысли, свое нерешительное отвращение, необъяснимую химическую реакцию на губах. Я должна с этим покончить, и немедленно.

Я тянусь к его пуговицам.

Уорнера отчего-то охватывает бурная радость.

Он приподнимает меня и прижимает к стене, поддерживая за ягодицы. Заставляет раздвинуть ноги и обхватить его бедра. Он не понимает, что обеспечил мне прекрасный доступ к внутреннему карману своей куртки.

Его губы находят мои, его руки лезут мне под майку, он тяжело дышит, хватка становится сильнее, и я в отчаянии почти разрываю куртку. Я не в силах позволить этому продолжаться. Не знаю, насколько далеко намерен зайти Уорнер, но поощрять его безумие не стану.

Мне нужно, чтобы он подался ко мне еще на дюйм...

Пальцы обхватили пистолет.

Я почувствовала, как Уорнер замер и отшатнулся. Я видела, как замешательство на его лице сменилось страхом, тоской, гневом. Он разжал руки, и я упала на пол в тот момент, когда палец нажал на спусковой крючок.

Сила оружия заставит присмиреть любого. Звук выстрела гораздо громче, чем я ожидала, – эхо некоторое время вибрирует в ушах в такт ударам сердца.

Сладчайшая музыка.

Маленькая победа.

На этот раз пролилась кровь не Адама.

Глава 40

Уорнер падает.

Я вскакиваю и выбегаю с его пистолетом на улицу.

Мне нужно найти Адама. Нужно угнать машину. Нужно найти Джеймса и Кенджи. Нужно научиться водить. Нужно отвезти всех в безопасное место. Нужно все сделать в перенесенном порядке.

Адам не мертв.

Он не может быть мертв.

Он не умрет.

Солнце садится. Подошвы стучат по тротуару ровно и часто, лицо и майка забрызганы кровью, руки слегка дрожат. Резкий ветер заставляет вернуться к безумной реальности, в которой я барахтаюсь. Глубоко вздохнув, смотрю на закат и понимаю, что до темноты почти не осталось времени. С улиц всех эвакуировали, и у меня нет даже догадок, где могут быть люди Уорнера.

Интересно, у него в крови тоже следящая сыворотка? Кто-нибудь уже знает, что Уорнер мертв?

Держась в тени, пробираюсь по улицам, стараясь вспомнить, где Адам лежал на земле. Но память подводит, с тех пор уже много чего случилось, мозг не в состоянии подмечать мелкие детали. Ужас плещет холодом в сердце: мне не справиться. Адам сейчас может быть где угодно. Они могли сотворить с ним все, что хотели.

Я даже не знаю, что искать.

Не исключено, что я зря трачу время.

Заслышав движение, бросаюсь в переулок. Пальцы каменеют, вцепившись в ставший скользким пистолет. Теперь, после выстрела, я чувствую себя увереннее – понимаю, чего ожидать и как стрелять. Не знаю, радоваться или пугаться, что я так быстро оправилась, пролив кровь человека.

Шаги.

Распластываюсь на неровной, грубой стене, надеясь, что меня скроет тень, и гадаю, нашли уже Уорнера или нет.

Солдат проходит совсем близко. Поперек груди у него болтаются карабины, в руках автомат меньшего размера. Я смотрю на свой пистолет. Надо же, сколько бывает разного оружия. Мои микроскопические знания в этой области подсказывают лишь, что оружие бывает крупнее и меньше, одно надо часто перезаряжать, другое вроде моего пистолета – нет. Может, Адам научит меня...

Адам.

Я всасываю воздух и крадучись иду по улицам. Заметив особенно темную тень на тротуаре, стараюсь ее обогнуть, но, поравнявшись, различаю, что это пятно крови.

Адам.

Стискиваю зубы, пока боль не подавляет крика. Дышу часто-часто. Надо сосредоточиться и воспользоваться этой подсказкой. Нужно посмотреть...

Надо идти по кровавому следу.

Те, что тащили Адама, не возвращались, чтобы замыть кровь. Дорожка красных капель ведет от широких улиц к плохо освещенным проулкам. Стемнело уже настолько, что мне приходится нагибаться, чтобы не потерять след. Я не понимаю, куда он ведет. Капель становится меньше. По-моему, они исчезли. Темные пятна, которые мне попадаются, – это старая жвачка, втертая в асфальт, или когда-то давно здесь вытекала жизнь из другого человека. След оборвался.

Я вернулась на несколько шагов и прошла еще раз, и еще, и так трижды, прежде чем сообразила – Адама наверняка внесли в здание. Старый металлический ангар с ржавой дверью, по виду не открывавшейся лет сто. Но других вариантов у меня нет.

Я подергала ручку. Заперто.

Я навалилась всем телом, пытаюсь сломать, била по ней, но только заработала синяки. Можно было пулей вынести замок, как делал Адам, но я не совсем понимала, куда стрелять, и не хотела шуметь.

Должен быть другой вход.

Другого входа не оказалось.

Во мне росло отчаяние, безнадежность лишала сил. Я готова была истерически кричать, пока не разорвутся легкие. Адам наверняка в этом здании.

А я стою у входа и не могу попасть внутрь.

Как все неправильно, несправедливо...

Я сжимаю кулаки, пытаюсь отогнать отвратительное сознание собственной ничтожности, но чувствую, что схожу с ума, становлюсь дикой, безумной. Адреналин отступает, внимание рассеивается, солнце садится за горизонт, перед глазами мелькают лица Джеймса, Кенджи и Адама, Адама, Адама, руки Уорнера на моем теле, его губы, пожирающие мой рот, его язык, пребывающий мою шею, и кровь повсюду,

повсюду,

повсюду,

повсюду.

И тут я совершаю глупость.

Я бью в дверь кулаком.

В следующий миг мысль догоняет движение, и я внутренне готовлюсь к жесткому удару о стальную пластину и боли от раздробленных костей. Но кулак пробивает сталь двенадцати дюймов толщиной, будто масло. Я поражена. Я собираю эту летучую энергию и бью в дверь ногой, разнося стальные листы. Руками рву сталь в клочья, расчищая себе дорогу.

Меня подхватывает небывалый подъем и дикая радость: мне нравится мять и корежить стальные листы.

Так вот как я проломила бетонную стену в камере пыток!.. Стоп, получается, но я по-прежнему не знаю, как крошила бетон в штаб-квартире Уорнера.

Не теряя времени, лезу в образовавшуюся дыру и ныряю в тень. Это нетрудно: внутри совершенно темно. Ни ламп, ни звуков работающих машин, ни электричества. Очередной брошенный склад.

Осматриваю пол, но крови нигде нет. Сердце одновременно взмывает и падает свинцовым грузилом. Я хочу, чтобы с ним все было хорошо. Я хочу, чтобы он был жив. Адам не мертв. Не может этого быть.

Адам обещал Джеймсу вернуться.

Он никогда не нарушит обещания, данного братишке.

Сперва я двигаюсь осторожно, опасаясь нарваться на солдат, но вскоре понимаю, что склад пуст. Решаюсь перейти на бег.

Забыв об осторожности, пролетаю через двери и кручусь на месте, рассматривая обстановку. Это не склад, это какая-то фабрика.

Старые машины громоздятся у стен, ленты конвейера неподвижно замерли, тысячи ящиков с оборудованием сложены небрежными штабелями. Слышу чье-то дыхание, подавленный кашель.

Бросаюсь через двойные двери – створки закачались – и ищу источник слабого звука. Напрягаю слух и снова слышу чье-то тяжелое, болезненное дыхание.

Иду в том направлении, откуда слышится хрип. Это наверняка Адам. Пистолет в руке, я готова стрелять, внимательно вглядываюсь в темноту, ожидая нападения. Ноги двигаются проворно, легко, бесшумно. Я едва не стреляю в тень от штабеля ящиков. Отдышавшись от испуга, поворачиваю за угол.

И едва не оседаю на пол.

Адам подвешен за связанные запястья, без футболки, окровавленный и избитый. Голова свисает на грудь, левая штанина промокла от крови, несмотря на зажим, наложенный на бедро. Я не знаю, сколько времени он так висит; странно, что руки еще не выскочили из плечевых суставов. Значит, Адам продолжает бороться. Он держится.

Веревка на запястьях перекинута через какой-то металлический прут, тянущийся под потолком через весь зал. Приглядевшись, замечаю, что это часть конвейера. Адам висит на крюке конвейера.

Стало быть, это не просто фабрика.

Это бойня.

Я слишком бедна, чтобы позволить себе роскошь истерики.

Нужно придумать, как опустить его на пол, но я боюсь подходить. Оглядываю бывший цех, ища засаду, но вдруг понимаю, что с моей стороны угрозы не ожидают. Думают, мной сейчас занимается Уорнер.

Никто меня здесь не ждет.

Забираюсь на конвейерную ленту. Адам пытается приподнять голову. Стараюсь не смотреть на его раны, иначе воображение лишит меня последних сил. Не здесь. Не сейчас.

– Адам?

Он неожиданно резко вскидывает голову. Лицо почти не повреждено, только несколько ссадин. Знакомые черты чуть успокаивают меня.

– Джульетта...

– Мне нужно отрезать веревку и как-то спустить тебя...

– Боже, Джульетта, как ты меня нашла? – Он кашляет, хрипит, дышит с трудом.

– Позже. – Я осторожно касаюсь его лица. – Я потом все тебе расскажу. Сейчас мне нужен нож.

– В штанах.

– Что?

– Нож, – он с трудом сглатывает, – у меня в штанах.

Я лезу в карманы, но он качает головой. Смотрю ему в лицо.

– Где?

– Во внутреннем кармане.

Я срываю с него брюки. В подкладку вшит маленький карман. Там лежит складной нож, балисонг. Я такие раньше видела.

Они сейчас запрещены законом.

Начинаю громоздить ящики на конвейерную ленту и карабкаюсь вверх, надеясь не загреметь на пол вместе со всем штабелем. Нож очень острый, быстро режет путы. С опозданием узнаю в веревке тот самый шнур, по которому мы сбежали.

Адам свободен. Спускаюсь, закрываю нож и кладу к себе в карман. Я не представляю, как вывести отсюда Адама. Запястья у него ободраны до мяса, исеченное тело – сплошная рана, кровь идет из раны на ногу даже через пулю.

Он едва не падает.

Я стараюсь поддерживать Адама как можно нежнее, прижимая его осторожно и не причиняя боли. Он молчит, скрывая, что ему больно дышать. Он вздрагивает от боли, но не жалуется даже шепотом.

– Поверить не могу, что ты меня нашла, – говорит он.

Я понимаю, что сейчас не время и это неразумно, но я целую его.

– Ты не умрешь, – бормочу я. – Мы выберемся. Угоним машину, найдем Джеймса и Кенджи и уедем в безопасное место.

Адам смотрит на меня.

– Поцелуй меня еще, – просит он.

И я целую.

До двери мы добираемся целую вечность. Адама приволокли в один из дальних цехов, и найти дорогу к выходу оказалось труднее, чем я предполагала. Адам идет сам, даже пытается спешить, но все происходит не быстро.

– Мне сказали, Уорнер сам убьет меня, – объяснил он. – Нарочно в ногу выстрелил, чтобы только ранить. Хотел увезти тебя и вернуться ко мне позже. Планировал пытать меня до смерти. – Адам вздрогнул от боли. – Сказал, что ждет не дождется приятного процесса и не хочет спешить. – Он с трудом засмеялся и закашлялся.

~~Его руки на моем теле, его руки на моем теле, его руки на моем теле...~~

– Значит, тебя просто связали и оставили?

– Сказали, здесь меня никто не найдет. Дескать, здание целиком из бетона и бронированной стали, на танках не прорваться. – Адам останавливается и смотрит на меня. – Господи, как я рад, что с тобой все в порядке!

Я улыбаюсь ему, надеясь, что сердце не выпадет наружу сквозь огромную невидимую дыру.

Когда мы доходим до двери, Адам замолкает при виде искореженной массы металла.

– Как ты это...

– Не знаю, – призналась я, пожав плечами с безразличным видом. – Пробила кулаком, и все.

– Пробила, и все?

– Ну... и ногой добавила.

Он улыбается, и мне хочется разрыдаться в его руках. Смотрю в лицо, чтобы не видеть изуродованного тела.

– Пошли, – говорю я, – закон нарушать.

Оставляю Адама в тени и мчусь на большую улицу, ища брошенные автомобили. Машина попала только через три переулка.

– Слушай, как ты себя чувствуешь? – не выдержала я, боясь услышать ответ.

Адам сжал губы и попытался кивнуть.

– Нормально.

Скверно.

– Подожди здесь.

Вокруг чернильная тьма, ни единого фонаря. Это и хорошо, и плохо. С одной стороны, нас никто не увидит, с другой – легко напороться на засаду. На цыпочках подхожу к машине.

Уже собираясь разбить боковое стекло, на всякий случай проверяю ручку.

Не заперто.

Ключи в зажигании.

На заднем сиденье пакет с продуктами.

Кто-то ударился в панику при звуках тревожной сирены и объявлении о комендантском часе. Побросали все и кинулись в дом. Невероятно! Было бы еще лучше, умей я водить.

Я бегом вернулась к Адаму и помогла ему забраться на пассажирское сиденье. Когда он садился, я поняла, что ему очень больно сгибаться, напрягать мышцы торса, касаться ребер.

– Все нормально, – лжет он. – Все равно стоять я уже не могу.

Я лезу в пакет на заднем сиденье и перебираю продукты. Настоящая еда! Не странные бульонные кубики для Автомата, а фрукты и овощи. Даже у Уорнера я ни разу не видела бананов.

Я протянула желтый банан Адаму.

– Съешь пока.

– Не знаю, смогу я есть или... – Он замолкает. – Это что, настоящий банан?

– По-моему, да.

Раздумывать времени нет. Я очищаю банан для Адама и заставляю его съесть немного. В бананах вроде бы есть калий. Хоть бы проглоченное успело усвоиться.

Смотрю на педали.

– Сколько у нас времени? Уорнер уже отрядил погоню? – спрашивает Адам.

Прерывисто вздыхаю.

– Не знаю.

Пауза.

– А как ты от него сбежала?

– Застрелила, – отвечаю я, глядя прямо перед собой.

– Не может быть! – В его голосе слышится изумление и восхищение.

Я показываю пистолет Уорнера с гравировкой на рукоятке.

Адам поражен.

– Так он что, мертв?!

– Точно не знаю, – призналась я, разглядывая бороздки на руле.

Я слишком долго нажимала на спусковой крючок – он шел туже, чем я ожидала. Удерживать пистолет тоже оказалось труднее. Уорнер уже отпустил меня, когда пуля прошила его тело. Я целилась в сердце.

Надеюсь, не промахнулась.

Некоторое время мы сидели тихо.

– Адам!

– Да?

– Я не умею водить.

Глава 41

– Повезло, хоть рычагом не ворочать, – пытается засмеяться он.

– Каким рычагом?

– Ну, что здесь не ручная передача.

– Как это?

– Немного сложнее, чем здесь.

Я прикусываю губу.

– Ты помнишь, где мы оставили Джеймса и Кенджи?

Не хочу даже думать, что они могли куда-нибудь перейти или их обнаружили. Не хочу даже допускать такую возможность.

– Да. – Я чувствую, что Адам думает о том же.

– Как ехать?

Адам говорит – справа педаль газа, слева – тормоз. Чтобы тронуться с места, передачу нужно переключить на D. Поворачивать с помощью руля, в зеркало следить за тем, что позади. Фары включать нельзя, придется довольствоваться светом луны.

Под диктовку Адама поворачиваю ключ, нажимаю тормоз, переключаюсь на D, отпускаю педаль тормоза. Нажимаю на газ и чуть не въезжаю в стену.

Вот так мы добились до заброшенного дома.

Газ. Тормоз. Газ. Тормоз. Слишком сильно на газ. Слишком резко на тормоз. Адам не жалуется, и от этого еще хуже. Могу только догадываться, каково ему при такой езде. Радуюсь, что мы хотя бы живы. Пока.

Не знаю, почему нет погони. Действительно ли Уорнер мертв? Тогда начался бы хаос. Почему вокруг ни одного солдата? Пропали, как не было.

Думаю.

Доехав до смутно знакомого полуразрушенного дома, забываю поставить машину на паркинг. Это делает Адам. Я помогаю ему пересесть назад. Он спрашивает: зачем?

– Потому что за руль сядет Кенджи, а твой брат не должен видеть тебя в таком состоянии. Сзади темно, он не разглядит.

Спустя невыносимо долгую секунду Адам кивает. Я бегу к полуразрушенному дому. Открываю дверь. Вижу в темноте два смутных силуэта. Моргаю, фигуры становятся более четкими. Джеймс спит, положив голову на колени Кенджи. Сумки открыты, консервные банки валяются на полу. Молодцы, не растерялись.

Слава Богу, с ними все в порядке.

Обмираю от облегчения.

Кенджи с усилием берет Джеймса на руки. Его лицо серьезно, неподвижно. Он не улыбается, не болтает ерунды. Он смотрит мне в глаза, будто понимая, почему мы так задержались, словно лишь по одной причине я могу выглядеть черт-те как и явиться в залитой чужой кровью майке. И наверное, с забрызганным кровью лицом. И коричневыми от засохшей крови руками.

– Как он?

У меня едва не начинается истерика.

– Тебе придется вести машину.

Кенджи с трудом вздыхает и несколько раз кивает.

– Правая нога-то у меня здоровая, – говорит он. Боюсь, я заставила бы его сесть за руль даже с обеими поврежденными ногами. Нам надо добраться в то безопасное место, а с моим вождением далеко не уедешь.

Кенджи усаживает спящего Джеймса на пассажирское сиденье, и я очень радуюсь, что мальчик не просыпается.

Подхватываю спортивные сумки и отношу на заднее сиденье. Кенджи садится за руль. Смотрит в зеркало заднего вида.

– Рад видеть тебя живым, Кент.

Адам почти улыбается. Качает головой.

– Спасибо, что позаботился о Джеймсе.

– Теперь ты мне доверяешь?

Тихий вздох.

– Все может быть.

– Сойдет и «может быть», – ухмыляется Кенджи и заводит мотор. – Поехали отсюда.

Адама трясет.

Реакция после долгого пребывания на холоде, многочасовых пыток, напряжения и беспощадного самоконтроля. Я роюсь в сумках, ища пальто, но нахожу только футболки и свитера. Не знаю, как натянуть их на Адама, не причинив невыносимой боли.

Решаю разрезать их. Достаяю нож-бабочку и разрезаю несколько свитеров Адама вдоль, оборачивая его как одеялом.

– Кенджи, в машине есть печка?

– Уже включил, но она еле пашет.

– Сколько еще ехать?

– Недолго.

– За нами никто не едет?

– Нет. – Он замолкает. – Странно. Не понимаю, почему никто не обратил внимания на машину во время комендантского часа. Тут что-то не то.

– Верно.

– И еще, не знаю, в чем дело, но моя сыворотка либо не работает, либо им на меня вообще наплевать.

Крохотная деталь всплывает на краю сознания.

– Ты говорил, что спал в сарае? Той ночью, когда убежал?

– Да, ну и что?

– Где этот сарай?

– Не знаю, – пожимает плечами Кенджи. – На каком-то огромном поле, заросшем черт-те чем. Я сорвал какой-то фрукт, а от него дерьмом воняет.

– Такой огромный пустырь? Ни строений, ни людей?

– Да.

– Ядерный завод, – говорит Адам, который тоже догадался.

– Какой еще завод? – осведомляется Кенджи.

Я объясняю.

– Блин горелый! – Кенджи сжимает руль. – Значит, я мог помереть, но не помер?

Я игнорирую его вопрос.

– Но как они вышли на нас? Как вычислили твой дом?

– Не знаю, – вздохнул Адам и закрыл глаза. – Может, Кенджи лжет.

– Да хватит уже, лжет да лжет...

– О! – перебивает Адам. – Или подкупили Бенни.

– Не может быть! – вырывается у меня.

– Отчего же? Все возможно.

Мы замолчали. Я вглядываюсь в окно, но это почти бесполезно. Ночное небо – чан дегтя, заливающего наш мир.

Повернувшись к Адаму, вижу его запрокинутую голову, стиснутые кулаки, почти белые в темноте губы. Подтыкаю свитера плотнее. Он подавляет дрожь.

– Адам! – Я отбрасываю прядь темных волос с его лба. Волосы немного отросли – в мою камеру он вошел коротко стриженным. Никогда не думала, что его волосы такие мягкие. Как растаявший шоколад. Вот бы он перестал коротко стричься...

Подвигав челюстью, он приоткрывает губы и снова лжет мне:

– Я нормально.

– Кенджи!

– Пять минут, клянусь! Я выжимаю на этой развалине полный газ...

Трогаю запястья Адама, веду по нежной коже кончиками пальцев. Свежие шрамы с запекшейся кровью. Целую его ладонь. Он прерывисто вздыхает.

– С тобой все будет хорошо, – говорю я.

Его глаза закрыты, но он слабо кивает.

– Что ж вы мне не сказали, что вы вместе? – неожиданно спрашивает Кенджи.

– Что? – Сейчас не время краснеть.

Кенджи вздохнул. В зеркале я замечаю блеск в его глазах. Отек почти прошел, лицо приобретает нормальный вид.

– Вот слепота куриная, такое проглядел... Черт, он так на тебя смотрит, будто в жизни баб не видел. Будто перед голодным поставили еду и запретили к ней прикасаться.

Адам тут же открывает глаза. Я стараюсь понять его взгляд, но он на меня не смотрит.

– Чего ты мне просто не сказал? – повторяет Кенджи.

– Я еще сам не спрашивал, – едва слышно отвечает Адам. Сил у него все меньше. Не надо ему тратить их на разговоры.

– погоди, ты со мной говоришь или с ней? – оборачивается Кенджи.

– Давай отложим, – начинаю я, но Адам качает головой.

– Я сказал Джеймсу, не спросив тебя. Я... поспешил. – Он помолчал. – Не хочу навязываться. У тебя всегда должен быть выбор. И со мной ты будешь, если сама захочешь.

– Так, я притворился, что вас не слышно. – Кенджи делает неопределенное движение рукой. – Продолжайте, пользуйтесь возможностью.

Я гляжу Адаму в глаза, смотрю на его мягкие губы и нахмуренные брови.

Я наклоняюсь к его уху и шепчу, чтобы только он слышал меня:

– Ты поправишься. А когда поправишься, я покажу, какой выбор я сделала. Своими губами я узнаю каждый дюйм твоего тела.

У Адама вырывается неровный вздох.

Его глаза смотрят на меня почти лихорадочно, и я боюсь, что от моего признания ему станет хуже.

Я отстраняюсь, но Адам удерживает меня, положив руку на бедро.

– Не уходи, – просит он. – Только твое прикосновение удерживает меня от безумия.

Глава 42

– Мы на месте. Сейчас ночь. Глупостей вроде не выкинули, – сказал Кенджи, переключая передачу на паркинг.

Мы снова под землей, в каком-то хитром подземном гараже. Только что ехали по дороге и вдруг словно нырнули в канаву. Дыру почти невозможно обнаружить, особенно в темноте. Надежное убежище, Кенджи правду говорил.

Я уже несколько минут не даю Адаму отключаться. Он борется со смертельной усталостью, кровопотерей, голодом, болью. Чувствую себя совершенно бесполезной.

– Адама нужно доставить прямо в медицинское крыло, – заявляет Кенджи.

– Здесь есть медики? – Мое сердце взмывает на парашуте.

Кенджи ухмыляется:

– Здесь всё есть. И всё могут, не хуже твоего. – Он нажимает выключатель в потолке. Слабый свет освещает старый седан. Кенджи направился к двери. – Подожди здесь, я приведу кого-нибудь с носилками.

– Слушай, что с Джеймсом?

– Эгхм. – Кенджи на секунду сжимает губы. – Он еще поспит малость.

– То есть?

Он смущенно кашляет и расправляет мятую рубашку.

– Ну, я типа дал ему кое-что... для облегчения дорожных тягот.

– Ты накормил десятилетнего снотворным? – Мне хочется свернуть Кенджи шею.

– А что, лучше, чтобы он не спал и хрен знает чего насмотрелся?

– Адам тебя прикончит.

Кенджи смотрит на опущенные веки Адама.

– Сегодня точно не сможет. – Поколебавшись, он возвращается к машине, нагибается и гладит Джеймса по волосам. – Замечательный пацан. Утром будет как огурчик.

– Я не верю тебе.

– Эй, эй! – Он поднимает руки. – Все будет нормально. Я не хотел, чтобы мальчишка перепугался сильнее, чем нужно. Может, даже Адам со мной согласен!

– Я убью тебя, – едва слышно откликается Адам.

Кенджи смеется.

– Держись, держись, дружище, а то я подумаю, что ты шутишь.

Кенджи скрывается за дверью.

Я не даю Адаму засыпать, говорю, что мы почти в безопасности, касаюсь губами его лба. Изучаю каждую тень, каждую черту, каждую ссадину и синяк на его лице. Мышцы у него расслабились, лицо уже не напряжено. Дыхание стало чуть легче. Я целую его верхнюю губу. Потом нижнюю. Потом щеки, нос, подбородок.

После этого все происходит очень быстро.

Дверь распахивается, и к машине подбегают четверо: двое примерно моего возраста, двое постарше. Двое мужчин и две женщины.

– Где он? – спрашивает женщина постарше, оглядываясь в тревоге. Глядя на них, я не понимаю, видят они меня или нет.

Кенджи открывает дверцу со стороны Адама. Он уже не улыбается. Он выглядит... другим – сильнее, быстрее. Даже ростом выше стал. Он командует. Ему подчиняются. Эти люди знают его.

Адама перекладывают на носики и немедленно осматривают. Все говорят одновременно – о сломанных ребрах, кровопотере, дыхательных путях, каком-то ЖЕЛ³ и «что у него с запястьями?». Кто-то проверяет пульс. «Давно кровоточит рана на бедре?» Молодые мужчина и женщина смотрят на меня. Все вошедшие странно одеты.

Странные костюмы, белые с серыми полосами по бокам. Это у них медицинская форма такая?

Адама уносят.

– Подождите! – Я выбираюсь из машины. – Подождите, я хочу пойти с ним...

– Не сейчас, – останавливает меня Кенджи. – Тебе нельзя там быть. Не сейчас.

– Как это? Что они с ним будут делать? – Мир выцветает, становится расплывчатым, потом преувеличенно четким, серые тени мелькают длинноногими силуэтами с суетливыми движениями. Внезапно все теряет смысл. Я перестаю что-либо понимать. Моя голова – плоский асфальт, меня затоптали насмерть. Я не знаю, где мы. Я не знаю, кто Кенджи. Кенджи – друг Адама. Адам знает его. Адам. Мой Адам. Адам, которого у меня забрали и не пускают с ним, я хочу, но мне не позволяют, а я не понимаю почему...

– Джульетта, они помогут ему. Соберись, не раскисай. Я понимаю, день выдался сумасшедший, но мне нужно, чтобы ты оставалась спокойной.

Его голос. Такой ровный. Такой неожиданно четкий.

– Кто ты? – Я начинаю паниковать, уже готова схватить Джеймса в охапку и бежать, но не могу. Кенджи что-то сделал с Джеймсом, и даже знай я, как разбудить мальчишку, мне все равно нельзя к нему прикасаться. Я готова вырвать себе ногти. – Кто ты?

Кенджи вздыхает.

– Ты давно не ела. Ты без сил. Ты испытала шок, а сейчас охвачена бурей эмоций. Рассуждай логично. Я тебе не наврежу. Ты в безопасности. Адам в безопасности. Джеймс в безопасности.

– Я хочу быть с ним! Я хочу видеть, что с ним делают!

– Я не могу тебе этого разрешить.

– Что ты собираешься со мной делать? Зачем ты меня сюда привез? – Глаза расширяются, взгляд мечется по сторонам. Я кручусь на месте, словно в водовороте собственного воображения, не умея плавать. – Чего тебе от меня надо?

Кенджи опускает глаза. Потирает лоб. Лезет в карман.

– Ну, видит Бог, я не хотел этого делать...

Кажется, я кричу.

³ Жизненная емкость легких (мед.).

Глава 43

Проснувшись, в первое мгновение я кажусь себе старой скрипучей лестницей.

Кто-то меня вымыл, оттер – кожа кажется атласной. Ресницы мягкие, волосы гладкие, расчесанные, блестят в искусственном свете, шоколадной рекой сбегая вдоль бледных берегов моей кожи и мягкими волнами спадая на ключицы. Суставы болят. Переутомленные глаза по-прежнему жжет. Я лежу обнаженная под плотной простыней, идеально вымытая, как фарфоровая кукла.

Я слишком устала, чтобы думать об этом.

Обвожу комнату сонными глазами, но разглядывать особо нечего. Я лежу в кровати. Вокруг четыре стены. Одна дверь. Рядом тумбочка, на ней стакан воды. Вверху жужжат лампы дневного света. Все белое.

В моей жизни явно что-то меняется.

Я беру стакан воды, и дверь открывается. Натягиваю простыню как можно выше.

– Как вы себя чувствуете?

Высокий мужчина в пластмассовых очках в черной оправе, в простом свитере и отглаженных брюках. Соломенно-желтые волосы свисают на глаза.

В руках планшет с зажимом для бумаги.

– Кто вы?

Он берет стул, которого я не заметила в углу, ставит к кровати и присаживается.

– Голова кружится? Мысли путаются?

– Где Адам?

Он держит ручку над листом бумаги. Что-то записывает.

– Ваша фамилия пишется с двумя «с» или с одним?

– Что вы сделали с Джеймсом? Где Кенджи?

Мужчина останавливается. Поднимает взгляд. Ему не более тридцати лет. У него крючковатый нос и щетина суточной давности.

– Можно, я удостоверюсь, что с вами все в порядке? Тогда отвечу на ваши вопросы. Не мешайте заполнять стандартный протокол.

Я моргаю.

Как я себя чувствую? Не знаю.

Снились ли мне сны? Кажется, нет.

Знаю ли я, где нахожусь? Нет.

Чувствую ли я себя в безопасности? Не сказала бы.

Помню ли я, что произошло? Да.

Сколько мне лет? Семнадцать.

Какого цвета мои глаза? Не знаю.

– Не знаете? – Он откладывает ручку. Снимает очки. – Вы помните, что произошло вчера, но не знаете цвета собственных глаз?

– Кажется, зеленые или голубые. Не уверена. А почему это важно?

– Мне надо убедиться, что вы в состоянии узнать себя. Что вы не забыли, как выглядите.

– Я плохо знаю цвет своих глаз. За последние три года смотрелась в зеркало всего однажды.

Незнакомец смотрит на меня, недоуменно сморщив лоб. Я отвожу взгляд и спрашиваю:

– Как же вы ко мне прикасались?

– Простите?

– К моему телу, к коже. Я такая чистая...

– О! – Он прикусил большой палец и сделал какую-то пометку в бумагах. – Да. По приезде сюда вы были покрыты кровью и грязью, имели небольшие порезы, ссадины и синяки. Был риск заражения. Простите за вторжение в личное пространство, но мы не можем допустить, чтобы сюда заносили бактерии. Пришлось провести наружную детоксикацию.

– Ничего, я понимаю, – заспешила я. – Но как?

– Простите?

– Как вы ко мне прикасались?

Он наверняка знает, как же он может не знать?

– А-а, – кивнул он, что-то перечитывая на своем листке. – Латекс.

– Что?

– Латекс. – На секунду подняв глаза, он заметил мое замешательство. – Перчатки.

– Ясно. – Ну конечно, перчатки. Уорнер тоже надевал перчатки, пока не понял...

Пока не понял... Пока не понял... Пока не понял...

Доли секунды, на которые я замешкалась, прыгая из окна. Нерешительность, изменившая все. Мгновение, когда я утратила контроль. Силу. Власть. Он не остановится, пока не найдет меня, и это моя вина.

Надо выяснить, жив он или мертв.

Надо собраться, сохранять спокойствие. Не дрожать, не трястись, следить, чтобы не стошнило. Нужно сменить тему.

– А где моя одежда? – спрашиваю я, играя безупречно белой простыней, скрывающей мои выступающие кости.

– Уничтожена по гигиеническим соображениям. – Он надевает очки. – Для вас подготовлен специальный костюм. Он заметно облегчит вашу жизнь.

– Костюм? – От удивления у меня приоткрывается рот.

– Да. Но к этому перейдем чуть позже. – Он делает паузу. Улыбается. На его подбородке ямочка. – Вы же не станете нападать на меня, как на Кенджи?

– Я напала на Кенджи? – недоуменно морщусь я.

– Слегка, – пожимает плечами незнакомец. – Но зато теперь мы знаем, что у него нет иммунитета к вашему прикосновению.

– Я коснулась его? – Я резко села, едва не забыв подтянуть простыню. Залившись краской, вцепилась в край, как в спасательный круг. – Я искренне прошу прощения...

– Уверен, он примет ваши извинения. – Блондин углубился в свои записи, словно заинтересовавшись собственным почерком. – Что ж, неплохо. Мы ожидали деструктивных тенденций. Вы много вынесли за последнюю неделю.

– Вы психолог?

– Вроде того. – Он отбрасывает волосы со лба.

– Как это – вроде?

Он смеется, замолкает и катает ручку между пальцами.

– Да, в сущности, психолог. Иногда.

– Как прикажете это понимать?

Он открывает рот, но снова сжимает губы. Хотел ответить, но предпочел рассматривать меня. Он смотрит так долго, что я вспыхиваю. Он начинает что-то писать и пишет долго.

– Что я тут делаю? – спрашиваю я.

– Выздоровливаете.

– И давно я тут?

– Вы спали почти четырнадцать часов, вам дали мощное успокоительное. – Блондин смотрит на часы. – Что ж, кажется, с вами все в порядке. – И добавляет, поколебавшись: – Вы прекрасно выглядите. Просто потрясающе.

У меня во рту пригоршня рвущихся на свободу слов. Краска заливает лицо.

– А где Адам?

Он глубоко вздыхает. Подчеркивает что-то в своих записях. Губы изгибаются в улыбке.

– Где он?

– Выздоровливает. – Блондин смотрит на меня.

– С ним все в порядке?

Кивок.

– Да, с ним все в порядке.

– Что это значит?

В дверь стучат двойным стуком.

Незнакомец в очках не пошевелился, сосредоточенно перечитывая свои записи.

– Входи, – говорит он.

Слегка неуверенно входит Кенджи, осторожно посматривая на меня. Вот не думала, что так обрадуюсь его появлению. При виде знакомого лица меня охватывает огромное облегчение и чувство вины: неужели я сильно ему навредила? Кенджи подходит ближе.

Ощущение вины мгновенно исчезает.

Присмотревшись, я вижу, что он невредим. Наступает на ногу, как на здоровую, с лица сошли все следы побоев, веки уже не отекающие, и порез на лбу бесследно зажил, кожа выглядит гладкой и нетронутой. Про себя признаю, что Кенджи был прав.

У него действительно красивое лицо.

Вызывающая линия подбородка. Безупречные брови. Угольно-черные глаза и волосы. Элегантен. Силен. Немного опасен.

– Привет, красотка!

– Прости, что чуть не убила тебя.

– О... – осекается он и засовывает руки в карманы. – Ну, я рад, что мы с этим разобрались.

Я замечаю, что на нем футболка с фабричными дырами и темные джинсы. Сколько же времени я не видела никого в джинсах! Военная форма, хлопковое белье и дизайнерские платья – все, с чем я сталкивалась за последнее время.

Мне стыдно перед Кенджи.

– Я запаниковала, – объясняю я, переплетая пальцы.

– Я так и понял. – Он приподнял бровь.

– Прости.

– Да ладно.

– Ты выглядишь лучше.

Он улыбается. Потягивается. Прислоняется к стене, сложив руки на груди и скрестив ноги.

– Трудно тебе, наверное.

– В смысле?

– Смотреть на мое лицо и сознавать, что я был прав: зря ты сразу отказалась. Но я не гордый и охотно тебя прошу.

Я смотрю на него открыв рот, не зная, захохотать или швырнуть в него чем-нибудь.

– Не заставляй меня дотрагиваться до тебя.

Кенджи сокрушенно качает головой.

– Непостижимо, как можно так клево выглядеть и быть такой в прямом смысле недотрогой! Кенту, гаду, повезло.

– Простите. – Психолог встал. – Вы закончили? – Он смотрит на Кенджи. – Ты вроде по делу пришел.

Кенджи оттолкнулся от стены и выпрямился.

– Да. Слушай, Касл хочет тебя видеть.

Глава 44

– Сейчас? – Блондин растерян больше, чем я. – Но я еще не закончил осмотр!

Кенджи пожал плечами:

– Он хочет ее видеть.

– Кто такой Касл? – спросила я.

Блондин и Кенджи посмотрели на меня. Кенджи отвел глаза, Блондин – нет.

– Кенджи не рассказывал вам, куда вы едете?

– Нет, – неуверенно говорю я, бросая взгляд на Кенджи, упорно рассматривающего пол. –

Он ничего не объяснил. Сказал, знает одно безопасное место и может нам помочь...

Блондин приоткрывает рот, затем начинает хохотать, всхрипывая. Встает и протирает очки подолом рубашки.

– Ну ты и засранец, – говорит он Кенджи. – Почему ты ей правду не сказал?

– Тогда она никогда сюда не поехала бы.

– Откуда тебе знать?

– Она чуть не убила меня!

Я перевожу взгляд с одного на другого, со светлых волос на черные и обратно, и наконец не выдерживаю:

– Что происходит? Я хочу видеть Адама и Джеймса. И дайте мне какую-нибудь одежду!

– Ты голая? – Кенджи вдруг забывает обо всем на свете, вглядываясь в мою простыню.

Невольно покраснев, я раздраженно отвечаю:

– Блондин говорит, мою одежду уничтожили.

– Блондин?! – взвился белокурый психолог.

– А вы не представились!

– Уинстон. Меня зовут Уинстон, – сообщает он.

– Вы что-то говорили о костюме для меня?

Нахмурившись, он смотрит на часы.

– Сейчас у нас нет времени этим заниматься. Дай ей что-нибудь надеть, – обращается он к Кенджи, который по-прежнему, не скрываясь, пялится на меня.

– Я хочу видеть Адама.

– Адам пока не готов вас видеть. – Блондин Уинстон кладет ручку в карман. – Мы сообщим вам, когда он очнется.

– Как прикажете вам доверять, если вы не позволяете мне увидеть Адама и Джеймса? У меня нет самого необходимого. Я хочу встать, дайте что-нибудь надеть!

– Принеси одежду, Мото. – Уинстон подвел часы.

– Я тебе не собачка, Блондин, – огрызается Кенджи. – И не зови меня Мото, сколько раз говорить!

Уинстон сжал переносицу.

– Нет проблем. Я скажу Каслу, что она опоздала по твоей вине.

Кенджи бормочет что-то оскорбительное, выходит и грохает дверью.

Проходит несколько секунд в натянутом молчании.

Я глубоко вздыхаю и решаюсь:

– А что такое Мото?

– Ничего, – пожимает плечами Уинстон. – Это прозвище, у него фамилия Кишимото. Кенджи бесится, когда мы сокращаем. Очень трепетно относится к своей фамилии.

– Тогда зачем вы сокращаете?

– Ее же не выговорить, – фыркает Уинстон.

– Разве это оправдание?

Он хмурится:

– Что?

– Уинстон, вы вышли из себя, когда я назвала вас Блондином. Отчего же Кенджи нельзя возмущаться, когда вы зовете его Мото?

Уинстон бубнит что-то вроде «это не одно и то же».

Я ложусь на постель и опускаю голову на подушку.

– Ну-ну, не будьте лицемером.

Глава 45

В не по росту большой одежде я чувствую себя клоуном. На мне чья-то футболка, чьи-то пижамные штаны и чужие тапочки. Кенджи сказал, что одежду из сумки тоже уничтожили, и чье на мне одеяние, я не знаю. Я буквально теряюсь в избытке ткани.

Пытаюсь завязать лишнее узлами, но Кенджи останавливает меня:

– Ты мне рубашку не порти!

У меня опускаются руки.

– Ты мне свою одежду принес?

– А ты думала, у нас тут платья по углам валяются? – Он посмотрел на меня так, будто мне полагалось быть благодарной за его щедрость.

Ну, все лучше, чем ходить голой.

– А кто этот Касл?

– Он тут главный, – говорит Кенджи. – Лидер всего движения.

– Движения?! – настораживаюсь я.

Уинстон вздыхает. Он очень скрытен. Интересно – почему?

– Если Кенджи вам ничего не сказал, подождите пару минут и услышите все от самого Касла. Терпение, и мы ответим на все ваши вопросы.

– Но что с Адамом? Где Джеймс?

– М-да. – Уинстон проводит рукой по рассыпающимся волосам. – Вы никогда не перестанете об этом спрашивать?

– С ним все в порядке, Джульетта, – вмешивается Кенджи. – Ему просто дольше твоего выздоравливать. Здесь никто не хочет зла ни тебе, ни Адаму, ни Джеймсу. С ними все прекрасно.

Но я не знаю, достаточно ли мне этого «прекрасно».

По проходам и коридорам мы прошли под землей целый город. Каменные стены гладкие или нарочито грубые, оставленные необработанными. В полу через каждые несколько шагов вделаны круглые диски, разливающие искусственный свет. Я вижу компьютеры, разнообразные гаджеты, которые не узнаю, приоткрытые двери в комнаты, заполненные сложной техникой.

– А где вы берете электричество? – Я вглядываюсь в незнакомые машины с мерцающими экранами, слушая несомненный электрический гул компьютеров этого подземного мира.

Кенджи тянет меня за прядь волос. Я оборачиваюсь.

– Воруем, – улыбается он и кивает на узкий коридор. – Сюда.

Люди, молодые и старые, всех национальностей и различной внешности, входят и выходят из комнат, спешат по коридору. Одни смотрят на нас, другие слишком заняты, чтобы замечать нас. Некоторые одеты так же, как те четверо, что выбежали вчера к нашей машине. Странная форма, словно бы необязательная.

– Здесь что, все так одеваются? – шепотом спрашиваю я.

Кенджи поскреб затылок.

– Не все. И не всегда.

– А ты?

– Сегодня нет.

Не обращая внимания на его уклончивость, спрашиваю прямо:

– Ты мне когда-нибудь откроешь страшную тайну – каким образом тебя так быстро подлечили?

– Да, – не моргнув, ответил Кенджи. – Мы тебе много чего расскажем. – Мы свернули в неожиданно открывшийся проход. – Но сперва, – Кенджи остановился у огромной деревянной двери, – с тобой хочет поговорить Касл. Это он тебя затребовал.

– Затребовал?!

– Ну да. – Смущение Кенджи улетучивается.

– Подожди, как это понимать?

– Я не случайно пошел в армию, Джульетта, – говорит он. – И не случайно оказался у двери Адама. Изначально в планы не входило, что меня подстрелят и избьют до полусмерти, но так получилось. Только подвез меня не незнакомый мужик. – Кенджи ухмыльнулся. – Я давно знал, где живет Адам. Работа у меня такая – знать. Мы искали тебя.

Я приоткрыла рот.

– Входи. – Кенджи впустил меня внутрь. – Он выйдет, когда будет готов.

– Удачи, – сказал мне Уинстон.

Я ходила по комнате 1320 секунд, когда вошел Касл.

Точными рассчитанными движениями он с бесстрастным лицом стянул непокорные волосы в хвост и присел посреди комнаты. Стройный, подтянутый, в темно-синем костюме и белой рубашке, без галстука. Лицо гладкое, без морщин, но в волосах серебряная прядь, а по глазам ему можно дать лет сто. Я решила, что Каслу немного за сорок.

Комната пуста, но впечатляет размером. Потолок и пол плотно вымощены обтесанными булыжниками. От этого веет стариной, даже древностью, но современная технология вдохнула сюда новую жизнь. Искусственный свет освещает просторный зал, в каменные стены встроены маленькие мониторы. Не знаю, для чего я здесь. Не знаю, чего ожидать. Я не знаю, что за человек этот Касл, но, проведя много времени с Уорнером, все-таки не оставляю надежды. Я не сознавала, что не дышу, пока Касл не заговорил:

– Надеюсь, вам у нас пока нравится?

Вскинув голову, встречаюсь взглядом с его темными глазами. Голос ровный, бархатистый и сильный. В глазах поблескивает искреннее любопытство и легкое удивление. Отчего-то я забыла все слова.

– Кенджи сказал, вы хотели меня видеть.

– Кенджи прав. – Касл тоже берет паузу, усаживается поудобнее, вглядывается мне в глаза, подбирает слова, двумя пальцами касаясь губ. Хозяин своего времени, он будто не знает слова «нетерпение». – Я слышал о вас... всякие истории и захотел убедиться, что это правда.

– Что вы слышали обо мне?

Касл улыбнулся. Зубы настолько белые, что мне показалось – снег просыпался на шоколадные долины его лица. Он повернул руки ладонями вверх, секунду смотрел на них и поднял глаза на меня.

– Якобы вы можете убить человека голыми руками или просто обнаженной кожей и пальцами сокрушаете бетонные стены пять футов толщиной.

Я карабкаюсь на гору воздуха, то и дело оскальзываясь. Мне нужно за что-то ухватиться.

– Это правда? – спрашивает Касл.

– Скорее слухи могут убить вас, чем я.

Он смотрит на меня очень долго.

– Я хочу вам кое-что показать, – говорит он.

– Мне нужны ответы на мои вопросы, – не выдерживаю я, устав от ложного ощущения безопасности. Не хочу слышать, что Адам и Джеймс в порядке. Не буду никому доверять, пока не получу доказательств. Не стану притворяться, что все хорошо. – Я хочу убедиться, что мой друг в безопасности. С нами был десятилетний ребенок, я хочу его видеть. Мне нужно удостовериться, что он здоров и невредим. Иначе я отказываюсь сотрудничать.

Касл задерживает на мне взгляд на несколько секунд.

– Приятно видеть такую преданность. – Я вижу, что он не шутит. – Вы у нас приживетесь.

– Мои друзья...

– Да, конечно. – Он встал. – Следуйте за мной.

Этот подземный комплекс куда более сложен, чем я представляла. Сотни различных направлений, в которых легко запутаться, почти столько же комнат, одни больше других, у каждой особое предназначение.

– Столовая, – объясняет Касл. – Спальни. – В противоположном крыле. – Учебные классы. – Дальше по коридору. – Общие комнаты. – Мы их как раз проходим. – Ванные, туалеты. – В каждом конце этажа. – Переговорные. – За этой дверью.

В каждой комнате гул голосов, много людей, каждый занят делом. Они поднимают головы. Некоторые машут, улыбаются, рады нас видеть. Все смотрят на Касла. Он кивает. В его взгляде доброта и скромность, а улыбка сильная, уверенная.

Он лидер целого движения, как сказал Кенджи. Здесь все зависят от него не только в вопросе выживания. Здесь не просто противорадиационное убежище или огромный схрон. Здесь собрались люди, объединенные одной целью, высшим предназначением.

– Добро пожаловать, – говорит Касл, делая приглашающий жест, – в «Омегу пойнт».

Глава 46

– «Омега пойнт»?

– Последняя буква греческого алфавита. Высшая стадия развития, последняя в своем ряду. – Он останавливается, и впервые я замечаю символ «омега», вышитый на плече его пиджака. – Мы надеемся спасти цивилизацию.

– Но как... с горсткой людей... как вы собираетесь бороться с...

– Мы ведем подготовку уже долгое время, Джульетта. – Касл впервые назвал меня по имени. Голос у него сильный, ровный. – Мы много лет планируем, занимаемся организацией, уточняем нашу стратегию. Социальный коллапс не стал неожиданностью – мы сами его приблизили. Вопрос был не в том, развалится ли общество. Вопрос был – когда. Шла игра на выживание – кто захватит власть и как они намерены ее использовать. Страх – очень неплохой мотиватор.

– Для трусов.

– Согласен. Поэтому часть моей работы – зажигать надежду в потухших сердцах. – Мы свернули в новый коридор. – Вы ведь знаете: почти все, что говорят о положении страны, – ложь?

Я остановилась.

– То есть как?

– Ситуация отнюдь не катастрофическая, как утверждает Оздоровление.

– Но ведь нет еды!

– Людям просто не дают к ней доступа.

– Животные...

– Спрятаны. Генетически модифицированы. Возращаются на секретных пастбищах.

– А воздух, времена года, погода?

– Все не так плохо, как они пытаются представить. Это действительно проблема, но вызвана она отвратительным обращением с матушкой-землей. Пока еще это обратимо. – Касл повернулся ко мне, заставив сосредоточиться одним спокойным взглядом. – Есть возможность все изменить. Можно обеспечить всех чистой питьевой водой. Можно выращивать достаточно зерна, не регулируя его объемы и не позволяя генетически модифицировать в угоду производителям. Люди умирают, потому что их кормят отравой. Животные умирают, потому что их кормят отходами и держат в грязи и тесноте. Земля не родит, потому что в нее валят химикаты, отчего растения становятся опасными для нашего здоровья. Но все это поправимо.

Нас пичкают ложью, потому что вера в эту ложь делает нас слабыми и послушными. Наша пища, здоровье, жизнеобеспечение зависят от Оздоровления. Это уродует души, превращает людей в трусов, а детей – в рабов. Пришло время дать отпор. – Глаза Касла блеснули, кулаки сжались от ярости. Его слова сверкали от эмоций и были тяжелыми от убеждения, четкости и значимости. Я не сомневалась, что он многих привлек на свою сторону надеждой на будущее, казавшееся потерянным, новым вдохновением в мрачном мире без перспектив. Он лидер по натуре. Талантливый оратор.

Но мне было трудно поверить Каслу.

– Откуда вы знаете, что ваши теории верны? Доказательства у вас есть?

Руки Касла расслабились, глаза стали прежними. На губах заиграла легкая улыбка.

– Что смешного?

Он чуть заметно покачал головой.

– Мне нравится ваш скептицизм. Никогда не надо верить всему, что слышишь.

Я понимаю двойной смысл его слов и ценю иронию.

– Туше, мистер Касл.

Пауза.

– Вы француженка, миз Феррарс?

Разве что моя мать.

Отвожу глаза.

– Так где же доказательства?

– Наше движение само по себе убедительное доказательство. Мы выживаем потому, что сказанное мной – правда. Пищу и припасы берем из разных хранилищ, построенных Оздоровлением. Мы нашли их поля, фермы, животных. У них сотни акров земли под зерновые. Трудятся на фермах рабы – под угрозой смерти, или у них семьи в заложниках. Основное население уничтожено либо загнано в сектора, которыми удобно управлять и круглосуточно контролировать.

Я слушала бесстрастно: еще не решила, верить или нет.

– А зачем вам я? Какая разница, здесь я или нет?

Касл остановился у стеклянной стены и указал за нее, не ответив на мой вопрос.

– Ваш Адам поправляется благодаря этим людям.

Я чуть не упала, споткнувшись, когда кинулась посмотреть. Прижавшись к стеклу, я вглядывалась в ярко освещенное пространство. Адам спит, его красивое лицо спокойно и прекрасно. Видимо, мы в медицинском крыле.

– Глядите внимательно, – говорит мне Касл. – Ни игл капельниц, ни машин, поддерживающих в нем жизнь. Он попал сюда с тремя сломанными ребрами, легкими на грани коллапса и пулей в бедре. Плюс к этому сильный ушиб почек, множественные гематомы на теле, лопнувшая кожа на запястьях, растяжение голеностопа. Он потерял так много крови, что ее не смогли бы восполнить в большей части больниц.

Силясь успокоить рвущееся из груди сердце, мечтаю только об одном – оказаться по ту сторону этого стекла и обнять Адама.

– В «Омеге пойнт» почти две сотни людей, – поясняет Касл. – Примерно половина из них обладают каким-нибудь даром.

Пораженная, я резко оборачиваюсь.

– Я хотел видеть вас в «Омеге», – говорит мне Касл осторожно и тихо, – потому что они такие же, как вы. Знайте, вы не одна.

Глава 47

Челюсть, можно сказать, подбираю с пола.

– Ваша помощь Сопротивлению будет неоценимой, – продолжает Касл.

– Есть и другие... кроме меня? – Я едва дышу.

В глазах Касла понимание и сочувствие.

– Я первым понял, что мое заболевание не может быть уникальным. Я стал искать других, опираясь на слухи, страшные сказки, газетные сенсации. Сперва я просто хотел найти друзей... – Он помолчал. – Я устал от собственной ненормальности, надоело считать себя выродком. Но вовремя понял: в слабости сила. Вместе мы можем совершить нечто невероятное. Хорошее.

Я не могу отдышаться. Не чувствую пола под ногами, не могу выкашлять невозможность, застрявшую в горле.

Касл ждет моей реакции.

– А какой у вас... дар? – вдруг нервно спросила я.

Его улыбка обезоруживает и вселяет уверенность. Касл вытянул руку и немного наклонил голову. В конце коридора открылась дверь, и я услышала свист воздуха, какое-то движение. Повернувшись на звук, я увидела, как что-то летит на меня, и отшатнулась. Касл, смеясь, ловко поймал маленький металлический предмет и показал мне ключ, держа его двумя пальцами.

– Вы можете двигать предметы силой мысли? – справившись с изумлением, спросила я.

– У меня сверхвысокий уровень психокинеза, – улыбается он. – Проще говоря – да, могу.

– Для этого есть название? – пропищала я и, смутившись, постаралась успокоиться.

– Для моего отклонения – да. Для твоего – не уверен.

– А другие, что они...

– Можешь познакомиться с ними, если хочешь.

– Я? Да, я хотела бы... – заикаюсь я, восторженная, как четырехлетка, верящая в фей.

Неожиданный звук заставляет меня замереть.

Кто-то бежит, гулко топая по каменному полу.

– Сэр! – зовет кто-то.

Касл вздрагивает, но, тут же овладев собой, выходит за угол навстречу бегущему.

– Брендан?

– Сэр! – задыхается прибежавший.

– У тебя новости? Что-нибудь видел?

– Сейчас прослушивали радио, – зачастил Брендан с британским акцентом. – Наши камеры зафиксировали намного больше патрульных танков, чем обычно. Мы считаем, оздоровленцы подбираются к нам...

Послышались статический треск и искаженные голоса, как при электрических помехах.

Брендан чуть слышно ругается.

– Простите, сэр, обычно искажений меньше, я еще не совсем умею сдерживать разряды...

– Не волнуйся, тебе просто нужна практика. Обучение проходит хорошо?

– Очень хорошо, сэр. У меня почти все под контролем. – Брендан замялся. – В основном.

– Прекрасно. Дай мне знать, если танки подойдут ближе. Не удивлюсь, если оздоровленцы усилили бдительность. Внимательно слушай любое упоминание о наступлении. Оздоровление пытается нас обнаружить несколько лет, но сейчас здесь особо ценный для них человек, уверен, они хотят ее вернуть. У меня предчувствие, что события будут развиваться стремительно.

Секунда замешательства.

– Сэр?

– Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Тишина.

Брендан и Касл огибают угол, и я изо всех сил стараюсь не выдать удивления при виде прибывающего с докладом. Я не могу отвести от него глаз.

Он белый с головы до ног.

Дело не только в странной форме ослепительного искрящегося белого цвета; кожа Брендана бледнее моей. Волосы настолько светлые, что их нельзя назвать иначе чем белыми. Глаза гипнотические, самого бледного голубого оттенка, пронзительные, практически прозрачные. На вид Брендан моего возраста.

Он кажется нереальным. Созданием из снов.

– Брендан, это Джульетта, – говорит Касл. – Она приехала вчера вечером. Я показываю ей «Омегу пойнт».

Брендан улыбается так ослепительно, что я чуть не вздрагиваю. Он протягивает руку, и я уже начинаю паниковать, когда он спохватывается, становится серьезным.

– Опс, подождите... Извини! – Он сгибает руки и хрустит костяшками. От пальцев летят искры. Я смотрю на него раскрыв рот. Брендан съеживается и робко улыбается: – Порой мне случается устроить людям электрошок.

Что-то в моей тяжелой броне щелкает и отлетает. Недоверие тает, как лед. Я вдруг ощущаю, что меня понимают. Я не боюсь быть собой – и не могу удержать улыбки.

– Не волнуйся, – говорю я ему. – Если я пожму тебе руку, ты можешь умереть.

– Да ладно, – растерянно заморгал Брендан, глядя на меня в ожидании, не возьму ли я слова обратно. – Ты что, серьезно?

– Очень.

Он смеется.

– Понятно! Без рукопожатий. – Подавшись вперед, он говорит, понизив голос: – У меня была проблема. Со мной. Девушки вечно толкуют об электризирующем влиянии романтики, но ни одной не нравилось, когда их бьет током. Ужасно неловко получалось, – пожимает он плечами.

Моя улыбка шире Тихого океана. Сердце наполняют облегчение, комфорт, расположение. Адам был прав. Может, все наладится. Может, мне не обязательно быть чудовищем. Может, у меня правда есть выбор.

Думаю, мне здесь понравится.

Брендан подмигивает:

– Очень приятно с тобой познакомиться, Джульетта. Увидимся?

– Наверняка, – киваю я.

– Блестяще. – Он дарит мне новую улыбку и поворачивается к Каслу. – Я сообщу, если что-нибудь услышу, сэр.

– Хорошо.

Брендан уходит.

Я поворачиваюсь к стеклянной стене, отделяющей меня от половинки моего сердца, и прижимаюсь лбом к прохладной поверхности, желая, чтобы он проснулся.

– Хочешь с ним поздороваться?

Я поднимаю глаза на Касла, который по-прежнему смотрит на меня. Анализирует. Отчего-то его внимание меня совсем не раздражает.

– Да, – говорю я. – Очень хочу.

Глава 48

Ключом, который он так и держит в руке, Касл отпирает дверь.

– Почему медицинское отделение обязательно нужно запирать? – спрашиваю я.

Касл поворачивается ко мне. Я впервые замечаю, что он не очень высокий.

– Зная, где его найти, ты стала бы терпеливо ждать за дверью?

Я опускаю глаза и молчу. Надеюсь, не покраснела.

– Исцеление – процесс деликатный, – поясняет Касл. – Его можно прервать или ослабить случайными эмоциями. Нам повезло, в наших рядах есть две целительницы, близнецы, кстати. Самое интересное: каждая специализируется в своей сфере – одна на физических немоощах, вторая на психических расстройствах. Нужно лечить сразу по двум направлениям, иначе исцеление будет неполным. – Он поворачивает дверную ручку. – Но сейчас, я считаю, Адаму уже можно тебя повидать.

Переступив порог, я сразу ощущаю запах жасмина. Осматриваю комнату в поисках букета, но ничего такого не вижу. Неужели духи? Запах упоительный.

– Я буду снаружи, – говорит мне Касл.

Комната заполнена длинным рядом простых кроватей. Их около двадцати, и все пусты, кроме кровати Адама. В конце комнаты вторая дверь, но я слишком нервничаю, чтобы проявлять любопытство.

Взяв свободный стул, я очень тихо присаживаюсь у кровати. Я не хочу будить Адама, мне только нужно знать, все ли с ним в порядке. Сжимаю руки. Слышу гулкий стук своего сердца. Наверное, я не должна его трогать, но ничего не могу с собой поделать. Накрываю его руку своей. Пальцы Адама теплые.

Его веки двигаются, но не открываются. Он глубоко вздыхает, и я с трудом удерживаюсь от слез.

– Что ты делаешь?!

Я быстро обернулась на голос Касла, в котором слышалась паника.

Я тут же отпустила руку Адама и отбежала от кровати, взволнованная, с расширившимися глазами.

– А что?

– Почему ты... ты только что... ты можешь прикасаться к нему? – Я еще не видела Касла в замешательстве. Куда только делась его невозмутимость: он вбежал, протянув руку и пытаясь остановить меня.

– Конечно, я могу его... – Я замолкаю и стараюсь сохранить спокойствие. – Кенджи не говорил вам?

– У этого молодого человека невосприимчивость к твоему прикосновению? – изумленно шепчет Касл.

– Да. – Я перевожу взгляд на мирно спящего Адама. И у Уорнера тоже.

– Поразительно!

– Да?

– Еще бы! – В глазах Касла вспыхнул острый интерес. – Это определенно не совпадение. Таких совпадений не бывает. – Он замолчал и начал ходить по комнате. – Поразительно. Столько теорий... – Он говорил не со мной. Он думает слишком быстро, чтобы за ним успевать. Глубоко вздохнув, Касл вспомнил, что я стою рядом. – Извини. Девочки скоро придут, они сейчас помогают Джеймсу. Я должен передать эту информацию как можно скорее.

– Подождите...

Он смотрит на меня:

– Да?

– У вас есть теории? – спрашиваю я. – Вы... вы знаете, почему такие вещи происходят... со мной?

– Ты хочешь сказать – с нами? – улыбается Касл.

Покраснев, я кивнула.

– Мы много лет ведем масштабные исследования, и у нас действительно есть весьма основательная теория.

– Какая?

– Если останешься в «Омеге пойнт», мы поговорим об этом очень скоро. А сейчас, боюсь, не лучшее время. – Он кивнул на Адама.

– О! – У меня горели щеки. – Конечно.

Касл поворачивается к двери.

– Но не думаете же вы, что Адам... – вырывается у меня слишком быстро. – Или вы полагаете, что он такой же, как... мы?

Касл оборачивается и смотрит мне в глаза.

– Я думаю, – осторожно отвечает он, – что это вполне возможно.

Я ахаю.

– Прошу прощения, – говорит он, – но мне нужно идти. Не буду вам мешать.

Правила хорошего тона предписывали сказать – да, конечно, спасибо, с улыбкой помахать на прощание и заверить – нет проблем. Но меня одолевает тысяча вопросов. Я хочу узнать от Касла все, что он знает.

– Я понимаю, тебе трудно, сразу столько информации, – говорит Касл, остановившись в дверях. – Но у нас будет много возможностей поговорить. Ты, должно быть, устала и хочешь спать. Девочки о тебе позаботятся – они ждут тебя. В «Омеге пойнт» вы, кстати, будете жить в одной комнате. Они ответят на все вопросы. – На прощание Касл взял меня за плечи. – Для нас честь видеть вас в наших рядах, миз Феррарс. Надеюсь, вы серьезно рассмотрите предложение о постоянной работе в «Омеге».

Я киваю, не находя слов.

Касл уходит.

Мы много лет ведем масштабные исследования, сказал он. Кажется, у нас весьма основательная теория, сказал он. Мы очень скоро вернемся к этому разговору, пообещал он.

Впервые в жизни я пойму, кто я! Это кажется невозможным. И Адам. Адам! Я заставляю себя успокоиться и сажусь рядом, перебирая его пальцы. Касл может ошибаться. Может, это все-таки совпадение.

Надо сосредоточиться.

Гадаю, что слышно об Уорнере.

– Джульетта?

Адам приоткрыл глаза и смотрит на меня, словно не уверен, настоящая я или нет.

– Адам! – Я едва удерживаюсь, чтобы не кинуться к нему с объятиями.

Он улыбается, и на это, кажется, уходят все его силы.

– Боже, как я хотел увидеть тебя...

– Ты в порядке. – Я сжала руку Адама, борясь с желанием приподнять его и крепко обнять. – Ты правда в порядке!

Его улыбка стала шире.

– Я так устал... Кажется, несколько лет готов проспать.

– Это седатив. Не волнуйся, его действие скоро кончится.

Обернувшись, я увидела двух неотличимых зеленоглазых девушек, которые смотрели на нас, одинаково улыбаясь. Тяжелые прямые темные волосы схвачены в конский хвост на самой макушке. Девушки одеты в одинаковые серебристые гимнастические костюмы и золотые балетки.

– Я Соня, – говорит одна.
– А я Сара, – говорит другая.
Я не знаю, как их различить.
– Будем знакомы, – хором говорят они.
– Я Джульетта, – выдавливаю я. – Тоже очень рада знакомству.
– Адам почти готов к выписке, – говорит одна девушка.
– Соня – превосходный целитель, – говорит другая.
– Сара лучше меня, – говорит первая.
– С ним все будет хорошо, как только закончится действие успокоительного, – говорят они одновременно и улыбаются.
– О-о, это прекрасно, спасибо вам большое... – Я не знаю, на кого смотреть и кому отвечать. Смотрю на Адама. Он явно развлекается.
– А где Джеймс? – спрашивает он.
– Играет с другими детьми, – ответила, по-моему, Сара.
– Мы только что водили его мыться, – сообщила другая.
– Хотите его увидеть? – снова Сара.
– Здесь есть другие дети? – изумилась я.
Девушки одновременно кивнули.
– Мы приведем его, – сказали они хором и вышли.
– Какие приятные. – Адам улыбнулся.
– Да, милые.
Мне здесь все нравится.

Соня и Сара привели Джеймса, который показался мне счастливее, чем прежде. Он радовался почти так же, как при первой встрече с Адамом. Он счастлив быть тут, играть с другими детьми и «с красивыми девушками, которые обо мне заботятся, потому что они хорошие, а тут столько еды, они мне шоколад давали, Адам, ты когда-нибудь шоколад пробовал?». Оказалось, у него большая кровать, а завтра он будет учиться вместе с другими, и ему уже не терпится.

– Я так рад, что ты проснулся, – сказал он Адаму, прыгая на его кровати. – Они сказали, ты заболел и отдыхаешь, а теперь ты проснулся, значит, тебе лучше. Мы в безопасности? Я что-то не помню, как мы сюда ехали. Я, кажется, спал.

По-моему, Адаму очень хочется свернуть Кенджи шею.

– Да, в безопасности, – говорит Адам братишке, причесывая пальцами его спутанные светлые вихры. – Все в порядке.

Джеймс убегает в игровую. Соня и Сара выходят под благовидным предлогом, и мы остаемся вдвоем. Мне они нравятся все больше и больше.

– Кто-нибудь рассказывал тебе об «Омеге»? – спрашивает Адам, не без труда садясь. Простыня съезжает, открывая грудь и живот. Я не верю своим глазам – все идеально зажило. Забываю ответить на вопрос.

– У тебя нет шрамов! – Не удержавшись, трогаю гладкую кожу.

Адам силится улыбнуться:

– У них тут не совсем традиционная методика.

Я вскидываю на него глаза:

– Так ты знаешь?

– Ты уже познакомилась с Каслом?

Я растерянно киваю.

Адам усаживается поудобнее.

– Об этом месте давно ходят слухи. Я очень хорошо умею слушать сплетни, в основном потому, что держу ухо востро. Мы в армии много чего слышим – о вражеских угрозах, воз-

можных засадах. Так вот, о необычном подземном движении поговаривали, еще когда я только записывался в армию. Большинство отвечали – чушь, не бывает, страшилки для слабонервных. А я надеялся, что в слухах есть зерно истины, особенно после того, как узнал о тебе. Я надеялся найти других с похожими способностями, но не знал, кого спрашивать. У меня же не было связей. – Он покачал головой. – И все это время Кенджи работал под прикрытием!

– Он говорит, что искал меня.

Адам кивнул и засмеялся:

– И я тебя искал. И Уорнер тебя искал.

– Не понимаю, – бормочу я. – Особенно сейчас, когда знаю, что есть такие, как я, и даже сильнее. Почему же Уорнер вбил себе в голову именно меня?

– Он обнаружил тебя раньше, чем Касл, – сказал Адам. – И считает, что первым заявил на тебя права. – Он прислонился к подушке. – Об Уорнере много чего можно сказать, но дураком он никогда не был. Уверен, он смекнул, что нет дыма без огня, и заинтересовался. Касл хочет использовать твои способности во имя добра, а Уорнер хотел манипулировать тобой для собственной выгоды. Он мечтал стать супергероем... – Пауза. – Изучая тебя, он потратил много сил и времени. Едва ли он легко отказался бы от задуманного.

– Адам, – шепчу я.

Он берет меня за руку.

– Что?

– Я думаю, он не умер.

Глава 49

– Не умер, – соглашается кто-то.
Адам поворачивается, нахмурившись.
– Что ты тут делаешь?
– Вау. Вот так приветствие, Кент. Не надорвись, когда будешь благодарить меня за свое спасение.
– Ты нам лгал!
– Всегда пожалуйста.
– Ты дал транквилизатор моему десятилетнему брату!
– Пожалуйста, пожалуйста, не стоит благодарности.
– Привет, Кенджи, – говорю я.
– А тебе идет моя одежда, – отзывается он, рассматривая меня.
Я округляю глаза. Адам впервые внимательно смотрит на то, во что я одета.
– Больше нечего носить, – объясняю я.
Адам кивает и переводит взгляд на Кенджи.
– Ты пришел что-то сказать?
– Да. Я должен показать тебе, где ты будешь жить.
– Что это значит?
Кенджи ухмыляется.
– Вы с Джеймсом будете в моей комнате.
Адам ругается себе под нос.
– Прости, дружище, у нас недостаточно комнат, чтобы выделить тебе и Горячим Ручкам отдельное гнездышко, – подмигивает мне Кенджи. – Без обид.
– Что, прямо сейчас перемещаться?
– Ну да. Я хочу скоро залечь спать, у меня нет желания целый день ждать твою ленивую задницу.
– Ленивую?!

Я поспешила вмешаться, пока Адам не пустил в ход кулаки.
– Почему ты решил лечь спать? Который час?
– Десять вечера почти, – сказал мне Кенджи. – Под землей счет времени теряется, но в коридорах везде мониторы, и многие носят часы. Если перепутать день и ночь, быстро выдохнешься. Да, так вот, насчет комфорта – сам должен понимать, сейчас не время...

– Откуда ты знаешь, что Уорнер не умер? – нервно перебиваю я.
– Его засекли видеокамеры, – объясняет Кенджи. – Он и его люди усиленно патрулируют район. Мне удалось услышать часть разговора – оказывается, Уорнера подстрелили!

Я вздыхаю, стараясь унять сердцебиение.
– Поэтому вчера нам повезло: солдат отозвали на базу, решив, что Уорнер мертв. На пару часов наступило безвластие – никто не знал, что делать, чьи приказы выполнять. Но оказалось, он не убит, только ранен. У него рука замотана и на косынке.

Адам заговорил раньше, чем ко мне вернулся голос.
– Насколько «Омега» защищена от нападения?
Кенджи засмеялся:
– На все сто. Не понимаю, как Уорнеру удалось подобраться так близко, но точного местонахождения им не определить. В худшем случае – не прорваться. Нашу систему защиты они никогда не пройдут, к тому же у нас повсюду камеры. Мы увидим, что они задумали, еще до начала нападения. Хотя все это не важно. Они ищут столкновения, мы тоже. Мы не боимся. Они понятия не имеют, на что мы способны, мы целую вечность готовимся.

– А ты... – Я замолкаю. Краснею. – Ты можешь... То есть у тебя... тоже дар?
Кенджи улыбается и исчезает.

Буквально.

Вскочив, я пытаюсь потрогать место, где он только что стоял.

Снова появившись, Кенджи успевает отпрянуть, чтобы избежать моего прикосновения.

– Эй! Ты это, осторожнее! Если меня не видно, я же все равно все чувствую!

– Ой! – отдергиваю руку. – Извини.

– Ты можешь становиться невидимым? – Адам скорее раздражен, чем заинтересован.

– Да блин, я что, не показал?!

– И сколько ты за мной шпионишь? – прищурился Адам.

– Сколько надо, – лукаво ухмыльнулся Кенджи.

– А ты... материальный? – спрашиваю я.

– Вау, какие ты слова знаешь. – Кенджи скрестил руки на груди и прислонился к стене.

– Ну, ты можешь, скажем, проходить сквозь стены?

Он фыркает.

– Я не призрак. Я могу просто... выплести, я бы так обозначил. Могу слиться с землей, примениться к любому фону. Сам довольно долго не понимал, кстати.

– Вот это да!

– Я ходил за Адамом домой, вот почему знаю, где он живет. И от расстрельной команды сбежал – они меня толком не видели, палили наугад...

– Подожди, зачем ты ходил за Адамом домой? Ты же, говоришь, меня искал?

– Ну, я записался в армию вскоре после того, как мы узнали о крупном проекте Уорнера. – Кенджи кивком показал на меня. – Мы искали тебя, но у Уорнера был допуск к секретным материалам и беспрепятственный доступ к информации. Мы напали на твой след с большим трудом. Касл решил, проще внедрить кого-то для наблюдения за всем этим сумасшедшим дерьмом, которое планировал Уорнер. Я узнал, что Адам – чуть не главная фигура в этом проекте и что он давно с тобой знаком, и передал информацию Каслу. Тот велел следить за Адамом на случай, если он окажется таким же психом, как Уорнер. Надо было убедиться, что он не представляет угрозы для тебя или наших планов. Но что вы вместе сбежите, я и представить не мог. Спутали мне все карты, блин!

Мы помолчали.

– И сколько ты за мной шпионил? – повторил Адам.

– Так-так-так. – Кенджи наклонил голову набок. – Мистер Адам Кент, кажется, присмирел.

– Не будь засранцем.

– Ты что-то скрываешь?

– Да, мой пистолет.

– Ага. – Кенджи потер руки. – Значит, нам уже хорошо и мы готовы двигать.

– Мне штаны нужны.

Кенджи вдруг вышел из себя:

– Да хватит, блин, не хочу я больше слышать эту фигню! Раздели совсем!

– Ну что мне, голым ходить? Дай что-нибудь!

Кенджи посмотрел на Адама тяжелым взглядом и нехотя вышел, бормоча что-то о том, что раздал всю одежду.

– Я не совсем голый, – сообщил мне Адам.

– О-о! – Подняв глаза, я выдаю себя.

Адам, не успев прогнать с лица улыбку, пальцами гладит меня по щеке.

– Я хотел остаться с тобой вдвоем.

Я краснею до корней волос и тщетно ищу, что сказать.

– Я так рада, что ты поправился.

Он говорит что-то, чего я не слышу.

Потянув меня за руку, он ложится на спину и увлекает меня за собой. Я оказываюсь сверху, Адам прижимает меня к себе и целует с новой страстью, с новой настойчивостью, сгорая от желания. Пальцы запутываются в моих волосах, губы мягкие, пылающие, как огонь и мед. Мое тело дымится.

Немного отстранившись, Адам целует меня в нижнюю губу, прикусывая ее на мгновение. Его кожа на сто градусов горячее, чем была секунду назад. Он водит губами по моей шее, я глажу его грудь, живот, плечи, не понимая, почему в моем сердце стучат товарные поезда, а грудь Адама хрипит, как сломанная гармонь. Я обвожу пальцем золотоголовую летящую птицу и понимаю, что Адам дал мне крылья. Он помог мне улететь, и, подхваченная центростремительным движением, я парю в самом центре воздушного потока. Я приподнимаю его лицо и прижимаю к губам.

– Джульетта, – говорит он. Я дышу. Один поцелуй, десять пальцев, дразнящих кожу. – Мне нужно увидеть тебя сегодня.

Да. Да.

Пожалуйста.

Два сильных стука заставляют нас отпрянуть друг от друга.

Кенджи распахивает дверь.

– Вы хоть понимаете, что стена стеклянная? – Он будто червяка проглотил. – Устроили тут!

Он бросает Адаму какие-то брюки.

– Пойдем, я отведу тебя к Соне и Саре. Они уже приготовили тебе место, – говорит он мне и обращается к Адаму: – Не вздумай отдавать мне эти штаны!

– А если я не хочу спать? – без тени смущения спрашивает Адам. – Мне запретят выходить из комнаты?

Кенджи прищуривается.

– Я бы не бросался этими словами, Кент. Пожалуйста, не пытайся играть в дебильные игры с романтическими уходами. Порядок введен не без причины – это единственный способ выжить. Поэтому окажи всем услугу, держи ширинку застегнутой. Джульетту ты увидишь утром.

Мне показалось, что утро настанет через миллион лет.

Глава 50

Близнецы еще спали, когда кто-то постучал. Соня и Сара показали мне женскую туалетную, поэтому вчера я приняла душ, но по-прежнему утопала в огромных одеждах Кенджи и чувствовала себя довольно нелепо, шлепая к двери.

За дверью стоял Уинстон.

Я заморгала.

– Здравствуйте.

Он оглядел меня с ног до головы.

– Касл считает, что ты хочешь переодеться.

– Вы принесли мне одежду?

– Да. Помнишь, мы подготовили тебе что-то особенное?

– Ой, как интересно!

Я тихо шла за Уинстоном по темным коридорам. Подземный мир тих, его обитатели спят. Я спросила Уинстона, почему он на ногах так рано.

– Я считаю, за завтраком тебе нужно со всеми познакомиться. Так ты легче привыкнешь к заведенному порядку и сразу начнешь обучение. – Он оглянулся. – Мы все должны научиться управлять своими способностями. Плохо не уметь контролировать себя.

– Подожди, ты что, тоже?..

– Нас тут таких ровно пятьдесят шесть. Остальные – члены семьи, дети, близкие друзья, желающие помочь. Да, я один из пятидесяти шести. Как и ты.

Я едва не наступаю Уинстону на пятки, пытаюсь поспеть за ним, таким длинноногим.

– А что ты умеешь?

Он не ответил. Мне показалось, что Уинстон покраснел.

– Извини. Я не хотела любопытствовать... Зря спросила.

– Все нормально, просто я считаю свою способность дурацкой. Столько всего можно уметь... – вздыхает он. – У тебя хоть что-то интересное.

Я останавливаюсь, неприятно удивленная.

– Ты считаешь это соревнованием? У кого фокусы сложнее? Кто может причинить больше боли?

– Я не то хотел сказать...

– Я не считаю интересной способность случайно убить человека. И не считаю интересным всю жизнь бояться коснуться чего-то живого.

Уинстон стиснул зубы.

– Я не имел в виду ничего подобного. Я лишь хотел бы быть более полезным.

Я скрестила руки на груди.

– Можешь не говорить, если не хочешь.

– Я... очень... гибкий, – признался Уинстон.

– То есть можешь изогнуться кренделем?

– Конечно. Или растянуть себя, если надо.

– Покажи!

Уинстон поправил очки, посмотрел в обе стороны пустого коридора и обмотал руку вокруг талии. Дважды.

Я открывала и закрывала рот, как рыба.

– Вот это да!

– Это глупо! – бросил он. – И бесполезно.

– Ты чокнулся? – возмутилась я. – Это же невероятно!

Но Уинстон уже выпрямил руку и пошел вперед. Мне пришлось перейти на бег.

– Не будь к себе слишком строг, – говорила я. – Чего здесь стыдиться?

Но Уинстон не слушал, а я удивилась тому, что стала мотивационным оратором. Когда же ненависть к себе сменилась приятием себя такой, какова я есть? Когда научилась сама строить свою жизнь.

Уинстон ведет меня в ту самую комнату, где я впервые увидела его, – белые стены, маленькая кровать. Сейчас в комнате ждут Адам и Кенджи. Я вдруг занервничала.

Адам встает. Он стоит без поддержки и выглядит... идеально. Красив, невредим. Ни единой капли крови на теле. Он идет ко мне, почти не хромая, улыбается без усилий. Он немного бледнее обычного, но положительно сияет по сравнению с тем состоянием, в котором мы его привезли. Естественный загар придает глазам оттенок вечернего неба.

– Джульетта, – говорит он.

Залюбовавшись, не могу отвести от него глаз. На душе удивительно хорошо оттого, что с ним все в порядке.

– Привет, – улыбаюсь я.

– И тебе доброе утро, – влезает Кенджи.

Я делаюсь розовее зимнего заката и так же быстро тушуюсь.

– Здрасьте, – вяло машу я рукой Кенджи.

Он фыркает.

– Ладно, давайте к делу. – Уинстон отодвигает одну из стен, оказавшуюся шкафом. В нем единственное яркое пятно. Уинстон снимает что-то с вешалки.

– Можно мне, э-э, остаться с Джульеттой наедине? На минуту? – просит Адам.

Уинстон снимает очки и трет глаза.

– Мне надо следовать протоколу, я должен все объяснить...

– Конечно, – говорит Адам. – Вы все сделаете, только чуть позже. Мне нужна всего минута. У меня просто не было возможности поговорить с Джульеттой после приезда.

Уинстон хмуро смотрит на меня, на Адама и вздыхает:

– Хорошо, но через минуту мы вернемся. Мне нужно убедиться, что все сидит как надо, и проверить...

– Отлично, спасибо, спасибо тебе, парень. – Адам вытесняет его за дверь.

– Подожди! – Уинстон распахивает дверь. – По крайней мере дай ей надеть костюм, пока мы выйдем, чтоб время совсем уж зря не пропадало!

Адам смотрит на протянутую руку Уинстона. Тот потирает лоб и бурчит что-то о тех, кто вечно тратит время попусту. Сдерживая улыбку, Адам смотрит на меня. Я пожимаю плечами.

– Хорошо, – говорит он, забирая костюм. – Но сейчас выйдите! – И выставляет Уинстона и Кенджи в коридор.

– Мы напротив, – кричит Кенджи. – В пяти секундах от вас!

Адам плотнее прикрывает дверь, поворачивается и пожирает меня глазами.

Не знаю, как унять сердце. Пытаюсь заговорить и не могу.

Адам первым обретает дар речи.

– Я еще не успел поблагодарить тебя. – Он улыбается.

Волна жара заливает мне лицо. Он подходит и берет меня за руку.

– Джульетта...

Осторожно поглядываю на него снизу вверх.

– Ты спасла мне жизнь.

Закусываю губу изнутри – сказать «пожалуйста» кажется сейчас глупым. Не знаю, что делать.

– Я рада, что ты здоров, – говорю я.

Адам смотрит на мои губы, и меня охватывает болезненное томление. Если он поцелует меня сейчас, я не позволю ему остановиться. Он втягивает воздух и словно вспоминает, что у него в руке.

– Может, наденешь?

Он подает мне небольшой ярко-фиолетовый сверток. Костюм кажется крошечным, словно детский комбинезон, и почти невесомым.

Я выразительно смотрю на Адама.

Он улыбается:

– Примерь.

Мой взгляд становится тяжелым.

– О! – Он отходит, немного смущенный. – Да-да, я это, того, отвернусь...

Жду, пока он повернется ко мне спиной. Оглядываюсь. Вряд ли здесь есть зеркала. Я сбрасываю слишком большую для меня одежду прямо на пол. Оставшись обнаженной, мгновение боюсь двигаться. Но Адам не оборачивается и стоит молча. Рассматриваю блестящий фиолетовый материал. Наверняка он хорошо тянется...

Так и есть.

Надеть комбинезон оказалось неожиданно легко, будто он и вправду создан для меня. Там, где должно быть белье, вшита подкладка, а для груди дополнительная поддержка. Вверху комбинезон доходит до горла, рукава до запястий, штанины до щиколоток. Застегивается он длинной молнией. Я осматриваю ультратонкий материал. Я словно облита густейшим оттенком сочного фиолетового, облегающим меня, как вторая кожа, но ничуть не стягивающим. Ткань дышит, в комбинезоне очень комфортно.

– Ну что, ну как? – нервничает Адам.

– Помоги застегнуть молнию, а?

Он обернулся. Губы приоткрылись, дрогнули и расплылись в широкой улыбке. Брови рискуют задеть потолок. Я заливаюсь краской, не зная, куда смотреть. Адам подходит ко мне – я отворачиваюсь, пряча лицо. В груди порхают, бьются бабочки. Он касается моих волос, и я замечаю, что они доходят мне до бедер. Может, теперь я и подстригусь.

Он перебрал каштановую волну через плечо, чтобы волосы не попали в молнию, и провел пальцем от основания шеи до ямочек на крестце. Я едва устояла на ногах. По позвоночнику пробежало достаточно электричества, чтобы питать целый город. Он, не торопясь, застегивает молнию и проводит рукой по моему телу.

– Как ты потрясающе выглядишь! – первое, что он говорит.

Оборачиваюсь. Адам прижимает кулак ко рту, пряча свою улыбку, силясь остановить слова, рвущиеся с языка.

Касаюсь материала. Видимо, надо что-то сказать.

– Очень... удобный комбинезон.

– И сексуальный. – Смотрю на Адама. – Сексуальный, просто наповал! – повторяет он и, шагнув вперед, обнимает меня.

– Выгляжу как гимнастка, – бормочу я.

– Нет, – шепчет он, жаркий-жаркий-жаркий под моими губами. – Ты выглядишь как супергерой.

Эпилог

Я еще дрожу от возбуждения, когда в комнату входят Кенджи и Уинстон.

– И как это должно облегчить мне жизнь? – спрашиваю я, ни к кому не обращаясь.

Кенджи замирает, без всякого смущения пожирая меня глазами. Открывает рот, молча закрывает и засовывает руки поглубже в карманы.

Уинстон делает шаг вперед.

– Комбинезон решает проблему с прикосновениями, – начинает он. – Тебе не надо кутаться с ног до головы в здешнем искусственном климате. Материал «умный» – в жару в нем прохладно, в холод тепло, и легкий – пропускает к коже воздух. Он защитит окружающих от нечаянных прикосновений, но даст тебе возможность трогать кого угодно... Нечаянно или нарочно, это как захочешь.

– Вот это да!

Он удовлетворенно улыбается:

– Пожалуйста.

Я рассматриваю комбинезон внимательнее и спохватываюсь:

– Но ведь руки и стопы полностью открыты!

– Ох ты, черт! – спохватывается Уинстон. – Чуть не забыл.

Он бежит к шкафу и берет оттуда черные полусапожки и длинные черные перчатки. Все это протягивает мне. Я трогаю мягкую кожу, любясь эластичным, гибким строением ботинок. Хоть балетом занимайся, хоть беги целую милю.

– Размер твой, – говорит он. – Это к комбинезону.

Я надеваю сапожки и встаю на мыски, наслаждаясь ощущением новой одежды. Я чувствую себя непобедимой. Впервые в жизни жалею, что у меня нет зеркала. Перевожу взгляд с Кенджи на Адама и Уинстона.

– Что скажете? Нормально?

Кенджи издает странный звук.

Уинстон смотрит на часы.

Адам не прячет широкой улыбки.

Мы выходим из комнаты вслед за Кенджи и Уинстоном. Адам задерживается, стягивает с меня левую перчатку, берет за руку, переплетает пальцы и улыбается, словно целует мое сердце.

Я оглядываюсь.

Сжимаю кулак, проверяя силы.

Касаюсь материала, обтягивающего меня второй кожей.

Чувствую себя необыкновенной, обновленной, кожа кажется удивительно свежей и гладкой. Набираю полные легкие воздуха, смакуя вкус свежести.

Все меняется, но на этот раз я не боюсь. На этот раз я знаю, кто я. На этот раз я сделала правильный выбор и выступаю за нужную команду. Я спокойна и уверена.

Мне даже радостно.

Потому что на этот раз я готова.

Уничтожь меня

Пролог

Меня ранили.

И, как выясняется, пулевое ранение – более неприятная штука, нежели я предполагал.

Моя кожа делается холодной и липкой, я прилагаю титанические усилия, чтобы дышать. Боль рвет на части правую руку, отчего мне очень трудно сосредоточиться. Мне приходится с силой зажмуривать глаза, стискивать зубы и заставлять себя не потерять сознание.

Творящийся вокруг хаос просто невыносим.

Несколько человек кричат, перебивая друг друга, и слишком много людей касаются меня, отчего хочется, чтобы им отрезали головы. Они беспрестанно выкрикивают слово «Сэр!», словно ждут от меня приказов и не знают, что делать дальше. Одно это отнимает у меня последние силы.

– Сэр, вы слышите меня? – раздается очередной возглас. Но на сей раз он не вызывает отращения.

– Сэр, ответьте, вы слышите меня?..

– Меня ранили, Делалье, – выдавливаю я. Открываю глаза. Смотрю на него. – Но при этом я не оглох.

Шум сразу же стихает. Солдаты замолкают. Делалье встревоженно смотрит на меня.

– Проводите меня назад, – говорю я ему, чуть повернувшись. Окружающий меня мир опрокидывается, но тотчас становится на место. – Сообщите о происшествии медикам и распорядитесь, чтобы мне приготовили постель. А пока что поднимите мою руку и сдавите рану. Пуля явно задела кость, так что потребует операция.

Делалье молчит чуть дольше, чем положено по уставу.

– Рад видеть, что с вами все в порядке, сэр. – В его голосе сквозит нервная дрожь. – Хорошо, что с вами все в порядке.

– Вы слышали приказ, лейтенант?

– Конечно, – быстро отвечает он, опустив голову. – Так точно, сэр. Какие распоряжения отдать солдатам?

– Найти ее, – приказываю я. С каждым словом мне все труднее говорить. Я делаю неглубокий вдох и дрожащей рукой провожу по лбу. Пот градом льет с меня, и это мне совсем не нравится.

– Слушаюсь, сэр.

Он делает движение, чтобы помочь мне встать, но я хватаю его за руку:

– И вот еще что...

– Сэр?

– Кент, – говорю я неровным голосом. – Передайте приказ взять его живым. Для меня.

Делалье удивленно смотрит:

– Рядового Адама Кента?

– Да. – Я вглядываюсь в его зрачки. – Я хочу разобраться с ним лично.

Глава 1

Делалье стоит у моей кровати.

В руках у него планшет с зажимом для бумаги.

Это мой второй посетитель за это утро. Первыми приходили медики, подтвердившие, что операция прошла успешно. Они сказали, что если я полежу эту неделю, то новые лекарства, которые они мне дали, ускорят процесс выздоровления, и я весьма скоро смогу вернуться в строй, однако мне придется как минимум месяц носить руку на перевязи.

Я ответил, что это довольно занятная теория.

– Мои брюки, Делалье. – Я сажусь на кровати, стараясь отогнать тошноту, вызванную новыми препаратами. Моя правая рука не действует и совершенно бесполезна.

Я поднимаю глаза. Делалье смотрит на меня немигающим взглядом. На шее у него подергивается кадык.

Я сдерживаю вздох.

– Ну, в чем дело? – Держусь рукой за матрас и заставляю себя выпрямиться. Это забирает остатки энергии, и я хватаюсь за раму кровати. Взмахом руки я останавливаю Делалье, пытающегося мне помочь, и закрываю глаза, чтобы совладать с болью и головокружением.

– Докладывайте, что случилось, – обращаюсь я к нему. – Не стоит замалчивать плохие новости.

Он сбивчиво отвечает:

– Рядовой Адам Кент сбежал, сэр.

За закрытыми веками появляется слепяще-белая вспышка.

Я делаю глубокий вдох и здоровой рукой пытаюсь провести по волосам. Они спутанные, сухие и покрыты какой-то коркой: должно быть, грязью пополам с запекшейся кровью. Мне так и хочется изо всей силы ударить кулаком по стене.

Вместо этого я стараюсь взять себя в руки.

Я вдруг почти физически ощущаю все происходящее вокруг: запахи, шум и доносящиеся из-за двери шаги. Мне противны штаны из грубой холстины, которые на меня надели. Мне противно, что я без носков. Я хочу принять душ. Я хочу переодеться.

Я хочу всадить пулю в позвоночник Адаму Кенту.

– Зацепки есть? – спрашиваю я приказным тоном. Я двигаюсь в сторону ванной и вздрагиваю от дуновения прохладного воздуха: я без рубашки. Стараясь сохранять спокойствие, продолжаю: – Вы же не могли явиться ко мне с подобной информацией, если бы не было зацепок.

Мой разум представляет собой склад тщательно организованных эмоций. Я почти что вижу, как функционирует мой мозг, раскладывая по полочкам мысли и образы. Я запираю в дальние тайники все, что не может служить мне. Я концентрируюсь только на том, что необходимо сделать: базовые элементы выживания и множество дел, которые я должен успеть за день.

– Разумеется, – отвечает Делалье. Звучащий в его голосе страх немного раздражает меня, но я стараюсь не обращать на него внимания. – Да, сэр, – продолжает он, – мы почти уверены, что знаем, куда он направился, и у нас есть основания полагать, что рядовой Кент и... и девушка... э-э... и рядовой Кисимото, также сбежавший... У нас есть основания полагать, что они вместе и действуют заодно, сэр.

Ящички в моем мозгу с треском открываются. Воспоминания. Теории. Шепот и ощущения.

Я резко отбрасываю их.

– Ну конечно же. – Я качаю головой и тут же жалею об этом. Закрыв глаза, пытаюсь справиться с нахлынувшей дурнотой.

– Не говорите мне того, о чем я сам уже догадался, – выдавливаю я. – Мне нужно что-то конкретное. Дайте мне хорошую зацепку, лейтенант, или же найдите ее, а потом докладывайте.

– Машина, сэр, – быстро говорит он. – Поступило заявление об угоне машины, и нам удалось выследить ее, но вскоре она исчезла с карты. Как будто перестала существовать, сэр.

Я поднимаю на него взгляд. Я весь внимание.

– Мы прошли по всему маршруту, следуя показаниям радара, – продолжает Делалье, немного успокоившись, – и оказались в пустынной, безлюдной местности. Мы прочесали все вокруг, но ничего не нашли.

– Это уже кое-что, – отвечаю я, потирая шею и пытаюсь справиться с одолевающей меня слабостью. – Жду вас в зале «Л» через час.

– Но, сэр, – произносит он, не переставая смотреть на мою руку, – вам понадобится помощь... процесс выздоровления... вам нужен уход...

– Можете идти.

Пару секунд он колеблется, затем говорит:

– Слушаюсь, сэр.

Глава 2

Мне удастся помыться, не потеряв сознания.

Это скорее обтирание губкой, и все же я чувствую себя гораздо лучше. У меня чрезвычайно низкий порог чувствительности к беспорядку, который оскорбляет само мое существо. Я регулярно принимаю душ. Ем шесть раз в день. Ежедневно я отвожу два часа для тренировок и физических упражнений. И я ненавижу ходить босиком.

Сейчас я стою в своей гардеробной – голый, голодный, уставший. И босиком. Это очень далеко от идеала.

Мой шкаф разделен на несколько секций. Рубашки, галстуки, брюки, блейзеры и ботинки. Носки, перчатки, шарфы и кители. Все рассортировано по цветам, затем по оттенкам каждого цвета. Каждый предмет одежды тщательно подобран и сшит на заказ в точности по моему размеру. Я чувствую себя не в своей тарелке, пока не одет с ног до головы, – это часть моего «я», и именно так я начинаю свой день.

Я не имею ни малейшего понятия, как мне одеться самому, без посторонней помощи.

У меня дрожит рука, когда я тянусь к небольшой синей бутылочке, которую мне дали утром. Я кладу две квадратные таблетки на язык и жду, пока они рассосутся. Не могу сказать, как именно они действуют, я только знаю, что они помогают восстановить кровопотерю. Так что я прислоняюсь к стене, пока голова не становится ясной и я могу уверенно стоять на ногах.

Сначала я надеваю носки. Эта простая процедура требует больше усилий, нежели убить человека. В какой-то момент мне становится интересно, что врачи сделали с моей одеждой. «С одеждой, – говорю я себе. – Только с одеждой». Я сосредоточен только на одежде, в которой был в тот день. И ничего больше. Никаких деталей.

Ботинки. Носки. Брюки. Пуловер. Мой китель со множеством пуговиц.

Со множеством пуговиц, которые она рывком расстегнула.

Крошечное воспоминание, но его достаточно, чтобы вызвать острую боль.

Я стараюсь отбросить его, однако оно не уходит, и чем больше я стараюсь от него избавиться, тем быстрее оно превращается в чудовище, с которым я уже не в силах совладать. Я даже не отдаю себе отчета в том, что в изнеможении прислонился к стене, пока не начинаю ощущать расплзающийся по всему телу озноб. Я тяжело дышу, зажмурив глаза, пытаюсь избавиться от внезапно охватившего меня чувства унижения и стыда.

Я знал, что она испытывала сильный страх, даже ужас, но никогда не думал, что эти ее чувства относятся ко мне. Я видел, как она оттаивала в то время, когда мы виделись. Шли недели, и казалось, будто она чувствовала себя комфортнее. Счастливее. Раскованнее. Я позволил себе увериться, что она видела некое будущее для нас обоих, хотела быть рядом со мной и просто считала, что это невозможно.

Я и не подозревал, что ее новообретенное счастье имеет отношение к Кенту.

Я провожу здоровой рукой по лицу и зажимаю ладонью рот. Вспоминаю то, что говорил ей.

Едва заметный вздох.

Как я касался ее.

У меня сжимаются челюсти.

Если бы это было просто некое сексуальное влечение – уверен, я бы не страдал от столь невыносимого унижения. Но я желал гораздо большего, нежели просто ее тела.

В тот же миг я буквально умоляю свой разум вообразить стены и ничего больше. Стены. Белые стены. Бетонные блоки. Пустые комнаты. Открытое пространство.

Я мысленно возвожу стены, пока они не начинают рушиться, и усилием воли заставляю висеть все новые и новые преграды. Я продолжаю строить их, оставаясь неподвижным, пока

мой разум не становится чистым и незамутненным. В нем остается лишь маленькая белая комната с одиноким источником света в потолке.

Свет этот чистый. Нетронутый. Спокойный.

Мысленным движением я останавливаю беду, рвущуюся в крохотный мир, построенный мной, проглатываю страх, пытающийся схватить меня за глотку. Я раздвигаю стены, делая комнату просторнее, пока не начинаю дышать. Пока не понимаю, что смогу встать.

Иногда мне хочется на время покинуть свою оболочку, свое усталое израненное тело, но слишком много цепей и слишком тяжело бремя. Единственное, что мне остается, – жить именно этой жизнью. И я уверен, что сегодня не смогу заставить себя посмотреть в зеркало.

Меня вдруг охватывает отвращение к самому себе. Мне надо как можно быстрее выбраться из этой комнаты, иначе мои мысли ополчатся на меня. Я торопливо принимаю решение и впервые почти не обращаю внимания, как и во что одет. Я натягиваю чистые брюки, но рубашку решаю не надевать. Просовываю здоровую руку в рукав блейзера, а правую половину пиджака набрасываю поверх перевязи с раненой рукой. В таком виде я выгляжу по меньшей мере смешно, но откладываю решение этого вопроса до завтра.

Прежде всего мне надо выбраться из этой комнаты.

Глава 3

Делалье здесь единственный человек, не испытывающий ко мне чувства ненависти.

Общаясь со мной, он в большинстве случаев объят страхом, однако он никак не проявляет интереса к тому, чтобы занять мое место. Я это чувствую, хотя и не совсем понимаю. Похоже, в этом здании только он рад тому, что я не погиб.

Небрежным жестом я останавливаю солдат, ринувшихся мне на помощь, когда я открываю дверь. Мне стоит огромных трудов взять себя в руки и унять дрожь в пальцах, когда я смахиваю со лба бисеринки пота, но я не могу позволить себе даже секундного проявления слабости. Им нет дела до моего самочувствия, они лишь хотят поближе посмотреть на зрелище, которое я собой представляю. Они жаждут увидеть первые трещины в моем рассудке. Но я не желаю, чтобы на меня тарашились.

Моя работа – руководить ими.

Меня ранили, но это не смертельно. У меня масса дел, и я с ними справлюсь.

Рана скоро забудется.

Ее имя никогда больше не прозвучит.

Сжимая и разжимая кулаки, я иду в сторону зала «Л». Раньше я никогда не задумывался о том, какие длинные здесь коридоры и как в них много солдат. И негде спрятаться от их любопытных взглядов, в которых сквозит досада, что я не погиб. Мне даже не надо смотреть на них, чтобы узнать, о чем они думают. Но осознание того, что у каждого из них на уме, лишь придает мне решительности в стремлении прожить очень долгую жизнь.

Я не доставлю им удовольствия увидеть меня мертвым.

– Нет-нет.

В четвертый раз я взмахиваю рукой, отказываясь от чая и кофе.

– Я не употребляю кофеин, Делалье. Почему вы всегда настаиваете, чтобы мне его подавали?

– Полагаю, я всегда надеюсь, что вы передумаете, сэр.

Я поднимаю на него взгляд. Делалье улыбается странной, какой-то дрожащей улыбкой. Я не совсем уверен, но мне кажется, что он так пошутил.

– Почему же? – Я тянусь за кусочком хлеба. – Я вполне могу оставаться бодрым. Только идиот полагается на энергию, заключенную в бобах или листьях, чтобы не заснуть среди бела дня.

Делалье уже не улыбается.

– Да, – говорит он. – Разумеется, сэр.

Он склоняется над тарелкой. Я вижу, как его пальцы отодвигают чашку с кофе.

Я роняю хлеб на блюдо.

– Вы не должны, – обращаюсь я к нему, на сей раз спокойным тоном, – так быстро соглашаться с моим мнением. Защищайте свою точку зрения. Формулируйте четкие и логичные доводы. Даже если я возражаю.

– Конечно, сэр, – шепчет он. Несколько секунд молчит. Но потом я замечаю, как он снова тянется за кофе.

Делалье.

Он, пожалуй, единственный, с кем можно поговорить.

Изначально он был отправлен в этот сектор моим отцом, и с тех пор ему приказано оставаться здесь до истечения срока службы. И хотя он старше меня почти на сорок пять лет, он настаивает на том, чтобы быть у меня в подчинении. Его лицо мне знакомо с детства, он очень часто появлялся у нас дома, участвуя в многочисленных совещаниях задолго до того, как Оздоровление пришло к власти.

В нашем доме эти совещания шли бесконечной чередой.

Мой отец все время что-то планировал, проводил обсуждения и какие-то тайные переговоры, к которым меня не допускали. Участники этих совещаний сейчас правят миром, и, когда я смотрю на Делалье, я всякий раз удивляюсь, почему он никогда не стремился к командным высотам. С самого начала он был частью этого режима, однако создается впечатление, что он будет довольствоваться своим теперешним положением до самой смерти. Он предпочитает оставаться в тени даже тогда, когда я даю ему возможность высказаться; он отказывается от повышений, даже если я предлагаю ему куда большее жалованье. И в то время как я ценю его верность, его преданность действует мне на нервы. Кажется, он не хочет расставаться со своим нынешним положением.

Мне не следовало бы ему доверять.

И все же я ему верю.

Но я начинаю терять рассудок из-за того, что мне не с кем поговорить на равных. В отношениях с солдатами я должен держать определенную дистанцию не только потому, что все они жаждут моей смерти, но также и оттого, что, как их командир, я несу ответственность за принятие объективных решений. Я приговорил себя к жизни в одиночестве, где надо мной никто не стоит и где мне надо жить лишь своим умом. Я старался стать командиром, внушающим страх своим подчиненным, и это мне удалось: никто не усомнится в моем превосходстве и не выскажет мнение, противоречащее моему. Никто не обратится ко мне иначе, кроме как к командующему и правителю Сектора 45. Я никогда и ни к кому не испытывал дружеских чувств. Ни в детстве, ни теперь.

За одним исключением.

Месяц назад я столкнулся с исключением из правила. Нашелся *один* человек, который посмотрел мне в глаза. Он же говорил со мной безо всякого стеснения, в моем присутствии он не боялся выказать гнев и другие настоящие, искренние эмоции – единственный, кто когда-либо осмелился бросить мне вызов и прикрикнуть на меня...

Я крепко зажмуриваюсь, по-моему, уже в десятый раз. Мои пальцы, стиснувшие вилку, разжимаются, и она падает на стол. Раненая рука снова отзывается болью, и я лезу в карман за таблетками.

– Вам не следует превышать суточную дозу в восемь пилюль, сэр.

Я отвинчиваю колпачок и отправляю в рот сразу три. Как же мне хочется унять дрожь в руках. Мои мышцы слишком напряжены. Натянуты как струна.

Я не жду, пока таблетки рассосутся, а разгрызаю их зубами, не обращая внимания на горечь. Жуткий металлический привкус помогает мне сосредоточиться.

– Доложите мне о Кенте.

Делалье опрокидывает чашку с кофе.

Чуть раньше я приказал прислуге выйти, так что Делалье приходится самому наводить порядок на столе. Я откидываюсь на спинку стула и смотрю в стену, мысленно подсчитывая потраченные зря минуты.

– Оставьте кофе в покое.

– Я... слушаюсь, конечно, сэр, извините...

– Прекратите.

Делалье роняет мокрые салфетки. Его руки тотчас застывают в воздухе над тарелкой.

– Докладывайте.

Я вижу, как у него дергается кадык. Он явно колеблется.

– Мы сами не знаем, сэр, – шепчет он. – Здание было почти невозможно обнаружить, тем более войти внутрь. Все входы закрыты изнутри, к тому же прижавели. Но когда мы нашли вход, – продолжает он, – когда мы нашли его, он был... Дверь разрушили. И мы понятия не имеем, как им это удалось.

Я резко подаюсь вперед.

– Что значит – разрушили?

Он качает головой.

– Все это... очень странно, сэр. Дверь просто изуродовали. Словно какой-то зверь растерзал ее когтями. В середине проема было лишь зияющее отверстие с рваными краями.

Я тотчас же встаю – слишком резко – и хватаюсь за стол, чтобы не упасть. У меня перехватывает дыхание от одной мысли о том, что могло там произойти. Помимо своей воли я с болезненным восторгом позволяю себе вспомнить ее имя, поскольку я знаю, что это ее рук дело. Она совершила нечто потрясающее, а меня не было там даже среди зрителей.

– Приготовьте транспорт, – приказываю я Делалье. – Встречаемся на плацу ровно через десять минут.

– Сэр...

Но я уже в коридоре.

Глава 4

Разорвана посередине. Словно неким зверем. Это верно.

Для ничего не подозревающего наблюдателя это стало бы, пожалуй, единственным объяснением, хотя даже в этом случае оно не имело бы смысла. Ни один зверь на свете не смог бы прорвать толстую броневую сталь, не лишившись при этом лап.

А ведь она вовсе не зверь.

Она нежное и вместе с тем смертельно опасное создание. Доброе, застенчивое и одновременно вселяющее ужас. Она полностью потеряла контроль и понятия не имеет, на что способна. И, несмотря на то что она ненавидит меня, я не могу не восхищаться ею. Я прямо-таки очарован ее напускной наивностью и невинностью и даже завидую дару, нечаянно свалившемуся на нее. Мне так хочется стать частью ее мира, узнать все ее помыслы и чаяния, чувствовать то, что ощущает она. Это, наверное, очень тяжелое бремя.

А теперь она где-то там, среди других людей, и предоставлена самой себе.

Что за дивное несчастье.

Я провожу пальцами по рваным краям отверстия, стараясь не порезаться. Дыра не имеет четкой формы, которую можно было бы придумать. Хаотично развороченная дверь несет на себе следы мучительного, отчаянного рывка. Мне остается лишь гадать, знала ли она, что делает, когда это все происходило, или же дар проявился у нее так же неожиданно, как в тот день, когда она прорвалась ко мне сквозь бетонную стену.

Я с трудом сдерживаю улыбку. Интересно, каким ей запомнился тот день? Каждый солдат, с которым я работал, участвовал в эксперименте, совершенно точно зная, чего ожидать, но я намеренно не посвятил ее во все детали. Я полагал, что эксперимент должен быть как можно более чистым, и надеялся, что дополнительные элементы реальности придадут ему подлинности. Но больше всего я хотел дать ей шанс исследовать ее истинную сущность – испытать ее силу в безопасном месте, – и с учетом ее прошлого я знал, что ребенок станет идеальным «детонатором». Однако я никак не ожидал таких потрясающих результатов. Ее дар оказался куда сильнее, чем я предполагал. И несмотря на то что я хотел обсудить с ней все последствия чуть позже, к тому времени, когда я пришел к ней, она уже планировала свой побег.

Улыбка исчезает с моего лица.

– Не угодно ли зайти внутрь, сэр? – Голос Делалье возвращает меня к действительности. – Смотреть там особо нечего, однако интересно отметить, что отверстие именно такого размера, чтобы через него без особых усилий мог протиснуться человек. Изначальное намерение, сэр, кажется совершенно очевидным.

Я отвлеченно киваю. Глазами я тщательно «снимаю» размеры дыры, стараясь представить, каково ей было оказаться здесь и пытаться проникнуть внутрь. Мне так хочется поговорить с ней обо всем этом.

И тут у меня начинается щемить сердце.

Я снова вспоминаю, что ее больше нет со мной. И на базе ее тоже нет.

Это я виноват в том, что она сбежала. Я позволил себе увериться, что она наконец одумалась и перешла на нашу сторону, и это повлияло на мою логику принятия решений. Мне следовало уделять больше внимания деталям. Моим солдатам. Я перестал видеть перспективу и высшую цель, саму причину того, зачем я перевез ее на базу. Я поступил глупо. И беспечно.

На самом же деле я был сбит с толку.

Ею.

Оказавшись здесь, она поначалу вела себя очень упрямо и инфантильно, но с течением времени она, казалось, пришла в норму, несколько успокоилась и стала меньше бояться. Мне

приходится напоминать себе, что все ее подвижки к лучшему не имели ко мне никакого отношения.

Они имели отношение к Кенту.

Произошло предательство, казавшееся невозможным. Что она предпочтет мне робота, бесчувственного идиота наподобие Кента с пустыми, выхолощенными мыслями и интеллектом на уровне настольной лампы. Не понимаю, что именно он мог предложить ей и что она смогла в нем увидеть, кроме как инструмента для достижения своей цели – побега.

Она до сих пор не понимает, у нее нет будущего в мире обычных людей. Она чужая среди тех, кто никогда не поймет ее. И поэтому я должен ее вернуть.

Я лишь тогда понимаю, что произнес последнюю фразу вслух, когда слышу голос Делалье.

– Мы выслали розыскные партии на патрулирование всего сектора, – говорит он. – Мы также оповестили соседние секторы на случай, если они решатся пересечь...

– Что? – Я резко поворачиваюсь и спрашиваю тихим голосом, не сулящим ничего хорошего: – Что вы сказали?

Делалье бледнеет у меня на глазах.

– Я всего лишь ночь был без сознания! А вы уже успели оповестить соседние секторы об этой катастрофе...

– Я думал, вы захотите найти их, сэр, и считал, что если они попытаются скрыться где-то в другом месте...

Я делаю глубокий вдох, стараясь собраться с мыслями.

– Извините, сэр, но я считал, что для обеспечения безопа...

– С ней двое моих людей, лейтенант. Оба они не настолько глупы, чтобы направиться в другой сектор. У них нет ни допуска, ни способов получить допуск, необходимый для пересечения границ сектора.

– Но...

– Они исчезли сутки назад. Они серьезно ранены и нуждаются в помощи. Они передвигаются пешком и на угнанной машине, которую легко отследить. Далеко ли, – спрашиваю я его, едва не срываясь на крик, – они смогли уйти?

Делалье молчит.

– Вы объявили общенациональную тревогу. Вы уведомили сразу несколько секторов, и это означает, что о нашем провале теперь знает вся страна. И особые Уполномоченные Лица тоже в курсе. А что из этого последует? – Я сжимаю здоровую руку в кулак. – Что, по-вашему, из этого последует, лейтенант?

На какое-то мгновение мне кажется, что он лишился дара речи.

Затем...

– Сэр, – хрипит он, – прошу вас, простите меня...

Глава 5

Делалье провожает меня до самой двери.

– Соберите личный состав завтра на плацу ровно в десять ноль-ноль, – говорю я ему на прощание. – Мне придется сделать заявление касательно недавних событий, а также последующих действий.

– Слушаюсь, сэр, – отвечает Делалье, не поднимая взгляд. Он ни разу не посмотрел на меня с тех пор, как мы уехали со склада.

Однако мне надо беспокоиться совсем о другом.

Кроме дурацкого поступка Делалье, у меня масса других дел, которыми необходимо заняться прямо сейчас. Я не могу себе позволить усугублять и без того сложную ситуацию, и мне нельзя отвлекаться. Ни на нее. Ни на Делалье. Ни на кого было то ни было. Мне нужно сосредоточиться.

Как же не вовремя меня ранили!

Новости о случившемся уже вышли на общенациональный уровень. Гражданские лица и соседние секторы теперь знают о произошедшем у нас ЧП, и нам необходимо свести слухи о нем к наиболее достижимому минимуму. Мне придется каким-то образом минимизировать последствия оповещений, разосланных Делалье, и в то же время подавить любые поползновения к бунту среди гражданских. Они и так уже почти на грани, и достаточно одной искры или намека на неповиновение, чтобы они вышли из-под контроля. И хотя их погибло очень много, они, по-видимому, не понимают, что сопротивляться Оздоровлению – значит навлечь на себя еще большие страдания, а это неизбежно приведет к новым жертвам. Гражданских надо усмирить любой ценой.

Я не хочу войны в своем секторе.

Сейчас, как никогда раньше, мне нужно контролировать себя и сферу своей ответственности. Но мой ум мечется, мое тело устало и измучено раной. Весь день я был на грани обморока и сейчас не знаю, что мне делать, как взять себя в руки. Слабость чужда моему существу.

Всего за два дня этой девчонке удалось искалечить меня.

Я проглотил еще этих отвратительных таблеток, но сейчас я слабее, чем утром. Я думал, что смогу перенести боль и страдания, причиненные раной в плечо, но они никак не хотят отступать. Теперь я в полной зависимости от того, что поможет мне пережить предстоящие трудные недели. От лекарств, врачей, постельного режима.

И ради чего – непонятно.

Это почти невыносимо.

– Остаток дня я пробуду у себя, – говорю я Делалье. – Распорядитесь, чтобы мне приносили еду и не тревожили меня, если не поступят новые данные о беглецах.

– Слушаюсь, сэр.

– Это все, лейтенант.

– Так точно, сэр.

Я сам не понимаю, как мне плохо, пока не закрываю за собой дверь спальни. Я с трудом добираюсь до кровати и хватаюсь за спинку, чтобы не упасть. Меня снова прошибает пот, и я решаю скинуть верхнюю одежду, в которой был на сегодняшнем выезде. Я срываю с себя блейзер, который утром небрежно набросил на раненую руку, и падаю на постель. Меня вдруг начинает бить озноб. Моя здоровая рука дрожит, когда я тянусь к кнопке вызова врача.

Мне нужно наложить на рану свежую повязку. Мне нужно съесть что-нибудь существенное. И больше всего мне нужно по-настоящему помыться, что кажется совершенно невозможным.

Надо мной кто-то склоняется.

Я несколько раз моргаю, но могу различить лишь размытые силуэты. Какое-то лицо то принимает ясные очертания, то снова расплывается, пока я не оставляю тщетных попыток рассмотреть его. Мои глаза закрываются сами собой. Голова гудит. Боль огнем жжет кости, доходя до самой шеи, перед глазами мельтешат разноцветные пятна. Мне удастся уловить лишь отрывки разговора.

– Внезапный подъем температуры...

– Может, сделать ему инъекцию успокаивающего...

– Сколько таблеток он принял?..

Я вдруг осознаю, что они убьют меня. Прекрасная возможность. Я слаб и не могу сопротивляться, и кто-то наконец явился, чтобы убить меня. Вот он, мой смертный час. Он пробил. А я почему-то не могу осознать это и покориться ему.

Я замахиваюсь и пытаюсь заткнуть эти голоса, из моей глотки вырывается какой-то звериный хрип. Что-то твердое ударяется о мою руку и со звоном падает на пол. Сильные пальцы хватают мою правую руку и прижимают ее к постели. Что-то затягивается у меня на лодыжках и на запястье. Я стараюсь сбросить с себя эти путы, в отчаянии колотя кулаком по воздуху. Черная мгла застилает мне глаза и уши, сжимает горло. Я не могу ни дышать, ни видеть, ни слышать, и удушье приводит меня в такой ужас, что я почти уверен, что сошел с ума.

Что-то холодное и острое вонзается мне в руку.

На какое-то мгновение я осознаю, что чувствую боль, после чего она охватывает меня целиком, без остатка.

Глава 6

– Джульетта, – шепчу я, – что ты здесь делаешь?

Я полуодет и готовлюсь начать очередной день, а для посетителей еще слишком рано. Эти часы перед восходом солнца – мой единственный период спокойствия, и никому не позволено находиться здесь. Кажется невозможным, как она сумела пробраться в мои личные апартаменты.

Ее обязаны были остановить.

Тем не менее она стоит на пороге, глядя на меня немигающим взглядом. Я видел ее очень много раз, но сейчас все по-другому – смотря на нее, я испытываю физическую боль. Но почему-то меня тянет к ней, я хочу быть с ней рядом.

– Прости меня, – произносит она, ломая руки и отводя глаза. – Прости, прости, пожалуйста.

Я замечаю, во что она одета.

На ней темно-зеленое платье простого покроя из хлопка с эластиком, с облегающими рукавами и подчеркивающее мягкие изгибы ее тела. Оно гармонирует с зелеными огоньками в ее глазах, чего я никак не ожидал. Это одно из множества платьев, которые я выбрал для нее. Мне казалось, она с удовольствием наденет что-нибудь изящное после того, как ее так долго держали в клетке, словно зверя. Я не могу этого объяснить, но меня охватывает какое-то странное чувство гордости при виде того, что на ней вещь, которую я лично выбирал для нее.

– Прости меня, – снова повторяет она.

Я опять поражаюсь тому, что она совершила невозможное, проникнув сюда. В мою спальню. Смотрит на меня, стоящего без рубашки. У нее такие длинные волосы, что они ниспадают до середины спины. Я сжимаю кулаки, чтобы не поддаться жгучему желанию провести по ним руками. Она так прекрасна.

И я не понимаю, почему она все время извиняется.

Она закрывает за собой дверь. Приближается ко мне. Мое сердце бьется все чаще, и я чувствую, что тут что-то не так. Я никогда не реагирую подобным образом. Я не теряю контроля. Я вижу ее каждый день, при этом мне удается сохранять некое подобие превосходства. Но сейчас все не так, как обычно.

Она касается моей руки.

Ее пальцы пробегают по изгибу моего плеча, и от прикосновения ее кожи к моей мне хочется кричать. Боль рвет меня на части, но я не могу произнести ни слова. Я замер на месте.

Мне хочется крикнуть, чтобы она прекратила, чтобы ушла, но внутри меня словно разразилась война. Я счастлив, оттого что она рядом, даже если это причиняет мне боль, даже если в этом нет никакого смысла. Но сам я не могу коснуться ее, не могу ее обнять, как всегда этого хотел.

Она смотрит на меня.

Ее странные голубовато-зеленые глаза внимательно изучают меня, и я вдруг чувствую себя виноватым, сам не знаю почему. Но в ее взгляде есть что-то такое, что заставляет ощущать собственное ничтожество, словно она единственный человек, понявший, что внутри меня – пустота. Она нащупала трещины в этом панцире, который я вынужден носить день за днем, и от осознания этого я цепенею.

Эта девушка точно знает, как расправиться со мной.

Она кладет руку мне на ключицу.

Затем она хватает меня за плечо, вцепившись пальцами в кожу с такой силой, как будто пытается оторвать мне руку. Боль буквально ослепляет меня, и на сей раз я действительно

кричу. Я падаю перед ней на колени, а она выкручивает мне руку, заворачивая ее назад, пока я не начинаю задыхаться, изо всех сил стараясь не поддаваться боли.

– Джульетта, – хриплю я, – пожалуйста...

Она запускает свободную руку мне в волосы и оттягивает назад мою голову, так что я вынужден смотреть ей прямо в глаза. Затем она наклоняется к моему уху, при этом ее губы почти касаются моей щеки.

– Ты любишь меня? – шепчет она.

– Что? – с трудом выдыхаю я. – Что ты делаешь?..

– Ты все еще любишь меня? – переспрашивает она. Теперь ее пальцы ощупывают мое лицо, скользят по подбородку.

– Да, – отвечаю я. – Да, все еще люб...

Она улыбается.

Своей дивной невинной улыбкой. Я впадаю в ступор, когда она еще сильнее сжимает мою руку. Она так выкручивает мне плечо, что я почти уверен, что она его вывихнула. Перед глазами у меня пляшут цветные пятна, и я слышу ее голос:

– Осталось немного.

– Что? – в отчаянии спрашиваю я, пытаюсь оглядеться. – Что немного?

– Еще немного, и я уйду.

– Нет-нет, не уходи... Куда ты?..

– Ты поправишься, – произносит она. – Обещаю.

– Нет, – хриплю я, – нет...

Она вдруг отталкивает меня, и я просыпаюсь так внезапно, что у меня перехватывает дыхание.

Я недоуменно моргаю и понимаю, что проснулся посреди ночи. Со всех сторон меня обступает непроглядная тьма. Я тяжело дышу, рука туго стянута и пульсирует от боли. Тут я понимаю, что действие обезболивающего препарата закончилось. На руке под бинтом закреплена небольшая коробочка. Я нажимаю кнопку, чтобы вколоть себе еще одну дозу.

Мне требуется несколько секунд, чтобы привести дыхание в норму. Паника понемногу отступает.

Джульетта.

Я не могу контролировать кошмары, но в минуты пробуждения ее имя – единственное воспоминание, которое я могу себе позволить.

Потому что другие воспоминания о ней сопровождаются унижением и самоуничижением.

Глава 7

– Н-да, ну и зрелище. Мой сын, связанный, словно дикий зверь.

Я почти уверен, что мне снится очередной кошмар. Я медленно открываю глаза и смотрю в потолок. Я не делаю резких движений, однако ощущаю тяжелые путы, стягивающие мое левое запястье и обе лодыжки. Раненая рука перевязана и закреплена у меня на груди. И хотя плечо все еще болит, рана лишь немного ноет. Я чувствую, что у меня прибавилось сил. Даже голова прояснилась, и я четче воспринимаю окружающее. Однако во рту я ощущаю какой-то кислый металлический привкус и гадаю, сколько же я пролежал в постели.

– Ты и вправду думал, что я ничего не узнаю? – с усмешкой спрашивает он.

Он подходит к моей кровати, и его шаги отдаются во всем моем теле.

– Ты вынуждаешь Делалье бормотать извинения за то, что меня потревожили, и умолять моих людей винить только его за все хлопоты, связанные с этим непредвиденным визитом. Несомненно, что ты до смерти перепугал старика всем этим, тогда как на самом деле я бы все узнал и без его оповещений. Подобное происшествие, – заключает он, – не из тех, что можно легко скрыть. Надо быть полным идиотом, чтобы думать иначе.

Я чувствую на лодыжках легкое подергивание и понимаю, что он меня развязывает. Он так внезапно и неожиданно касается моей кожи, что я ощущаю внутри темную пустоту, вот-вот готовую обернуться болью. К горлу подступает тошнота. Требуется все мое самообладание, чтобы рывком не отстраниться от него.

– Сядь-ка, сынок. Сейчас ты должен вполне быть в форме. Ты сгруппировался, принявшись отдыхать, когда не надо, и теперь ты залежался. Ты три дня провалялся без сознания, а я прибыл двадцать семь часов назад. Вставай же. Это смешно, в самом-то деле.

Я продолжаю смотреть в потолок. Едва дыша.

Отец меняет тактику.

– Знаешь, – осторожно начинает он, – я ведь слышал о тебе преинтересную историю...

Он присаживается на край кровати, матрас скрипит под тяжестью его тела.

– Хочешь, я тебе ее перескажу?

Моя левая рука начинает трястись. Я судорожно цепляюсь пальцами за простыню.

– Рядовой 45В-76423. Флетчер, Симус. – Пауза. – Тебе знакомо это имя?

Я зажмуриваю глаза.

– Вообрази себе мое удивление, – произносит он, – когда я узнал, что мой сын наконец-то поступил правильно. Что он в конце концов проявил инициативу и избавился от предателя, регулярно воровавшего имущество со складов. Слышал, ты всадил ему пулю прямо в лоб. – Смешок. – Я поздравил себя и сказал, что ты наконец-то возмужал и научился управлять должным образом. Я почти гордился тобой. Вот почему я испытал еще большее потрясение, узнав, что семья Флетчера цела и невредима. – Он вдруг заламывает руки. – Потрясение, разумеется, оттого, что ты, как никто другой, должен знать основополагающее правило. В семье изменника все заражены изменой, и одно-единственное предательство автоматически обрекает их на смерть.

Он кладет руку мне на грудь.

Я снова мысленно строю стены. Белые стены. Цементные блоки. Пустые комнаты и большие открытые пространства.

Внутри меня ничего нет. Ровным счетом ничего.

– Как это, однако, забавно, – продолжает он, на сей раз задумчиво, – поскольку я сказал себе, что надо выждать и обсудить это с тобой. Но так получилось, что подходящий момент выдался именно теперь. – Я почти слышу, как он улыбается. – Должен сказать, что я чрезвычайно... разочарован. Хотя и не удивлен. – Он вздыхает. – Всего за месяц ты потерял двух

солдат, не смог справиться с психованной девчонкой, взбаламутил весь сектор и спровоцировал гражданских на бунт. Так что я ничуть не удивлен.

Его рука перемещается и ложится мне на ключицу.

«Белые стены», – думаю я.

Бетонные блоки.

Пустые комнаты. Открытые пространства.

Внутри меня ничего нет. Ровным счетом ничего.

– Но хуже всего, – произносит он, – вовсе не то, что ты умудрился унижить меня, нарушив порядок, который мне наконец-таки удалось установить. И даже не то, что ты схлопотал при этом пулю. Куда хуже, что ты выказал сочувствие семье предателя, – подытоживает он, рассмеявшись счастливым звонким смехом. – Вот это непростительно.

Я открываю глаза, часто мигая от яркого света флуоресцентных ламп у меня над головой, и пристально смотрю на расплывчатое белое пятно. Я не пошевелюсь. Я не заговорю.

Его рука смыкается у меня на глотке.

Это столь резкое и грубое движение, я чувствую нечто вроде облегчения. В глубине души я всегда надеюсь, что он доведет дело до конца и все-таки позволит мне умереть. Но он всегда останавливается. На полпути.

Пытка не является таковой, если есть хоть малейшая надежда, что она прекратится.

Он резко отпускает меня и тут же получает именно то, чего добивается. Я вскакиваю, кашляя и мотая головой, и издаю звук, подтверждающий его присутствие в комнате. Все мое тело дрожит, мышцы не слушаются от потрясения и долгого лежания. Я покрываюсь холодным потом, мне тяжело и больно дышать.

– Тебе крупно повезло, – говорит он как-то слишком тихо. Он уже стоит, а не нависает надо мной. – Очень повезло, что я оказался здесь исправить положение. Чрезвычайно повезло, что у меня было время исправить ошибку.

Я замираю.

Комната кружится у меня перед глазами.

– Мне удалось вычислить его жену, – продолжает он. – Жену Флетчера и его троих детей. Я слышал, что они даже благодарили тебя. – Пауза. – Ну, это было до того, как я приказал их убить, и полагаю, что сейчас это уже не имеет значения, но мои люди донесли мне, что семейство передавало тебе привет. Похоже, она тебя запомнила, – произносит он с легкой усмешкой. – Жена. Она сказала, что ты их навещал незадолго до всех этих... неприятностей. Она говорила, что ты регулярно объезжаешь жилые районы и общаешься с гражданскими.

Я шепчу лишь два слова, которые мне удастся выдать из себя:

– Вон отсюда.

– Узнаю своего сына! – отвечает он, жестом указывая на меня. – Жалкого, мягкотелого дурачка. Иногда ты мне так отвратителен, что я подумываю, не пристрелить ли мне тебя самому. И потом я понимаю, что тебе, наверное, это понравится, да? Будет кого винить в собственном крахе, а? И я думаю: нет, лучше пусть умрет от собственной глупости.

Я смотрю прямо перед собой, сжимая пальцами матрас.

– Теперь скажи мне, – спрашивает он, – что у тебя с рукой? Делалье бормотал что-то невнятное, да и другие тоже.

Я молчу.

– Так тебе стыдно признаться, что тебя ранил один из твоих солдат?

Я закрываю глаза.

– А что там с девчонкой? – продолжает он. – Как ей удалось улизнуть? Она ведь сбежала с одним из твоих людей?

Я сжимаю простыню с такой силой, что у меня начинает дрожать рука.

– Скажи мне, – не унимается он, наклонившись к моему уху, – как бы ты обошелся с таким предателем? Тоже бы навестил его семью? Поболтал бы с женой?

Я не хочу говорить это вслух, но не могу вовремя сдержаться:

– Я убью его.

Он вдруг издает такой взрыв хохота, что это скорее похоже на вой. Он легонько хлопает меня по затылку и взъерошивает мне волосы пальцами, которыми совсем недавно сжимал мне горло.

– Вот так-то лучше, – одобрительно произносит он. – Гораздо лучше. А теперь вставай. Нас ждет работа.

И я думаю: да, я бы не отказался поработать, чтобы стереть Адама Кента с лица земли.

Предатель вроде него не имеет права жить.

Глава 8

Я стою под душем так долго, что начинаю терять чувство времени.

Раньше такого никогда не случалось.

Все как-то не так, вкривь и вкось. Я подолгу обдумываю свои решения, сомневаюсь во всем, во что, казалось, я никогда не верил, и впервые в жизни я чувствую себя донельзя, смертельно усталым.

Здесь мой отец.

Мы снова спим под одной трижды проклятой крышей. Я искренне надеялся, что подобное никогда больше не повторится. И тем не менее он здесь, на базе, в своих личных апартаментах, и пробудет тут до тех пор, пока не убедится, что можно спокойно уезжать. А это значит, он станет решать наши проблемы, перевернув вверх дном весь Сектор 45. Из чего следует, что он понизит меня до положения своей марионетки и курьера, поскольку мой отец никогда и никому не показывается на глаза, кроме тех, кого он намеревается убить.

Он Верховный главнокомандующий Оздоровления и предпочитает анонимно диктовать свою волю. Он перемещается в сопровождении группы лично им отобранных солдат, получает информацию и отдает приказы через своих людей, а столицу покидает только в чрезвычайно редких случаях.

Известие о его прибытии в Сектор 45 скорее всего уже облетело базу и, несомненно, привело в ужас моих солдат. Поскольку его присутствие, реальное или воображаемое, означает только одно: нескончаемую пытку.

Как давно я не чувствовал себя трусом.

И в то же время я счастлив. Я упиваюсь затянувшейся иллюзией собственной силы. Самому встать с постели и помыться – это маленькая победа. Врачи обернули мою раненую руку каким-то водонепроницаемым пластиком, чтобы я смог принять душ, и я наконец чувствую себя достаточно хорошо, чтобы твердо стоять на ногах. Тошнота ушла, головокружение исчезло. Наконец-то я могу ясно мыслить, хотя перспективы представляются мне весьма туманными.

Я заставил себя не думать о ней, однако начинаю осознавать, что для этого у меня еще недостаточно сил. Особенно теперь, когда я активно ищу ее. Есть в этом какой-то внутренний конфликт.

Сегодня мне нужно вернуться в ее комнату.

Мне надо перебрать ее вещи в поисках зацепки, которая помогла бы мне найти ее. Койки, рундуки и платяные ящики Кента и Кисимото тщательно перерыли, но не нашли ничего подозрительного. Однако я приказал своим подчиненным оставить в ее комнате – комнате Джульетты – все как есть. Никому, кроме меня, не разрешается туда заходить. Пока я сам там все не осмотрю.

И это, согласно приказу моего отца, является моей первоочередной задачей.

– Это все, Делалье. Я извещу вас, если мне понадобится помощь.

В последнее время он сопровождает меня дольше обычного. Скорее всего он приходил справиться обо мне, когда я не появился на построении, которое назначил два дня назад, и, к своему удовольствию, обнаружил меня в бреду и на грани безумия. Каким-то образом ему удалось переложить на себя вину за все случившееся.

Будь на его месте кто-то другой, я бы понизил его в звании.

– Слушаюсь, сэр. Извините, сэр. И простите меня... я не хотел создавать дополнительных проблем...

– У меня к вам нет претензий, лейтенант.

– Извините, сэр, – шепчет он и как-то обмякает, опустив голову.

Его извинения начинают раздражать меня.

– Соберите личный состав в тринадцать ноль-ноль. Я все же должен сделать заявление касательно последних событий.

– Слушаюсь, сэр, – кивает он, не поднимая взгляда.

– Можете идти.

– Слушаюсь, сэр.

Он берет под козырек и исчезает.

Я остаюсь один перед ее дверью.

Забавно, но навещать ее здесь стало входить у меня в привычку. Я испытывал какое-то странное умиротворение от сознания того, что мы с ней живем в одном здании. Ее присутствие на базе изменило для меня буквально все: в течение того времени, что она провела здесь, мне впервые стало нравиться жить в моих апартаментах. Я с нетерпением ждал ее вспышек ярости. Ее истерик. Ее смешных доводов. Я хотел, чтобы она орала на меня; я бы поздравил ее, если бы она ударила меня по лицу. Я всегда провоцировал ее, играя с ее эмоциями. Я хотел увидеть настоящую девушку, скрытую за стеной страха. Мне хотелось, чтобы она наконец сбросила ею же самой придуманные и стянутые путы.

Поскольку я знал, что здесь, в замкнутом и изолированном пространстве, она могла притворяться тихой и кроткой, то там, среди хаоса разрушения, она станет совершенно другим человеком. Я просто ждал. Изо дня в день терпеливо ждал, когда же она осознает свои истинные возможности, так и не поняв, что доверил ее солдату, который может отнять ее у меня.

Вот почему мне надо было застрелиться.

Вместо этого я открываю дверь.

Дверная панель задвигается, когда я вхожу внутрь. Я стою один в комнате, помнящей ее последнее прикосновение. Постель в беспорядке, дверцы изысканно украшенного шкафа приоткрыты, разбитое окно наскоро затянуто пластиком. Я чувствую тоскливую пустоту под ложечкой, на которую стараюсь не обращать внимания.

Сосредоточься.

Я захожу в ванную и изучаю туалетные принадлежности и ящички, даже заглядываю в душевую кабину.

Ничего.

Я возвращаюсь к кровати и провожу рукой по скомканному одеялу и разбросанным подушкам. На какое-то мгновение я позволяю себе осмотреть свидетельства того, что она действительно когда-то здесь находилась, а затем разбираю постель. Простыни, наволочки, одеяла – все летит на пол. Я тщательно изучаю каждый сантиметр подушек, матраса и кровати рамы. И опять ничего не обнаруживаю.

Прикроватная тумбочка. Ничего.

Под кроватью. Ничего.

Светильники, выключатели, обои, каждый предмет одежды в ее шкафу. Ничего.

И только когда я направляюсь к двери, я что-то задеваю ногой. Смотрю вниз. И под носком ботинка вижу неприметный четырехугольный предмет. Маленький потертый блокнотик, который уместился бы у меня на ладони.

Я настолько поражен, что какое-то время не в силах сдвинуться с места.

Глава 9

Как же я мог забыть?

Этот блокнотик торчал у нее из кармана в тот день, когда она сбежала. Я обнаружил его сразу перед тем, как Кент приставил мне ко лбу пистолет, и в какой-то момент среди общей неразберихи я, должно быть, обронил блокнот. Теперь-то я понимаю, что именно его и надо было искать в первую очередь.

Я наклоняюсь, чтобы поднять его, аккуратно вытряхивая застрявшие между страниц осколки стекла. Рука дрожит, сердце громко пульсирует в ушах. Я понятия не имею, что в блокноте. Рисунки. Заметки. Неясные обрывки мыслей.

Все, что угодно.

Верчу блокнот в руках, мысленно запоминая складки на неровной истертой поверхности. У него неприметная коричневая обложка, но я не могу определить, стала ли она такой от времени или же это ее изначальный цвет. Интересно, давно ли он у нее. И где она его раздобыла.

Я пчусь назад и натыкаюсь на кровать. Колени у меня подгибаются, и я хватаюсь за матрас, чтобы сохранить равновесие. Делаю робкий вдох и закрываю глаза.

Я отсмотрел мониторные видеозаписи ее пребывания в психушке, но это не принесло почти никакой пользы. Освещение всегда было слишком слабым, а свет из маленького окошка почти не доходил до дальних углов ее палаты. Очень часто она представляла собой лишь неясные очертания неопределенной формы, расплывчатую тень, которую не сразу и заметишь. Наши камеры годятся лишь на то, чтобы засечь движение или несколько мгновений, когда солнце падает на нее под нужным углом. Но она редко двигалась. Почти все время она не шевелясь сидела на кровати или в темном углу. И постоянно молчала. Если она что-то и говорила, то это были не слова в буквальном смысле. Она говорила только числами.

Считала.

В этом ее поведении было что-то абсолютно нереальное. Я не мог даже различить ни ее лица, ни очертаний фигуры. И все же она восхитила меня тем, что могла казаться такой спокойной и неподвижной. Она часами сидела не шевелясь на одном месте, а я всегда ломал голову над тем, что же она думает, как она вообще может существовать в этом замкнутом мире. Но больше всего мне хотелось услышать, как она говорит.

Я безумно хотел слышать ее голос.

Я всегда надеялся, что она заговорит на знакомом мне языке. Мне казалось, она начнет с чего-то очень простого. Возможно, с чего-то трудноразличимого. Но когда в первый раз нам посчастливилось засечь, как она говорит, я не мог оторваться. Я сидел и остолбенело наблюдал, как она коснулась рукой стены и начала считать.

До 4572.

Я смотрел, как она считает. До 4572.

На это ушло пять часов.

Лишь позднее я понял, что она считала вдохи и выдохи.

После этого я начал беспрестанно думать о ней. Задолго до того как ее привезли на базу, я постоянно возвращался к мыслям о том, что она делает и заговорит ли она снова. Если она не считала вслух, считала ли она про себя? Мыслила ли она буквами? Законченными фразами? Злилась ли она? Грустила ли? Почему она казалась такой безмятежной, в то время как я слышал, что она представляет собой непредсказуемое безумное животное? Или это все обман, ловкий трюк?

Я изучил все до единого документы, касавшиеся ее жизни. Я вник во все детали ее истории болезни и полицейских протоколов. Я тщательно просмотрел все замечания ее учителей в школе, заключения врачей, ее официальный приговор, вынесенный судом Оздоровления,

и даже анкету из психиатрической лечебницы, заполненную ее родителями. Я знал, что ее исключили из школы в четырнадцать лет. Мне было известно, что ее подвергали довольно жестоким методам обследования, заставляли принимать различные – и опасные – экспериментальные препараты и что она прошла принудительный курс электрошоковой терапии. За два года она успела побывать в девяти разных центрах для временного содержания несовершеннолетних преступников, и ее осмотрели больше полусотни врачей. Все они описывали ее как чудовище. Они характеризовали ее как общественно опасную личность и угрозу всему роду человеческому. Как девочку, которая погубит наш мир и которая уже сделала для этого первый шаг, убив ребенка. Когда ей исполнилось шестнадцать, ее родители потребовали, чтобы ее изолировали. Так с ней и поступили.

Все это казалось мне полнейшим вздором.

Девушка-изгой, отринутая обществом и даже своей семьей. Чувства в ней должны бурлить через край. Ярость. Депрессия. Ненависть. Где же они?

Она совсем не походила на других обитателей психиатрической лечебницы, людей действительно больных. Кто-то часами бросался на стены, ломая себе кости и разбивая головы. Кто-то обезумел настолько, что до крови расцарапывал себе кожу, буквально разрывая себя на части. Кто-то во весь голос разговаривал сам с собой, смеясь, распевая песни и споря. Почти все срывали с себя одежду, ходили нагишом и спали, покрывшись коркой из собственных экскрементов. Она была единственной, кто регулярно принимал душ или стирал свою одежду. Она спокойно принимала пищу и съедала все, что ей давали. А большую часть времени она проводила, глядя в окно.

Ее продержали взаперти почти десять месяцев, но она не утратила человеческого достоинства. Я хотел знать, как она смогла выдержать так долго и как ей удалось достичь такого безупречного внешнего спокойствия. Я восхищался ею, завидуя ее самообладанию и стойкости перед лицом всего, что ей пришлось вынести. Не знаю, отдавал ли я себе тогда отчет в том, что чувствовал, но был твердо уверен – она должна принадлежать только мне.

Мне хотелось узнать ее тайны.

И вот однажды, находясь в палате, она встала и подошла к окну. Только-только занимался рассвет, и тогда я впервые ясно увидел ее лицо. Она прижала ладонь к оконному стеклу и прошептала всего два слова.

«Прости меня».

Я бесчисленное количество раз пересматривал этот фрагмент.

Я не мог никому признаться в том, что она вызвала во мне еще большее восхищение. Мне приходилось притворяться, разыгрывать по отношению к ней внешнее равнодушие и даже высокомерие. Ей предназначалась роль нашего орудия и ничего более, некоего «инновационного пыточного инструмента».

Винтика, до которого мне не было никакого дела.

В ходе своего исследования я натолкнулся на ее материалы случайно. Совпадение, и все. Я наткнулся на нее отнюдь не в поисках нового «живого оружия». Задолго до того как я впервые увидел ее видеоархив и перемолвился с ней словом, я вел исследования в другой области. С другой целью.

И по совсем другим причинам.

История об использовании ее в качестве оружия предназначалась моему отцу: мне нужен был предлог, чтобы работать с ней и получить необходимый допуск для изучения всех материалов по ней. Это был спектакль, который мне пришлось разыгрывать перед своими подчиненными и перед сотнями камер, отслеживающих каждый мой шаг. Я переправил ее на базу не для того, чтобы задействовать ее способности. И разумеется, я никак не ожидал, что увлекусь ею.

Но мои истинные мотивы умрут вместе со мной.

Я буквально падаю на кровать. Кладу руку на лоб и провожу ею по лицу. Я никогда бы не подсадил к ней Кента, если бы смог выкроить время и самому стать «подсадной уткой». Каждый мой шаг был ошибкой. Каждая тщательно просчитанная комбинация заканчивалась провалом. Мне хотелось лишь понаблюдать, как она проявит себя в общении с другим человеком. Изменится ли она, разрушит ли она обычным разговором выработанные мной вероятностные прогнозы. Но вид того, что она с кем-то говорит, сводил меня с ума. Я ревновал. Смешно. Я хотел, чтобы она узнала меня, чтобы она говорила со мной. И тогда я испытал странное, необъяснимое чувство, что она, возможно, единственный человек в мире, который мне небезразличен.

Я заставляю себя сесть. Со злобой смотрю на зажатый в руке блокнот.

Я потерял ее.

Она меня ненавидит.

Она меня ненавидит, а я испытываю к ней отвращение и, вероятно, никогда ее больше не увижу. Все это – результат моих «трудов». Этот блокнот, наверное, – единственное, что у меня от нее осталось. Моя рука застыла над обложкой, словно подталкивая меня открыть его и вновь обрести ее, хотя бы ненадолго, хотя бы на бумаге. И в то же время я охвачен ужасом. Это добром не кончится. Там может оказаться то, что мне совсем не захочется увидеть. А что, если она поверяла дневнику свои мысли о чувствах к Кенту? Тогда я могу выброситься из окна.

Я бью себя кулаком по лбу. Делаю глубокий вдох, чтобы совладать с собой.

Наконец, я открываю блокнот. И вижу первую страницу.

И лишь теперь я начинаю понимать истинный смысл того, что я нашел.

Я без конца думаю о том, что мне надо сохранять спокойствие, что все это у меня в голове, что все будет хорошо, что кто-то прямо сейчас откроет дверь, кто-то выпустит меня отсюда. Я без конца думаю о том, что это случится. Я думаю о том, что это должно случиться, поскольку подобные вещи просто не случаются. Такое не происходит. Людей не забывают вот так. Не бросают вот так.

Такое просто не происходит.

Мое лицо – в запекшейся крови от удара, когда меня швырнули на землю, а руки у меня до сих пор трясутся, даже когда я сейчас пишу. Эта ручка – моя единственная отдушина, мой голос, поскольку мне не с кем поговорить и некуда нырнуть, кроме как в глубь себя, а все илюпки уже заняты, и спасательных жилетов больше не осталось, а я не умею плавать-не умею плавать-не умею плавать, и мне все тяжелее. Мне все тяжелее. В груди у меня как будто миллион воплей, но их надо сдерживать, потому что что толку кричать, если тебя никогда не услышат, а меня здесь никто не услышит. Никто и никогда.

Я научилась не мигая смотреть на все.

На стены. На свои руки. На трещины в стенах. На сгибы на пальцах. На серые пятна на бетоне. На свои ногти. Я выбираю предмет и смотрю на него, наверное, часами. Я держу в голове время, считая уходящие секунды. Я держу в голове дни, записывая их. Сегодня день второй. Сегодня второй день. Сегодня день.

Сегодня.

Как же холодно. Как же холодно-холодно-холодно.

Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста.

Я резко захлопываю блокнот.

Рука у меня снова дрожит, и на сей раз я не могу совладать с ней. Теперь дрожь исходит откуда-то изнутри меня, от глубокого осознания того, что именно я держу в руках. Дневник не о том, что происходило с ней здесь. Он не имеет отношения ни ко мне, ни к Кенту, ни к кому бы то ни было. Этот дневник – хроника дней, проведенных ею в сумасшедшем доме.

И вдруг этот маленький потертый блокнотик становится мне дороже всего на свете.

Глава 10

Сам не знаю, как мне удастся так быстро добраться до своих апартаментов. Мне лишь известно, что я захлопнул дверь в спальню, открыл дверь в кабинет и заперся там изнутри. И вот я сижу за столом, отодвинув бумаги и секретные донесения, уставившись на истертую обложку блокнота, который читаю с леденящим ужасом. В этом дневнике есть что-то очень личное. Создается впечатление, что его листы связаны между собой чувствами бесконечно одинокого человека и наиболее страшными моментами его жизни. Она писала все это в самые тяжкие моменты своей недолгой семнадцатилетней жизни, и я думаю, что мне удастся то, чего я всегда хотел.

Заглянуть в ее мир.

И хотя напряженное ожидание буквально убивает меня, я вдруг очень остро ощущаю, каким горьким может быть разочарование. Я отчего-то теряю уверенность в том, что мне хочется познать ее мир. И все-таки хочется. На все сто.

Я медленно открываю блокнот и переворачиваю страницу. День третий.

Сегодня я начала кричать.

Эти четыре слова ранят меня больше всего на свете.

Моя грудь вздымается, мне трудно дышать. Но я заставляю себя читать дальше.

Очень скоро я понимаю, что в записях нет никакой упорядоченности. Похоже на то, что она опять начала сначала, когда странички кончились и она убедилась, что свободного места больше нет. Тогда она стала писать на полях и поверх старого текста мелким, почти нечитаемым почерком. Повсюду нацарапаны какие-то числа, иногда одно из них встречается множество раз. Частенько одно и то же слово написано, зачеркнуто, обведено кружком и подчеркнуто. Почти на каждой странице перечеркнутые предложения и целые абзацы.

Одним словом – полный хаос.

У меня сжимается сердце, когда я понимаю, что ей пришлось пережить. В свое время я строил догадки насчет того, какие страдания она испытывала, будучи запертой в жуткой полутемной клетке. Но, убедившись в этом воочию, я уже жалею о том, что оказался прав.

И теперь, даже прилагая все силы к тому, чтобы прочесть ее записи в каком-то хронологическом порядке, я убеждаюсь, что не могу разгадать метод, с помощью которого она все нумеровала. Разобраться в системе, на которой построен дневник, под силу только ей одной. Я могу лишь листать блокнот и выискивать наиболее связные куски текста.

Мой взгляд замирает на одном из фрагментов.

Как это странно – никогда не знать покоя. А лишь знать, что, куда бы ты ни шел, тебе негде укрыться. Что боль может в любой момент обрушиться на тебя. Я никогда не чувствовала себя в безопасности: ни выходя на улицу, ни все 14 лет, что я прожила дома. Психушка каждый день убивает людей, этот мир уже научил меня страху, а мой дом – по-прежнему то место, где отец каждую ночь запирает меня в комнате, а мать беспрестанно орала на меня, потому что я чудовище, которое ей приходится растить.

Она всегда говорила, что все дело в моем лице.

Есть в моем лице что-то такое, повторяла она, чего она на дух не переносила. Что-то в моих глазах, в том, как я смотрела на нее, что-то в самом факте моего существования. Она всегда кричала, чтобы я не смотрела на нее. Как будто бы я брошусь на нее. «Не смотри на меня!» – визжала она. Не смотри, и все тут.

Однажды она засунула мою руку в горящий камин.

Просто посмотреть, загорится ли она. Просто проверить, нормальная ли у меня рука, сказала она.

Мне было тогда 6 лет.

Я запомнила это, потому что у меня был день рождения.

Я швыряю блокнот на пол.

И тут же вскакиваю, пытаюсь унять лихорадочно бьющееся сердце. Я запускаю руку в волосы. Как мне близки эти слова, как знакомы. История ребенка, над которым издевались родители. Запертого и забытого. Как все это мне знакомо.

Я никогда в жизни не читал ничего подобного. Такого, что пробирало бы меня до глубины души. И я знаю: не надо было это читать. Каким-то образом я осознаю, что мне это не поможет, ничему меня не научит, не даст мне никаких зацепок по поводу того, где она могла скрыться. Я лишь знаю, что сойду с ума, если продолжу чтение.

Но я не могу ничего с собой поделать и снова тянусь к дневнику.

Опять открываю его.

Сбила ли я с ума?

Случилось ли это?

Как я об этом узнаю, и узнаю ли?

Переговорное устройство вдруг издает пронзительный визг, так что я чуть не падаю со стула и хватаюсь за стену. Дрожь в руках не унимается, на лбу выступает испарина. Перевязанную руку нестерпимо жжет, а ноги делаются ватными. Мне приходится собрать в кулак всю свою волю, чтобы мой голос звучал обыденно, и нажимаю кнопку.

– Что такое? – недовольно спрашиваю я.

– Сэр, я хотел узнать, все ли у вас... то есть построение, сэр, если, конечно, я не перепутал время... Прошу простить, что побеспокоил...

– Бога ради, Делалье, – отвечаю я как можно более спокойным голосом, – перестаньте наконец извиняться. Уже иду.

– Слушаюсь, сэр, – говорит он. – Благодарю вас, сэр.

Я отпускаю кнопку.

Затем беру блокнот, сую его в карман и иду к двери.

Глава 11

Я стою на краю помоста, возвышающегося над плацем, и смотрю на тысячи лиц, глядящих на меня немигающими глазами. Это мои солдаты. Они стоят в шеренгах по одному, одетые в повседневную форму. Черные рубашки, черные брюки, черные ботинки.

Без оружия.

У каждого стиснутый кулак левой руки прижат к сердцу.

Я делаю над собой усилие, чтобы взять себя в руки и сосредоточиться, но мои мысли упорно возвращаются к лежащему в кармане блокноту. Он жжет мне кожу и манит к себе своими тайнами.

Я сам не свой.

Мои мысли опутаны словами, которые мне не принадлежат. Я делаю резкий вдох, чтобы сбросить висящую перед глазами пелену, и сжимаю и разжимаю кулак.

– Сектор 45! – обращаюсь я к застывшим солдатам, говоря прямо в сетку микрофона.

Они одновременно делают резкое движение, опустив левую руку и прижав стиснутый кулак правой к груди.

– Сегодня я решил уведомить вас о нескольких недавних событиях, – продолжаю я. – Результат одного из них вы все видите.

Я показываю на свою раненую руку. Внимательно вглядываюсь в их слишком уж бесстрастные лица.

Я вижу их подлые мысли как на ладони.

Они считают меня кем-то вроде безумного ребенка. В них нет ни уважения ко мне, ни верности. Они огорчены тем, что я стою перед ними. Они испытывают злобу и даже отвращение, оттого что моя рана оказалась не смертельной.

Но они смертельно боятся меня.

И это все, что мне требуется.

– Я был ранен, – объявляю я, – во время преследования двух перебежчиков. Рядовые Адам Кент и Кенджи Кисимото спланировали побег с целью похищения Джульетты Феррарс, недавно переведенной в Сектор 45 и представляющей для нас чрезвычайную ценность. Они обвиняются в незаконном захвате и удержании мисс Феррарс. Однако, что куда более важно, они признаны виновными в измене Оздоровлению. При обнаружении они будут немедленно уничтожены.

Я еще раз убеждаюсь в том, что ужас – одно из наиболее ярко проявляющихся чувств. Даже на каменном лице солдата.

– Во-вторых, – продолжаю я, на сей раз чуть медленнее, – с целью стабилизации обстановки в Секторе 45, предотвращения волнений среди гражданского населения и для нейтрализации последствий недавних происшествий к нам на базу прибыл Верховный главнокомандующий Оздоровления. Это произошло, – обращаюсь я к ним, – почти тридцать шесть часов назад.

Кто-то из солдат опустил сжатые кулаки. Забылись. Смотрят вытаращенными глазами.

Окаменели.

– Вы окажете ему гостеприимство, – говорю я.

Они падают на колени.

Как это странно – обладать подобной властью. Интересно, гордится ли мой отец тем, что он создал. Что я способен всего лишь несколькими словами, одним его титулом повергнуть тысячи взрослых мужчин на колени. Это ужасающее и вместе с тем пьянящее ощущение.

Я мысленно считаю до пяти.

– Встаньте.

Они поднимаются. Затем проделывают маршевый артикул.

Пять шагов назад, пять вперед, стой, раз-два. Они вздымают вверх левую руку, сжатую в кулак, и опускаются на одно колено. На сей раз я не приказываю им встать.

– Будьте готовы, господа, – обращаюсь я к ним. – Мы не будем знать ни сна, ни отдыха, пока не разыщем Кента и Кисимото и пока мисс Феррарс вновь не окажется на базе. В ближайшие двадцать четыре часа я получу указания от Верховного главнокомандующего, который поставит нам боевую задачу. Тем временем вы должны уяснить два момента: первое – мы не допустим волнений среди гражданского населения и приложим все усилия для соблюдения им обязательств по отношению к новому миру. И второе – не сомневайтесь, что мы найдем рядовых Кента и Кисимото. – Я ненадолго умолкаю. Обвожу их взглядом, внимательно всматриваясь в лица. – Пусть их судьба послужит вам примером. Предателям не место в Оздоровлении. И мы никогда не прощаем их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.